

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАЙ
ИЮНЬ **№3(129)**

МОСКВА 2020

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2020. № 3. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан); д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
член-корр. НАУ А.А. Гриценко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н.,
проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.э.н., проф. М.В. Кулаков;
д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); академик РАН В.Л. Макаров;
д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета; д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов);
д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.ю.н. В.Ю. Стромов (Тамбов);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.ф.н., проф. Л.А. Тугов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына,
О.Б. Лемешенок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайт: <http://www.phil.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2020

Содержание

Коронапандемия как великий казус современности (Главный редактор).....	7
Часть I. Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Разверзшаяся реальность.....	13
<i>М.А. Румянцев</i>	
Движение вниз и российская перспектива	32
<i>В.К. Королев, О.В. Евграфова</i>	
«Декоронация» глобализации и этномультимедиализм в посткризисной экономике	44
<i>С.Ю. Румянцева</i>	
Конец витка и отрицательный подбор	59
<i>М.Л. Альпидовская</i>	
Виртуальная реальность глобальной экспансии «цифры».....	87
<i>Л.А. Асланов</i>	
Опыт цивилизационного анализа	99
Часть II. Экономическая теория	
<i>В.Т. Рязанов</i>	
Коронавирусный шок и его причины: какой будет новая реальность?	105
<i>Р.М. Нижегородцев</i>	
Коронакризис: становление вирусно-цифровой экономики.....	125
<i>В.В. Липов</i>	
«Сексуальный, но бедный»: информационные платформы и парадокс открытости в цифровой экономике.....	152
<i>В.В. Слюсарев, Т.М. Хусяинов</i>	
Человеческие ресурсы в условиях пандемии	167
<i>Т.В. Алексашина, В.И. Смагина, И.И. Смагин</i>	
К вопросу о цифровой трансформации системы управления персоналом в транспортной сфере.....	179

Часть III. Актуальная философия	
<i>А.А. Тарасов</i>	
NBIC-вирус пандемического контроля: quo vadis?.....	193
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Коронавирус: свобода или судьба?	207
<i>В.В. Баталов</i>	
Антиэнтропийный характер времени и концептуальное поле исчезновения, прекращения и распада	222
Часть IV. Актуальная социология	
<i>Г.С. Широкалова</i>	
Коронавирус и «служебные люди»	235
<i>С.В. Синяков</i>	
Законы общества, синергетика и зигзагообразное развитие Украины	253
<i>А.И. Желнин</i>	
Социальное управление биологией человека: субъекты, механизмы, ограничения	269
Научная жизнь	
<i>Т.С. Сухина</i>	
20 лет журналу «Философия хозяйства»: развитие в библиометрических измерениях	287
Анонсы	293
Наши авторы	296

Contents

The Coronapandemia as the Great Incident of Modernity (<i>Chief Editor</i>)	7
Part I. Philosophy of Economy	
<i>Yu.V. Osipov</i> A Gaped Reality	13
<i>M.A. Rummyantsev</i> Downward Movement and the Russian Perspective	32
<i>V.K. Korolev, O.V. Evgraphova</i> The «Decoronation» of Globalization and Ethnomulticulturalism in the Post-Crisis Economy	44
<i>S.Yu. Rummyantseva</i> The End of Turn and Negative Selection	59
<i>M.L. Alpidovskaya</i> The Virtual Reality of the Global Expansion of the «Digitization»	87
<i>L.A. Aslanov</i> Experience of Civilizational Analysis	99
Part II. Economic Theory	
<i>V.T. Ryazanov</i> Coronavirus Shock and His Reasons: What is New Reality?	105
<i>R.M. Nizhegorodtsev</i> Coronacrisis: The Virus-Digital Economy Arising	125
<i>V.V. Lipov</i> «Sexy but Poor»: Information Platforms and the Paradox of Openness in the Digital Economy	152
<i>V.V. Sliusarev, T.M. Khusyainov</i> Human Resources in a Pandemic	167
<i>T.V. Aleksashina, V.I. Smagina, I.I. Smagin</i> On the Issue of Digital Transformation of the Personnel Management System in the Transport Sector	179
Part III. Actual Philosophy	
<i>A.A. Tarasov</i> NBIC-Virus of Pandemic Control: Quo Vadis?	193
<i>F.I. Girenok</i> Coronavirus: Freedom or Fate?	207

<i>V.V. Batalov</i>	
The Anti-Entropic Nature of Time and the Conceptual Field of Disappearance, Cessation and Decay	222
Part IV. Actual Sociology	
<i>G.S. Shirokalova</i>	
Coronavirus and «Service People»	235
<i>S.V. Sinyakov</i>	
Laws of Society, Synergy and Zigzag Development of Ukraine	253
<i>A.I. Zhelnin</i>	
Social Management of Human Biology: Subjects, Mechanisms, Limits	269
Scientific Life	
<i>T.S. Sukhina</i>	
Twentieth Anniversary of the Journal «Philosophy of Economy»: Development in Bibliometric Measurements.....	287
Anounce	293
Our Authors	287

Коронапандемия как великий казус современности

Да — *казус*¹, именно так — *казус*, хоть и *жуткий казус*, — обязанный как собственно вирусу с его болезнями и смертями, так и сопровождающей коронованную пандемию круговой Пан-неизвестности: откуда, почему, зачем, а главное — на сколько же и с какими последствиями?

Но не только!

Мало того, что это вирусная пандемия, так это еще и социально-хозяйственная *Пан*-пандемия, где «Пан» — не так само по себе мировое пространство, как у того же «пан», как *весь человеческий мир* в своей структурно-системной, или организменной, целостности, что означает захват новейшей патопандемией не только человека как биосущества, но и человека как существа осознания, ноосферного — как феномена физического и при этом метафизического, как существа природно-неприродного, как актора *мира этого*, агента *мира иного* и адепта *мира виртуального*, им же самим же и сфабрикованного, как выбивающегося из природной экосреды дерзкого и неумного *творца*, как создателя *своего* — неприродного, им воображенного, вполне себе искусственного — мира, того самого мира, который вдруг развернулся против своего же создателя, мало что загоняя его в себя в качестве столь же искусственного элемента, но еще и ставящего под сомнение само существование на Земле сего демиургического субъекта.

Вот и великий казус современности!

Только что была какая-никакая, но... *реальность*, а в мгновение ока вдруг уже и самая что ни на есть... *ирреальность*, а во все не *новая реальность*, которая еще только впереди, — да вот *какая?!*

Не дом уже, а тюремная камера, не город, а зона, не мир человеческий, а пустыня, причем все это под невидимо нависшей над Землей электронной сетью, через посредство которой каждый человек, являясь всему миру призрачным узелком в сей сети, призрачно общается с другими людьми — тоже ставшими призраками (не великий ли казус тут уже самого человека-демиурга?!),

¹ Казус — сложное, запутанное дело.

отчего мир человеческий оказался очень уж значительно замещенным мало что технотронно искусственным миром, а миром вовсю уже и *призрачным*, если же, конечно, еще... *миром*, а не всего лишь только тенью от мира.

Ах, этот многовекторный великий казус!

Да, все это, вдруг ставшее призрачным, вроде бы временно, но ведь это все уже всамделишно *есть*! Причем не как дополнение к реальному человеческому миру, а как уже его вполне заявочное замещение: теперь остаточный (рудиментный) реально-де человеческий мир служит дополнением, да и то во многом ненужным, миру виртуальному, как раз электронно-сетевому.

Разрыв тут реальности, обнажение пустоты, заполнение пустоты призрачной ирреальностью, отчего и *чего-то* конец и *чего-то* начало!

Настоящая апокалиптика!

Оторопь теперь лишь одна: что в мире, что у них, что в нас!

Коронавирус казусно загадочен — по происхождению, начинке, поведению, распространению, приспособлениям, мутациям, целям, перспективам; он более трансцендентен, чем имманентен; это — некая известная неизвестность, как, собственно, и неизвестная известность, этакий по-черному мистериальный «мистер Икс».

Не очень-то ясно, откуда сей вирус конкретно взялся, каким образом вдруг возник, хотя любому метафизику понятно, что он явился, как и все на этом свете... *ниоткуда*, прямо из бездны, из преисподней, пройдя фокальный стык природного, искусственного и потустороннего миров, может, и совершенно случайно, а может, и нет, а ежели вдруг по чьему-либо зёмному умыслу, то какому же из возможных в эпоху-то разгулявшегося не на шутку inferнального Постмодерна, зараженного высокомерным презрением к устаревшему-де традиционному человеку, с неустанным преклонением перед своевольным сверхчеловеком-демиургом и нетерпеливым ожиданием своего массового детища — *постчеловека* (киборга-чиповея)?

Да, тут явно со стороны пандемии дерзкое на человека и его мир нападение, внезапная атака, бесцеремонное в них вторжение, как и ужасная для человека и его мира напасть, большая беда, злое

несчастье, но при этом имеет место и стойкое сопротивление со стороны человека всему этому злу, схватка с ним, борьба, в общем — *война!* — со всеми ее атрибутами, включая мобилизацию, подвижничество, жертвенность.

Однако тут явно (или неявно) замечается и кое-что еще, а именно: знак, знамение, печать вкупе с каким-то сигналом, намеком, к чему-то призывом, одним словом — *казусный месседж* какой-то, да вот о чем: об искуплении за прошлое, о воздании за настоящее, о потребном ныне ментально-духовном очищении, может, и о коварном опустошении бытия перед неизвестными, но с неминуемо судьбоносными переменами, о каком-то невозможном, но неотвратимом, будущем?

Современность, в том числе, да и чуть ли не в особенности, российская, успела отметить замену (или подменой) сакраментально-символического «Пира во время чумы» не чем иным, как «Чумой во время пира» — «Антимировской чумой во время постмодерновского пира», а с приходом коронованной пандемии еще и подкрепленной «Чумой во время чумы», то бишь подкрепленной новой чумой, вспыхнувшей посреди уже давно разгулявшейся «чумы», или «чумы-пира» — как раз в виде роскошной пляски бесноватого Постмодерна на изуродованном человеке-демиургом теле Земли!

Сия новая чума, она же коронованная пандемия, как бы заставила уже наличествовавшую тотально пир-чуму прерваться и вроде бы даже уйти в несуществующую тень, более того, спровоцировала возможность бытийного поворота, разворота, переворота, в общем — какой-то *великой бытийной перемены*, правда, перемены все-таки в условиях и силами... *нынешнего великого казуса* — сложного и запутанного, отчего и вопросы: кому же тут более всего адресован казусный месседж, о чем он и для чего явлен, ибо ему внемлет сейчас как глобальный Постмодерн, не собирающийся сдаваться, так и, надо полагать, еще пока не сильно проявившийся в яви, но весьма возможный в реалиях *за-Постмодерн*, и эти альтернативы не склонны уступать друг другу место на Земле?

Итак: впереди человека поджидает либо обновленный, может, не такой уж и карнавальный, как до Пан-пандемии, а скорее,

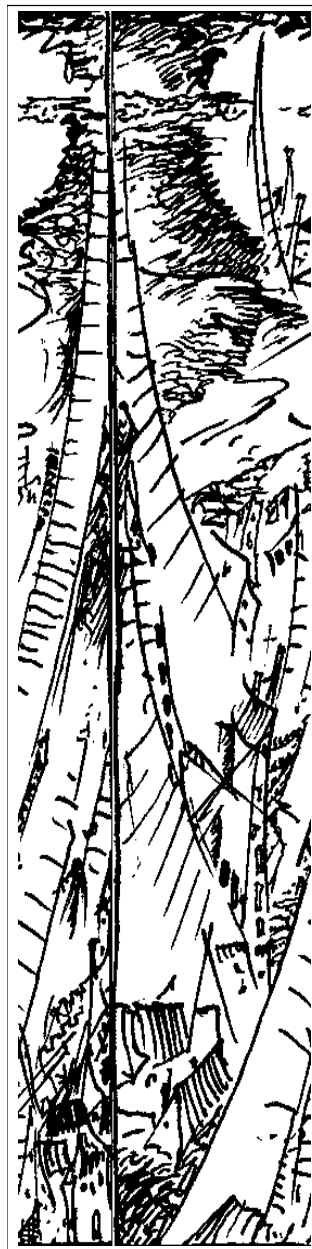
вовсю уже технотронно диктатный и творчески к выжившему от пандемий человеку беспощадный, как хорошенькая пандемия, Постмодерн, либо же, что менее вероятно, но все-таки возможно, отрицающий с опорой на Традицию разыгравшийся ныне Постмодерн, но при этом тоже не избегающий технотроники и, что не исключено, тоже весьма диктатный ко все-еще-человеку *за*-Постмодерн.

Если тут и выбор, то в рамках неразлучной с человеком беспутной дилеммы, когда оба возможных исхода из нее не хуже и не лучше для ее — этой дилеммы — разрешителя!

Так или иначе, но впереди как-то очень уж маячит... *диктатура*, как раз с мощной технотронной составляющей, — иное дело, в пользу ли *все-еще-человека* и его выживания в неведомом, но все-таки еще возможном, будущем, или же в пользу уже давненько народившегося, быстро подрастающего и упорно идущего к власти на Земле и в той же России *постчеловека* — без всякого уже человеческого будущего!

Увидим, и весьма, знаете ли, скоро увидим, памятуя при этом, что в реальности обычно случается все самое невероятное и всегда случается внезапно — как тот же, к примеру, Пан-пандемический казус — то ли ненамеренно самотворный, то ли все-таки намеренно сотворенный, это уж как кому на матушке Земле кажется!

Главный редактор

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Разверзшаяся реальность*

Аннотация. Коронапандемия COVID-19 разорвала и рассредоточила мировую реальность, в гигантский разрыв и бесчисленные поры хлынула небытийная пустота; большая ударная перемена сочеталась с большой мировой остановкой бытия, за которой маячит новая мировая реальность. Какая же?

Ключевые слова: мир, бытие, человек, коронавирус, пандемия, мировые перемены, новая мировая реальность, апокалиптика, философия, философия хозяйства, история, метафизика, метасмыслология.

Abstract. COVID-19 pandemia ripped apart and dispersed the world reality, with a non-existence void pouring into a giant gap and countless pores; a great change was combined with a great world stop of existence behind which there is a new world reality. What's that?

Keywords: world, existence, human, coronavirus, pandemic, world changes, new world reality, apocalyptic, philosophy, philosophy of economy, history, metaphysics.

УДК 330:1

ББК 65.5

Строго говоря, реальность, или то, что человеку кажется реальностью, — *всегда* новая, она *всегда* в родах, хотя и, *всегда* становясь со столь же непреклонной неотвратимостью старой, она *всегда* умирает. Зачатие новой реальности как видимой и уловимой человеком реальности вершится где-то в неизвестности, на грани бытия и небытия, можно сказать, что и в бездне; созревание зародыша идет как процесс — в производительном секторе великой преисподней, в этой нефигуральной фабрике бытия; само же явление на свет плода,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Разверзшаяся реальность // Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 13—32.

идущего откуда-то ниоткуда, реализуется в столкновении с уже бытующей на свету и в тени реальностью, которую новая родившаяся реальность попросту смещает и умерщвляет, отправляя ее останки в небытие, во все ту же бездну, по дороге к которой приговоренная к небытию реальность непременно проходит через уже не производительный, а разборочно-истребительный, вроде мусорораспределительного конвейера и мусоросжигающей печи, сектор преисподней.

Отсюда и классическая экзистенциальная формула: *небытие — бытие — небытие* (НБ — Б — НБ), где небытие, как и та же бездна, — вовсе не пустота, а всего лишь некая нереальная реальность, или реальная нереальность, в общем — *неизвестность*!

Да, именно так — *неизвестность*, а для человека и его сознания, как и его знания, — не более и не менее как *Великая Неизвестность*, вполне и сакральная, которую можно бытовое и физикалистски не признавать самоуверенно и даже высокомерно отрицая, но которая, вовсе не нуждаясь ни в каком подобном признании, все равно *есть*, и есть она не где-то там — в бескрайних несусветных далях, что несомненно, но и прямо здесь, в мироздании, во Вселенной, на Земле, в человечестве и в его мире, в сознании, в мыслях, в деяниях, вообще во всем, кажущемся человеку реальным и... тоже лишь кажущемся человеку... *известным*.

Реальность тут среди нереальности, знание среди незнания, известное среди неизвестного, ну а мир человеческий среди... э-э... если не полной пустоты, то по крайней и лучшей для человека мере среди какого-то ему совсем не видимого и уже не сильно ему кажущегося *иного мира*, который мало что *здесь*, но еще и в роли незаметного, но действенного архитектора, строителя, оберегателя и, увы (!), неизбежного ликвидатора здешнего — нашенского, как бы и вполне реального, весьма и человеческого — мира, как раз *сего*, или *этого*, *мира!*

Жалкая все это, скажут нам, и никому не нужная метафизическая фантазия, — разве не так? Отнюдь — ответим мы! Самая что ни на есть обнаженная и сокрушительная для физикалистских гуманитарных мифов *правда* — да-да, именно так — *правда!*

Что, скажите, в сегодняшнем бурно меняющемся человеческом мире воистину известного, кроме, конечно, «несомненных» бытийно-событийных, поверхностно-предметных, однозначно-точных,

материально-упругих и т. д. фактов: сам ли этот мир хорошо известен или же, что, как и почему в нем меняется; или, к чему ведут и в итоге приводят протекающие в реальности и ей вопреки перемены, — что из всего перечисленного так уж известно? Мало того, что тут обычно являются совершенно разные об известном-де происходящем людские мнения, что уже говорит о том, что все это «известное» не так уж людям и известно, а главное — все из судьбоносно вокруг происходящего не более чем не лишенный тайны *пльвун* — среди, или в среде, полного своей тайны... *непроисходящего*, как раз и *неизвестного*, откуда происходящее в реальности непременно исходит — рождаясь, и куда оно непременно уходит — умирая. Сегодня вокруг что-то вроде бы есть, живет, действует, а завтра ничего такого уже и нет; сегодня что-то вольно или же натужно плывет, завтра оно уже вдруг тонет, а послезавтра, глядишь, и насовсем исчезает — как раз в пучине неведомого и давно человеком проклятого *неизвестного* — *непроисходящего*!

Да, вокруг в человеческом мире немало всего стоящего, устойчивого, длящегося, как бы и неизменного, постоянного — факт! Но ведь и немало хватает, в особенности какими-то временами, периодами и эпохами, в каких-то конкретных местах, ареалах и пространствах, чего-то неустойчивого, текучего, изменяющегося, непостоянного, а иной раз всего этого подвижного оказывается так много, что приходится говорить уже о времени-пространстве *больших перемен*, или же об *эпохе перемен*, а то и вообще о *мире перемен*, даже и о *мир-перемене*, что ныне вполне обоснованно и отчетливо как раз и наблюдается, — тоже ведь факт, да еще какой!

Вообще перемены в человеческом бытии, как и само вообще бытие, творятся прежде всего (или на первый взгляд) самим человеком — основным актором сего бытия и случающихся в нем перемен; однако перемены в бытии, как и вообще само бытие, творятся также и самим бытием, самой текущей реальностью, с чем бытийствующий человек непременно сталкивается, к чему приспособливается, чему сопротивляется, на что пытается по-своему влиять, с чем и отчаянно иной раз воюет; наконец (уже не на первый, даже не на второй, а лишь на... энный вообще взгляд), перемены, как и само бытие, творятся не чем иным, как... *неизвестностью*, можно сказать, и *иномирьем*.

В таком разе получается некий триадный ход человеческого бытия и перемен в нем: *человеческий* (субъектно-субъективный, акционный), *бытийный* (стихийно-объективный, процессный) и *внебытийный* (невероятно-внезапный, случайностный). И не только в разных конкретных переменных проявляют себя разные переменовские потенциалы и ходы, они, эти разные потенциалы и ходы, способны проявиться и в одной какой-либо переменной — в разных, конечно, сочетаниях и мерах.

Мир-перемена! Это значит, что тут все переменное в клубке и сразу на весь мир, а еще это значит, что все это переменное совершается значительно само по себе, что оно весьма произвольно, отчего любая большая перемена — более всего *сама-себе-перемена*, а мир от этого — более всего *сам-себе-мир*, а в итоге одно лишь большущее недоумение: отчего-то, зачем-то, как-то, куда-то, с какой-то целью, с каким-то там итогом, в общем, как ни крути тут головой, усиленно соображая и многозначительно умничая, а все одно — круговая повсюду *неизвестность*, лишь прикрытая кое-какой известностью, да и то весьма худо прикрытая и весьма худой известностью — не целиком прикрытая, да и само известническое покрывало непременно с дырками, не говоря уж об иллюзорных, ошибочных и попросту лживых лоскутах на пестром от собственной дискретности покрывале, тоже, кстати, *самом-себе-покрывале*. Вот вам, господа, не только *мир-перемена*, но и *перемена-мир!* А вот где тут мир, а где перемена — поди-ка, разберись!

Да, мир человеческий продолжается, как и не прекращается его перемена, ведомая и толкаемая вперед ударными переменовскими деяниями человека, самовольными интенциями текущей реальности и упорно подтекающей под нее еще более самовольной ирреальности, надо полагать, самой Великой Неизвестности, хотя в лице или же в образе того же Иномирья. Страшно ли нынешнему человеку-землянину или нет, грустно ли ему или весело, худо ли ему или же приятно, но мир его явно и споро меняется, да так, что ко сну ночному он вроде бы *такой*, а утром, глядишь, он уже и *другой*, а уж через неделю, месяц, год... о-о!.. *совсем уже другой* — и ничего тут не узнать — ни мира, ни перемен, из мира вдруг вывернувшихся, ни самого по себе человека — человека-творца, человека-демиурга, человека-гордеца!

Удивительно все это, весьма занятно, для кого-то даже и забавно, а для кого-то... действительно страшно, ибо... *что, зачем, куда?* — одни вопросы без всяких на них ответов, хотя что-то вроде бы и известно, о чем-то известном-де всюду убедительно толкуют расколотые, растерянные и оскалившиеся СМИ — раскрасневшиеся, побелевшие, почерневшие, а правители повсюду не то что в умном недоумении и легкой невразумительности, а в уже заметном... *отчаянии*, причем в особом рода отчаянии — тихом пандемическом: еще вчера всем им было более или менее все ясно, они знали что и как им делать, как жить подотчетным им насельникам Земли, как ими самоуверенно управлять, как на высшем уровне самодовольно тусоваться, ловя медийное внимание, загадочно при этом физиономировав, иронично улыбаясь, наигранно радуясь или притворно гневаясь, замысловато, а то и просто по-свойски, выражаясь, — и вдруг, уже прямо сегодня, если еще не вчера, надо что-то реально делать — быстро, эффективно, дальновидно, а ситуация совсем уж экстремальная, штормовая и штормовая, прямо-таки убийственная, но это не все, ибо завтра непременно наступит... *завтра*, если, конечно, оно вообще наступит, полное не так даже неопределенности и неизвестности, как какой-то уже *новой реальности*, мало что *самой-себе-реальности*, так еще и какой-то *нереальной реальности*, чуть ли не *небытийной реальности*, да не от своей сверхновизны, конечно, а от преследующей ее... *небытийности!*

О-о, какая тут грядет расплата за свободу демиургии, прогресса, новизны, того же экономизма, как и за евроамериканизм, либерализм, модерн и постмодерн, глобализацию и глобализм, империализм и колониализм, за самоуверенность и самовлюбленность прогрессивных-де стран-передовиков и щенячье им подражание со стороны якобы безнадежно отставших от передовиков стран-маргиналов, за расчеловечивание человека и разбожествление Господа Бога, за пренебрежение к Иномирию и Софии Премудрости Божией, к Великой Неизвестности, да и к Преисподней с Бездной тоже, — и вся великая-де известность, прямо-таки космическая, вдруг оборачивается жуткой зёмной неизвестностью: ни человека тебе, ни социума, ни культуры, ни языка, ни сознания, а так — одна трескучая *пустота!*

И причиной всего этого внезапного переворота, пусть пока по преимуществу лишь ментально-установочного, вовсе не коронавирусная пандемия, а все нынешнее бытие человеческое, во многом уже и нечеловеческое, обусловленное и даже назначенное из исторических далей и весем сначала ренессансным, а затем просвещенческим европеизмом, как раз и дошедшее до пика самоотрицания аккурат на рубеже XX — XXI вв. — в момент обретения европеизированным (точнее бы сказать — евроамериканизированным) человечеством стадии *всеобъемлющего благополучия*, подтверждаемого безудержным — алчным и неумным — потребительством, да не только по поводу хлебов и зрелищ, вообще всяких удовольственных благ, а и самих времени и пространства, самой экзистенции, мало того — ума, сознания, духа, как и самого человека, превращающегося в итоге обильного легкомысленного самоупотребления либо в звонкую или же скрипучую погремушку, либо в грубое, обездушенное, немало и озлобленное животное. Разумеется, речь тут не обо всех вообще «людях», но об очень уж немалых, если не большущих их массах, включая и так называемые элиты. Человек рьяно, охотно и безоговорочно пожирает самого себя — себя прежнего, устремившись от самого себя прежнего к какому-то себе совершенно уже новому, а вот стать новым человекообразом вовсе не означает остаться при этом собственно человеком!

Ведомое вперед в обход Бога и Христа, Софии Премудрости Божией антибожеское, антихристовое и антисофийное по сути западное европейство, сначала как бы ренессансное, а на самом-то деле — нессансное, а потом как бы просвещенческое, а на самом-то деле переделочное, достигло к рубежу XIX — XX вв. посредством свободного капиталистического предпринимательства, безудержной экономической эксплуатации наемного труда, безоглядного ограбления заморских колоний, вроде бы правовой, а на деле плутократической государственности, а главное — посредством знаниево-научно-технического прогресса с последовательным и беспощадным покорением, переделыванием и вычерпыванием природы, а также посредством следования идеологеме свободного от природных и религиозных ограничений гуманизма, сие бодрое, амбициозное и агрессивное европейство достигло не просто многого, а воистину фантастически многого, создав совершенно новый, весьма уже *искусственный*, хотя

все еще как будто бы и человеческий — *гуманистический*, мир, не только ранее не бывалый, но и заметно, если еще и не вполне космический, то уже явно какой-то неземный, мало того, энергически — как насильственно, коллаборационно, так и по доброй воле — распространявшийся по планетарному миру, делая этот мир если не вполне европейским, то уж заметно — до неузнаваемости — *европеизированным*.

Вершина, апогей, триумф!

И, как водится по неписанным законам бытия-небытия, — вдруг страшнейший кризис Европы вкупе со всей ее ренессансно-просвещенческой парадигмой, выразившийся в логично-нелогичном отрицании Европой... *самой себя*, что породило, помимо идеологической и концептуальной критики Европы со стороны самих же наиболее ответственных и проницательных европейцев, сонм актуальных для того межвекового исторического момента маргинальных явлений: Декаданс, Революцию, Войну, Диктатуру, — и все это с мощным антиевропейским зарядом!

Оставляя в стороне анализ собственно европейских причин сего тотального экзистенциально-апокалиптического кризиса Европы, просто обратим лишь внимание на сам факт сего *апогейного кризиса*, который по сути, природе и формату своему даже не кризис, а некое, не выходящее за пределы самого охваченного кризисом гео-экзистенциального феномена, происшествие, которому более подходит определение даже не помешательства, а какого-то растянутого по времени *безумства безумия*, причем вполне себе и *умственного безумства* и *умного безумия*, когда большой бытийно-исторический феномен вроде бы есть, и жизнь вроде бы живая в нем идет, но почему-то идет в тряске, лихорадно, в конвульсиях, с распадом и гниением, прямо по краю преисподней, бездны, небытия.

Да, это воистину интересно: отказ от самого себя, поиск чего-то другого и в общем-то невозможного, тяга к самоубийству, — и все это, как ни странно, на фоне если не совсем полноценной, но вполне себе насыщенной жизнью жизни?

Апогей феномена и... (sic!)... незамедлительный же его закат, а то и многообещающий конец!

«Мавр сделал свое дело, мавр может, или должен, уйти!»

Европа свершилась сама, свершила свое великое отчаянное дело, охватив весь мир, при этом сама вполне завершилась, а потому могла уже уходить с мировой арены, но... Европа заартачилась, захотела остаться, да еще и на переднем бытийно-историческом плаву, пусть и преобразовавшись во что-то другое, уж и не совсем европейское, если совсем уже не европейское, чуть ли не во что-то... *иное* (!), для чего и придумала сначала социализм с коммунизмом, раскрутив сопутствующее им революционное движение, а потом пошла на большую межевропейскую войну, немедленно ставшую мировой, за которой последовал евро-антиевропейский фашизм с еще одной большой европейской, тоже немедленно перешедшей в мировую, войной, ну а совсем уж потом, передав мировую инициативу своему уже укоренившемуся и набравшему великую мощь сыночку — США, как и ему — этому доброзлому бастарду — всецело покорившись, ушла на покой, став при этом и весьма *иной* — межгосударственно организованной и как будто самой себе союзной, в общем — чуть ли внутри себя не единой, однако в чем-то главном уже и не Европой — сбылась-таки мечта Европы стать другой Европой, может, сбылась совсем не так, как грезилось апогейной Европе на рубеже XIX — XX вв., но сбылась — как итог похищения Новой Европы совсем уж Новейшей Европой, — чуть ли не в согласии с пророческим древнеантичным мифом.

В возникновении, ходе и результатах сего грандиозного происшествия с Европой виновны, конечно, все панисторические переменовские процессы — от обыденных до мистических: и «ход человека» тут виноват, и «ход вещей», и, разумеется, «ход неизвестности».

Одно дело — рождение ренессансной Европы и ее бурное развигийное движение вперед и вверх, вширь и вглубь — в метафизическую, конечно, глубь (знание, наука, философия, идеология, искусство, литература, архитектура, техника, экономия, право — что тут еще?), но зато совсем уж другое дело — исчерпание синергетически возбуждающейся энергии, подступ, а затем и разгул, энтропии, вызывающей острое желание как-то вывернуться из патологически гнусной ситуации, выворачиваясь натужно из самой себя, порождая при этом лишь череду ужасных катастроф.

Говоря обо всем случившемся с Европой, начиная с рубежа XIX — XX вв., мы пытаемся показать, что происходит с большими бытийно-историческими феноменами в моменты, или с моментов, их расцвета, вдруг, хотя и не без скрытой патогенной подготовки, подвергающихся нелегко объяснимому самоотрицанию — с сопутствующими разном, падением, развалом — и хорошо, ежели затем переживающим удачное перестроение, переформатирование, преобразование, а то и преображение, что дает возможность им существовать дальше, пусть и в ином обличьи и с иной содержательной начинкой, даже и с новым духотворением, и существовать, иной раз, весьма еще долго. Так было с тем же Древним Римом и с той же Российской империей, превратившейся в СССР, что-то подобное произошло уже и с СССР, пережившим как раз в свой апогей этот самый апогейный кризис и внезапно от этого рухнувшим, чтобы выжить затем компактно в виде Российской Федерации и уже дискретно в виде амбивалентного СНГ. Да, сии феномены, о которых речь, возникают, бытуют, изменяются, расцветают, достигают апогея, затем катятся, боля, вниз, разрушаются, а если повезет, вдруг возрождаются, воспроизводятся, как-то субъектно оформляются и даже деловито фигурируют, нехотя мерцая, уже до своего полного исчезновения в небытии.

По итогам Второй мировой войны Европа уступила лидерство в западном и во всем мире набравшимся сил и коронной самоуверенности Соединенным Штатам Америки, согласившись на роль подопечного им сателлита. На место Европы и европоцентричного мира пришел новый, уже америкоцентричный, Запад, — и все послевоенное бытие стало бытием уже не столько большой всемирной Европы, сколько большого, вполне подконтрольного Америке и тоже всемирного Запада, неустанно боровшегося за себя и за свой контроль над всем планетарным миром с усилившимися по итогам Второй мировой войны СССР и его ориентированными на социализм-коммунизм союзниками, спутниками, сателлитами. Запад, сохранивший экономико-предпринимательскую энергию и склонность к научно-технической демиургии, бурно развивался, качественно меняясь и концентрируясь вокруг США, а после краха своего геостратегического соперника — СССР с его мировой соцсистемой, достиг безусловного апогея, да не просто как часть планетарного мира, а как высшая его

часть, более того — как владеющая миром, бытием, историей *высшая всесильная сила!*

Да, это было так, тем более что страны, отделившиеся от бывшего СССР и вышедшие из бывшей соцсистемы, в той или иной мере примкнули в роли потерпевших неудачу самопораженцев-самопогорельцев к успешному, передовому, победному и триумфальному Западу.

Запад свой триумф, безусловно, заслужил, обогнав в материально-технической демиургии отказавшегося от своего динамического реформирования и ставшего слишком неповоротливым СССР, не говоря уже об отсутствии в СССР достаточного финансово-экономического потенциала и необходимой для наступившего времени потребительской мощи. Равным образом, Запад, либерально стимулируя упрощение, обездуховление и дегуманизацию культуры и массового людского сознания, как-то более соответствовал чаяниям как прорывавшихся через тотальную идеологическую, этическую и даже эстетическую цензуру, практиковавшуюся в СССР и соцстранах, узких творческих кругов, так и рвавшихся к разноцветному потреблению широких масс, отчего Запад был признан не просто победителем в демиургической гонке и достойным примером прогрессного хозяйствования, но и безусловным светочем как в идейно-духовном плане, так и в потребительском раже.

Однако одно дело — внешний феноменально-практический триумф — и совсем другое — внутреннее содержательно-смысловое состояние триумфатора, обнаруживающееся даже не в самый момент его триумфа — на празднестве, а потом, когда празднество заканчивается и триумфатор продолжает бытовать уже не как триумфатор, а как действенный предводитель склонившегося перед его внешним величием отставшего-де от него человечества, вольно или невольно раскрывая перед ведомым им населением свое содержательно-смысловое чрево.

Вышел вперед и наверх и... весь ты на виду, а потому, каков же ты на самом деле, куда и зачем ведешь, для чего и ради кого верховодишь?

И вот оказалось, что сей новоиспеченный и вполне вроде бы неоспоримый лидер планетарного мира мало что властолюбив, само-

любив и безапелляционен, мало что эгоист, насильник и эксплуататор, так он еще и великий лжец, мистификатор и мошенник, но и это не все — совсем и не *тот*, за кого себя выдает, а именно: мало что антихрист и иуда, так он еще и... *античеловек*, сам уже почти что целиком искусственный, так еще и упорно несущий в человечество безоглядно им создаваемый, вполне уже искусственный и античеловеческий *антимир*!

Нет, конечно, речь здесь не обо всех населяющих Запад людях, да и не только о людях как таковых, а более всего о метафизическом феномене, называемом Западом, том самом феномене, которому как раз и служат и прислуживают миллиардные люди — что на западной стороне зёмного мира, что в остальной его части, как раз тот самый феномен, который они — эти люди — создают, лелеют, боготворят, понимая и не понимая при этом, с чем и с кем имеют дело, — тут все одно: авторы ли они, акторы ли, сторонники ли, попутчики ли, узники ли, жертвы ли — какая разница?!

Запад таки породил, осознавая сей знаменательный факт в каких-то единичных головах — своих или нет — не что иное, как своего и всего человеческого мира... *могильщика*, да не в виде пролетариата, как казалось некогда марксистам-ленинцам, как и не социализма-коммунизма или того же фашизма, как кажется многим до сих, а... *античеловека с антимиром*, жадно и сладострастно поедающих ныне не один только Запад, а и весь, знаете ли, мир!

Что ж, пора обратиться и к коронной пандемии, возникшей если не на Западе как таковом, то уж в связи с Западом — это уж точно! — пусть и не по конкретной инициативе Запада, хотя почему бы и нет, может, и по его инициативе, но уж по мотивам Запада — точно!, ибо она, эта коронная пандемия, как и все, что вокруг нее происходит, безусловный продукт, агент и актор западной, ранее попросту европейской, как раз той самой — просвещенческой, — *демиургии*, призванной ни к чему-нибудь, а к... ПЕРЕСОТВОРЕНИЮ мира, результатом чего как раз и стало, наряду с сотворением искусственного мира с немало уже обыскусственным человеком, еще и сотворение антимира с адекватным ему, пусть еще и не тотально массовым, хотя почему же еще не массовым? — вполне уже и массовым! — *античеловеком*!

В парадигме создания и бытия антимира с античеловеком в его чреве, как и свертывания через посредство этих «анти» все-еще-человеческого мира ради преобразования его в какой-то *иной* мир, уже нечеловеческий и небожеский, становится более или менее понятной не только собственно вирусная пандемия, но и *пара*-вирусная *пан*-пандемия, вполне сознательно развернутая в нынешнем мире нынешними, пусть если и не только западными и прозападными, то уж явно заразительно «укушенными» бесноватым Западом, государствами, включая пока еще и Россию.

Такого ультрапандемического нашествия на мир и на мировое человечество, сравнимого с большой мировой войной, в Новое и Новейшее время еще не было, а стало оно возможным как раз в уже значительно обыскушенном мире, мало того, в значительно уже античеловеческом и антимировском.

Пандемия, о которой речь, зародилась вроде бы в Китае, затронув сначала лишь азиатский Юго-Восток, затем она вдруг оказалась (именно оказалась!) в Европе и в США, и не замедлила скоротечно гулять по всему миру, не обойдя и России, став поистине мировой, или же *пан*-все-охватной, *пан*-демией.

Вирус оказался настолько новым, переменчивым и изворотливым, более того — умным, что на борьбу с ним в мире не нашлось ни прямых медикаментозных, ни медикопроцедурных средств, а потому в ход пошли драконовские изоляционно-ограничительные меры социального (читай — и антисоциального!) порядка, сопровождаемые рядом традиционных (каких же еще!) санитарных деяний.

Сии драконовские меры тотально-карантинного свойства, осуществляемые государствами на условиях чрезвычайщины, мгновенно привели к возникновению безо всяких родовых мук уникальной, экстраординарной, беспримерной, не поддающейся никакой традиционной квалификации, даже не какой-то новой реальности, а попросту *особой реальности*, причем *особой* до... нереальности, если и не мертвой, то уж полумертвой, во всяком случае — *замершей реальности*, остановившейся, прерванной, можно сказать, что и «дырной», а точнее — «чернодырной». На место части реальности, как раз вполне себе жизненной части, пришла безжизненная пустота, не просто вторгшаяся в реальность, ее как бы раздвинув на большие фракции и мелкие частички, но и ее откровенно полонившая, отчего

бытие вдруг оказалось не просто борчески сопряженным с небытием, а им — небытием — заместительно пораженным (НБ — Б(НБ)Б — НБ, где Б(НБ)Б есть пораженное небытием в самую свою сердцевину бытие).

Укушенная собственно вирусной пандемией и всерьез задетая уже паравирусной пандемией, уполовиненная и изрядно онемевшая от этого реальность, которую можно определенно назвать *пандемия-реальностью*, не так новая и не так даже реальность, как ее — реальности — некий обморочный (коматозный) перерыв (или срыв), некая взрывная пересменка, вынужденная передышка, а то и этапная арестантская пересылка, между одной — уже прежней и уходящей — и другой — уже, надо полагать, новой и как раз приходящей — реальностями.

Пандемияреальность — не так собственно реальность, хотя она и вполне реальна, как некая *меж-реальность* — вроде каньона, пропасти, рва, через который текущей реальности надлежит как-то, скукожившись и встав на четвереньки, перебраться, при этом либо не очень сильно изменившись, либо, наоборот, заметно став другой, перейдя от вроде бы известной *A-реальности* к какой-то еще никому не известной *X-реальности*.

Прелюбопытнейшая возникла ситуация, концептуально дьявольски остроумная и функционально чертовски запутанная, немало, как водится, неопределенная, а в чем-то и нарочито, как тоже вовсю водится, по-темному загадочная!

Да, многое тут зависит от голов и действий людских, прежде всего, от правящих голов и правительствующих действий, да и от не очень-то пока выраженного сегодня поведения людских масс, как и от пока еще скрытых объективных тенденций, а что-то очень важное, если не решающее, зависит — увы! — от Ее Подложного Величества Неизвестности.

Все уже имеющееся — и хорошее, и посредственное, и плохое (это уж для кого какое!) — поставлено ныне под пандемический вопрос и будет стремиться не только остаться, но еще более утвердиться, может, камуфляжно при этом и изменившись, а что-то из уже или же вскорости возникшего нового будет бороться за свое присутствие в реальности и в ней себя утверждение, тоже, кстати, не без в себе хорошего, посредственного и плохого, пусть и по-разному для

кого-то хорошего, посредственного и плохого; в общем, грядет борьба всего уже имеющегося с чем-то наново возникающим, сопровождаемая борьбой старого и нового за себя самих и каждого из них с бытующим, изменяющимся и тоже возникающим и обновляющимся контекстом, равным образом — борьбой всех возникающих тенденций между собой.

Великая тут предстоит вселенская турбулентная схватка!

Налицо ведь *апокалиптический кризис* всего и вся с одновременным всего и вся отрицанием и полаганием, как и с полаганием и отрицанием чего-то еще не бывшего, лишь трансцендентно где-то там предположенного.

Да, произойдет перераспределение созидательно-разрушительной энергии между явными, не слишком явными и неявными экзистенциальными потенциалами, как и перевоплощение с перераспределением гуляющей по пространству-времени смысло-функциональной информации, отчего и будет выстраиваться новая, или попросту обновленная, реальность, в конструкции которой что-то останется, что-то изменится, что-то явится совсем новое, хотя и не без возвращения чего-то уже хорошо подзабытого старого.

Тут ситуация *обостренной апокалиптики*: чего-то и чьего-то конца, чего-то во что-то превращения, чего-то укрепления и развития, чего-то и чьего-то внезапного появления, то бишь ситуация одновременно финиша, продолжения и старта, общего перелома, общего перестроения, общего, пожалуй что, и переворота, однако пока лишь в возможности, способной и не подтвердиться, ибо *потенциальная реальность* и *фактическая реальность* — вовсе не одно и то же!

Можно, конечно, ничтоже сумняшеся, предположить какие-то *большие реальные перемены* в мире, ради которых, возможно, и явилась многоцелевая пандемия (осознанно ли со стороны человека, неосознанно, полусознанно, а может, и попросту трансцендентно, как раз на сотворческой границе агрессивного искусственного мира и раздраженно защищающегося от него мира естественного, явилась, возможно, и сама по себе, хотя и в соответствующей лабораторской обстановке), однако явилась лишь для того, чтобы либо подтвердить уже вершащийся на планете Земля *большой мировой проект*, либо

чтобы сей проект существенно скорректировать под новые, вроде киберцифровых, обстоятельства, либо же в конце концов закрыть сей проект и в перспективе открыть реализацию какого-то совсем уж нового — *иногo* — проекта, пусть еще на Небесах, в Преисподней и на Земле никак особо не сформированного и не сформулированного.

Ха! — кто тут и что доподлинно знает? Да, никто ничего доподлинно не знает, хотя у кое-кого из супермогущественных и суперпроницательных, не зря будет заметить, кое-каких на этот счет намерений, чаяний и ожиданий хватает с избытком, да вот вокруг, везде и всюду... Она, эта давно уже проклятая человеком-демиургом Неизвестность, которая в итоге все главное и решит!

Темь!

Конспирация!

Тайна!

Всякое тут возможно в перспективе, кроме одного — Царства Божиего на Земле!

С божиим-де человеком!

Сам по себе земный человек не сделает в массе своей для себя никаких радикальных идейно-поведенческих выводов по случаю злосчастной пандемии и ни на йоту в сторону от себя и своего образа жизни не отойдет, а если что и изменится в человеке и в образе его жизни, то либо под давлением жестких и неумолимых объективных обстоятельств, либо того же внешнего для каждого из человекoв открытого или скрытого, уже вполне и субъективного, насилия.

Позитивной самопеременчивости от людей ожидать не стоит, а вот развития в будущем назидательно-карающей *диктатуры*, так хорошо ныне исполненной и на деле проверенной пандемически, ожидать вполне стоит: времена безмятежного безмерного и бездумного гедонистического и гламурного массового потребительства, кажется, навсегда уйдут в прошлое, а выживет и выдюжит лишь тот, кто признает ограничительную в потреблении и жизнелюбии новь и встанет, пусть и под давлением, на путь рационально сдержанного, если не отважно укрощенного и оптимально урезанного, существования.

Для этого-то и явилась внезапно сия нелепая по нынешним временам, хотя и вполне реалистичная, коронная пандемия, сопро-

вожденная совсем уж невероятной для сего благопотребного времени административно-принудительной пандемией, куда как более действенной, охватной и страшной, чем собственно вирусная пандемия: для решительного сброса кое-чего из прежнего, почти что и всего, как и для радикального утверждения кое-чего, почти что и всего, нового — *диктатного утверждения диктатного нового!*

Вот почему и возникла вдруг бытийно-временная дыра, вполне и черная, мгновенно заполнившаяся небытийно-безвременной пустотой, обозначая необходимость конца чего-то одного и возможность начала чего-то другого, однако вовсе не того, о чем мечталось и до сих пор мечтается человекофильным утопистам, а, скорее, чего-то того, что предположено пусть и не совсем человекофобским, но, скажем так, сверх-, вне- или даже мета-людским проектом, частично уже воплощаемым в реальность, но еще этой реальностью вполне не овладевшим.

Да, не будет более того же самого, что сейчас, мироустройства с его тотальной глобализацией и монархическим глобализмом; не будет той же самой, явно уже обезумевшей, экономики с ее всемогущими на глиняных ногах долларогенными финансами; не будет того же самого разорительного природопользования и того же опасного для всего живого на Земле пренебрежения императивной экологией; не будет той же, что сейчас, мобильненькой и тараканоподобненькой людской миграции, если не попросту бессмысленной болтанки людей по планете, в общем — многого чего из того, что есть сейчас, не будет, включая и кое-какое искусство, ставшее давно уже убийственным антиискусством, и кое-какую литературу, ставшую во многом уже антилитературной макулатурой, и даже медицину, ставшую почему-то более всего медициной для медицины, и тех же СМИ, зараженных болезнетворными и смертоносными вирусами психопатии и расчеловечивания, и ту же моду, превратившуюся в никому не нужный бессмысленный карнавал, и тот же спорт, объятый черт знает чем, и т. д. и т. п.

А что же тогда будет? О-о, это большой безответный вопрос, ибо все будет решать само бытие, ежели оно само еще побудет! Однако кое-что провидеть при условии сохранения бытия как бытия все-таки можно, приняв во внимание главную на этот счет неизбеж-

ность: окончательное утверждение *искусственного мира с его искусственным хомотехноцифровым разумом*, что позволит совершить полный переворот в человеке, его сознании и экзистенции, в социуме, культуре и цивилизации, во всем человеческом бытии, окончательно освободив человека и его бытие от уз и опеки Сакрала, от тенет и гнета Природы, от давления и тягот Обстоятельств, от потребительского угара, хотя и не от нарастающего риска угодить со смартфоном в руках, с наушниками в ушах и обильным словесно-звуковым мусором в головах прямо в Бездну!

Разве тут, возразят нам, не все тот же Хирамов проект, упорно исполняемый хитроумными масоньерами, что тут нового, разве лишь новая попытка выхода из нового экзистенциального (точнее бы — из очередного антиэкзистенциального) тупика посредством на этот раз не миромасштабной войны, а всего лишь выплеска в бытие антибытийной и безвременческой пандемии, тоже, правда, миромасштабной, причем выхода из экзистенциального тупика не куда-нибудь, а на дорогу неизменно дорогого для тайных архитекторов и строителей счастливого бытия человеческого Великого Проекта?

Наверное, это так, хотя и не совсем так, ибо и другие, куда более жесткие и бесцеремонные, силы готовы воспользоваться возможностями уже *ультраискусственного* мира с его уже *ультраискусственным* разумом — ради все того же inferнального господства отборного меньшинства над подчиненным ему, тоже отобранным (и обобранным!), массовым большинством. Не растворятся насовсем в небытии и в безвременье и хомофильские мечтания об устройении на Земле для якобы позитивного людского большинства высокотехнологичной диктатуры надо всем человеческим бытием в целях недопущения иерархий, господств и любых апартеидно-расистских в широком смысле эксцессов.

Так или иначе, но впереди большая экзистенциально-эсхатологическая разборка — в первую очередь за упомянутый выше ультраискусственный разум и эффективный контроль над ним, а затем уже и за созидание через его — сего «разума» — посредство новой, тоже ультраискусственной — реальности, вполне уже, как нетрудно себе представить, диктатно-тоталитарной, а выражаясь символически — через посредство всего лишь на вид безобидной, но очень, знаете ли, эффективной в темных делах... *цифры!*

Не слова, заметим, а именно *цифры!*

По какой бы причине ни возникла чрезвычайная пандемиареальность, она имеет не слишком, быть может, бросающиеся в глаза, но очень важные следствия: во-первых, слетающий с немых, но в то же время красноречивых пандемийных уст роковой приговор все еще слишком гуманитарной (и гуманной тоже!) социально-хозяйственной реальности, изрядно уже устаревшей и вовсю мешающей новому — уже вполне оцифрованному — прогрессу; во-вторых, ободряющий респект новой — тоже вполне уже оцифрованной — реальности с располагающейся в ее сердцевине виртуальной — как раз кибер-информационной — ирреальностью и с охватывающим всю оцифрованную реальность контрольно-сыскным, опять же оцифрованным, сетевым контуром; в-третьих, принудительное формирование нового — рассредоточенного, разорванного, дискретного, крупитчатого, но при этом и ульеобразного — социума, точнее, какого-то нового населенческого образования, замещающего собой привычный социум и способного быть и реализовываться в откровенно уже объемлющей сие образование откровенной пустоте; в-четвертых, уже силовое «загоняние», а не, как было прежде, внешне добровольное завлечение, людей в виртуальный технотронный мир с его высокотехнологичной манипулярной механикой; в-пятых, появление предобраза нового техногенного человека — уже законного предтечи *постчеловека*, приспособленного к институционализированной междудаленке и манипуляторной межобщенке в *нуль-мерной* виртуальной ирреальности.

Борьба с коронапандемией необходима и гуманна — нет сомнения, как неизбежна, хоть и, надо полагать, не столь уже гуманна, борьба за новое обустройство планетарного мира, за тот же постдолларизм или за тот же неозкологизм, но за всей этой гуманитарной и вроде бы гуманистической борьбой стоит и борьба за некий целостно сфабрикованный *новый мир*, разумеется, ультраискусственный, с адекватным ему и тоже ультраискусственным... э-э... *постчеловечеством*, — и все это если и не бесспорные, то не так уж легко и оспоримые в момент пандемии факты, против которых переть самозабвенно, конечно, можно, но вот далеко ли можно пропереть и с большим ли при этом успехом?

Произойдет ли реально *все это* или хотя бы *что-то* всему этому подобное — дело самого реального бытия, идущего, как утверждает современная метафизическая мысль, тремя смысло-функциональными потоками: «ходом человека» с его сознанием и бессознанием, умием и безумием, волей и безволием, логикой и интуицией, действием и бездействием; «ходом вещей» с его поступательностью и турбулентностью, последовательностью и дискретностью, целеустремленностью и стихийностью, размеренностью и хаосностью; «ходом неизвестности» с его своеволием, непредсказуемостью, внезапностью и, конечно же, неотвратимостью.

Да, все три указанных потока реально работают, и работают в тесном единении с ирреальностью — как за отмеченную выше новую реальность, так и против нее, а и потому всякое ныне в происходящем и в грядущем происшедшем возможно: и это, и то, как и не это, и не то, а совсем другое, да и вообще какое-то... *икс-этакое*, которое можно случайно и угадать, глядя напряженно и целеустремленно в закрытое облаками небо, или же пророчески уловить, пристально глядя во взбаламученную пятерней мутную воду, но ни во что угаданное поверить все равно будет нельзя, ибо реально возможным все это узренное казаться никак и никому не может, а ежели *оно все-таки* придет, то придет, аки тать в ночи, в виде все равно всем нам неизвестного и для нас невероятного, как и попросту невозможного, и придет, как всегда, внезапно, если вообще придет, конечно!

Самозабвенно демиургирующий человек, раскрутив прогресс, давно уже стал не просто его инициатором и участником, а и его заложником, если не рабом, а потому ни остановить прогресс, ни переформатировать его человек уже не может, и он — человек-творец — должен пройти вместе с прогрессом весь прогрессный путь — вплоть до демиургического, если уже не теургического, пересотворения не только природы и человеческого бытия, но и *самого себя*, что как раз и вершат сегодня технологика, инженерика, цифрономика, кибернетика, генетика, медицина, биофизика, биохимия, ну и кое-какая гуманитарная наука тоже, включая и услужливо потакающую науке, демиургии и прогрессу кое-какую философию.

Сложившаяся ныне в мире экзистенциально-переменовская ситуация совсем не простая, и человек-демиург вполне уже захвачен

этой непростой ситуацией: «Чему быть, того не миновать!», — отчего и новой высоко искусной при своей высокой искусственности реальности, видно, все-таки быть, а потому либо человеку ей полностью покориться, утратив в себе все собственно человеческое, либо, невероятным образом преображенчески извернувшись с опорой на традицию, сохранить себя как человека — пусть уже и *нового человека* — заметно технизированного и обыскуственного, но все-таки... ЧЕЛОВЕКА!

Большая тут метастратегическая с большим эсхатологическим риском игра — между Хомосом и Техносом, ставочное преимущество в которой, как сегодня не без экзистенциального страха кажется, не на стороне первого из сих игроков — как раз из Хомоса, но, как и во всякой суперсложной игре, здесь незримо присутствует еще одна никогда и никем не ставящая ставка, она же и *сама-себе-ставка*, на еще одного игрока — Великую Неизвестность, от игры которого все в итоге и зависит — так что... *все еще впереди!*

М.А. РУМЯНЦЕВ

Движение вниз и российская перспектива*

Аннотация. В статье дан футурологический анализ одного из вариантов посткризисного будущего. Выдвинута гипотеза о Большом нисходящем цикле истории. Выявлена стадильность нисходящего цикла, основанная на формировании жесткой модели управления обществом, информатизации и разделении реального и виртуального миров. Исследованы особенности творчества в посткризисном мире. Определены предпосылки и характер протекания катастроф. Раскрыты преимущества и возможности России в новой мирохозяйственной ситуации. Российская перспектива посткризисного развития связывается с многомерными Большими проектами мирового и национального значения.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Румянцев М.А. Движение вниз и российская перспектива // Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 32—44.

Ключевые слова: Большой нисходящий цикл, интеллект, элиты, цифровой мир, кризис, катастрофа, Россия, альтернатива, Большие проекты.

Abstract. The article provides a futurological analysis of one of the options for the post-crisis future. The hypothesis of the Great Downward Cycle of History is put forward. The staging of the downward cycle based on the formation of a tough model of society management, informatization and the separation of the real and virtual worlds is revealed. The features of creativity in the post-crisis world are investigated. The prerequisites and nature of the course of catastrophes are determined. The advantages and opportunities of Russia in the new world economic situation are revealed. The Russian perspective of post-crisis development is associated with multidimensional Big projects of global and national importance.

Keywords: Big downward cycle, intelligence, elites, digital world, crisis, disaster, Russia, alternative, Big projects.

УДК: 327, 330

ББК: 65в, 66

Большой нисходящий цикл истории начинается. В том, что мир станет другим после проходящей на наших глазах пандемии и обвалов нефтяного, биржевого и прочих глобальных рынков, мало кто сомневается. Какой будет этот «другой мир» и можно ли увидеть контуры его будущего, новую магистраль истории? Среди альтернатив будущего выберем один, наиболее катастрофный сценарий, поскольку именно в нем просматриваются основные итоги предшествующего развития.

Земная история началась с того, что человеком овладел ген максимизации благополучия путем покорения природы и людей. Всю логику общественной эволюции можно представить как непрерывный рост потребностей и средств их удовлетворения. Подъем промышленности и финансов, технические сдвиги и инновации, борьба за мировые рынки, рост производительности труда — все это кончалось социальными поляризациями бедности и богатства, войнами, кризисами институтов и губительными перекосами развития.

Тогда наступала эпоха революционных потрясений, которые приводили к смене субъектов истории, к формированию новых антропологических типов, к новым общественно-хозяйственным устройствам. Смена исторических эпох носила восходящий характер: ступенька за ступенькой — человечество преодолевало трудности и двигалось к потребительскому изобилию и замене труда человека всевозможными машинами.

Движение вверх, как и любое движение, не может быть бесконечным и однонаправленным. И вот мы оказались свидетелями окончания Большого восходящего цикла истории и начала Большого нисходящего цикла, движения вниз. На первый взгляд, это выглядит странно. Общество потребления во многих государствах построено. Технологический прогресс достиг небывалых вершин. Новая промышленная революция приводит к немыслимым ранее качественным изменениям технологий и общества посредством всеобщей цифровизации и информатизации, искусственного интеллекта, нанотехнологий, робототехники, биотехнологий, редактирования генома человека. Целенаправленное моделирование атомной структуры вещества, интеллекта и сознания открывает безграничные возможности для движения по «столбовой дорожке» прогресса. И вот, когда осталось сделать последний рывок из «царства необходимости» в «царство свободы», в потребительскую и технологическую утопию, вдруг следует остановка всей выношенной и выстраданной предшествующими эпохами эволюции.

Творческие возможности человека порождались соприсутствием Добра и зла в мировом движении. От Добра человек получил извечную «ностальгическую тягу ко вратам рая» и излучаемую в мир благодать [3], принцип сопряжения хозяйства Бога и хозяйства человека, давший многовековое хозяйственное, культурное и научное творчество. От зла — демонический титанизм и своевольное соперничество с Богом, проявившееся в гениальном революционном конструировании искусственных социальных, экономических и финансовых миров. В результате образовался плавильный котел добрых и злых энергий, из которого вышел человек-творец со стремлением к совершенству, с великими открытиями и философскими прозрениями. Выброс творческих энергий во внешний мир, в хозяйственно-экономическое строительство обеспечил непрерывное движение

вверх. Для поступательного движения по пути Просвещения и прогресса требовался особый энергичный тип личности, избыточно отдающий свои интеллектуальные и трудовые силы сверх трудозатрат и положенного вознаграждения.

По мере снижения энергичности псевдорелигии прогресса этика самоограничения и самоотдачи теряла свое значение. Всплеск гедонизма, породивший общество потребления, выражал повсеместное опустошение творчества и падение уровня необходимой для дальнейшего движения энергичности. Отныне интеллектуальная и образовательная деятельность приобретает форму человеческого и интеллектуального капиталов, любое «креативное» усилие соизмеряется с издержками и будущей рентабельностью. Все нерентабельное отторгается «рынком». То, что ранее выступало в качестве спонтанной игры избыточных сил воображения и творчества, теперь превращается в деньги, в строгие количественные показатели, в Цифру. Ясно, что на базисе подобных негативных антропологических сдвигов решающий рывок в потребительский и технологический рай невозможен.

Что же дальше? Современные кризисные процессы в их совокупности представляют собой, по терминологии Дж. Арриги, «сигнальный кризис» — кризис, предшествующий подлинно мировому, всеохватывающему кризису. С нынешней вирусной пандемией и экономическими потрясениями мир на какое-то время справится. Но их продолжение в расширенном масштабе неизбежно. Проникновение внутрь генома натолкнулось на спрятанные в нем беспредельные трансцендентные тайны и распахнуло дверь для новых взрывных пандемий очередных К-вирусов, бактериологических и климатических войн ведущих акторов, озабоченных нехваткой ресурсов для доминирования. Череда кризисов в условиях позднего, достигшего своих исторических границ капитализма неизбежно вызовет социальную катастрофу. Политические институты демократии и мировой власти, как показывают последние события, оказываются недееспособными. Движение вниз, или Большой нисходящий цикл истории, становится все более возможным. Постараемся заглянуть за горизонты реальности в будущее, которое кажется невероятным и которое в то же время властно входит в наше настоящее.

Нисходящий цикл: 1 стадия. Новоазиатский способ производства. По мере разрастания кризисов национальные и мировые элиты, крупные компании, а также «глубинные силы глубинных государств» взамен общества потребления введут жесткую конструкцию управления государством и контроля над людьми. В экономике рыночные отношения перейдут на периферию хозяйственной системы, на первый план выйдут всевозможные формы регулирования и рукотворного вменения экономике необходимых для выживания общества параметров. Когда же ситуация относительно нормализуется, элиты не захотят менять правила игры — соблазн сохранения сложившихся моделей власти и контроля будет непреодолим. Элиты региональных неоимперий — после ряда локальных войн — объединят усилия для создания новой модели управления.

И здесь на помощь придет цифровизация, которая уже сегодня становится мейнстримом антикризисных мероприятий. Китайский опыт управления государством на основе Больших данных и социального кредита приобретет всемирный размах.

Исследование Е. Лариной и В. Овчинского показало, что китайская стратегия управления сводится к использованию Больших данных и других цифровых артефактов в качестве инструментов для создания тотальных алгоритмов управления Китаем, которые имеют всемирное значение [2]. Лозунг китайского цифрового алгоритмического управления — «данные предпочтительнее слов» — означает, что сбор и интеграция данных видеонаблюдений, распознавания изображений и голосов, сбор информации обо всех транзакциях физических и юридических лиц и пр. ведут к созданию эффективной системы контроля на основе манипуляции поведенческими инстинктами людей. И не просто к манипуляции, а к формированию и использованию глубинных установок масс в реальном и виртуальном мирах [2].

Так родится мир, лишенный прежних социально-экономических противоречий. Антагонизмы труда и капитала, собственности и власти, бедности и богатства окажутся снятыми новыми иерархическими структурами управления и контроля. На вершине управленческой пирамиды будут те, кто задает массам алгоритмы поведения (наследники собственников крупнейших активов и интеллектуалы,

создатели алгоритмов), а далее по нисходящей иерархии будут располагаться остальные — все те, которые следуют предписанным алгоритмам различной степени сложности.

Вот как писатель Л.М. Леонов описывал мир, в котором искусственный интеллект безраздельно властвует над людьми. В обществе «с единым мозгом на острие» далее вниз «в порядке нисходящей значимости и все возрастающей численности размещена вся библейская номенклатура — младшие касты мудрецов, толмачей закона, наставников и судей, рядовой паствы и на самом дне бытия... безголосое и пустоглазое стадо подъяремной черни» [3, 581]. В образе «единого мозга на острие» ясно просматривается то, что мы сегодня называем «неантропными и небогенными интеллектуальными системами».

В этом кастовом обществе нажимателей кнопок исчезнут все противоречия, кроме одного, но фундаментального, антагонизма — противоречия между организаторами и исполнителями, между интеллектуальным организаторским и рутинным исполнительским трудом. Те, кто назначил себя интеллектуальной элитой, приватизируют таланты, закроют другим доступ в свою касту и постараются контролировать мысли. Независимая критическая мысль будет обходиться им очень дорого. Остальные, которым новая продвинутая индустрия будет гарантировать необходимый размер потребления и удовольствий, столкнутся с болезненным и непереносимым неравенством. В отсутствие социально-экономических противоречий перед ними во всем своем масштабе возникнет проблема природного неравенства людей. Для массового человека смирение перед экономическим неравенством еще как-то допустимо, но смириться с неравенством способностей и признать других способными, а себя бесталанной чернью — вот это на длительную перспективу невозможно.

К нарастанию массового недовольства умственным неравенством добавятся новые бактериологические и климатические угрозы, а также экспоненциальный рост населения, которому требуется обеспечивать рациональные нормы потребления. К ответу на множась вызовы цифровая элита, лишенная подлинного творчества, окажется неготовой. И тогда она задумает невероятный побег в блистательный цифровой рай.

Нисходящий цикл: 2 стадия. Раскол. Цифровая машинерия достигнет такого уровня, что электронное и квантовое копирование

личности станет возможным. Более того, зародится виртуальная вселенная для приема избранных в новую ирреальную реальность. При чем первоначально будет господствовать убеждение, что наконец создан так называемый «фиджитал-мир», в котором исчезла граница между реальным и виртуальным. Казалось, в пространстве фиджитал (phygital) соединятся физическая (physics) и виртуальная (digital) реальности. Элиты, которые транслировали себя в эту виртуальную вселенную, ощутили пришествие «золотого века»: исчезли смерть, болезни, горести и проблемы, настала вечная жизнь с безграничными возможностями цифровой трансформации личности. Любые, самые недоступные блага, переведенные в цифровой формат, оказывались доступными для избранных. Миры, выстроенные из пикселей, практически бесплатны, и каждый создавал собственный цифровой мир по своему хотению. В цифровом раю любой индивид исполнял все свои желания и мог пересоздавать свою личность в любом — от Будды до Наполеона — виртуальном образе. И никаких моральных, религиозных или бюджетных ограничений. Человек-фантом, беспрестанно «примерявший» все новые и новые цифровые копии, превратился в электронного потребителя, пребывающего в раю бесконечных «интеллектуальных игр».

Далее выяснится, что «фиджитал-мир», соединяющий виртуальную и естественную реальность, недостижим. Виртуальная личность не тождественна реальной личности человека, копировать которую со всеми особенностями ее сознания, психики и мышления, невозможно. Цифровая копия личности не есть та же самая личность, а нечто иное, отличное от своего оригинала. Таким образом, уход в виртуальную псевдовселенную необратим. В итоге образовался замкнутый на себя, изолированный от малой реальности земной жизни и от большой реальности Вселенной, элитарный мир самовоспроизводящихся цифровых фантомов.

Реальный мир, оставшийся без своих элит, также претерпел изменения. Прежде всего, было решено пересмотреть все прежние философские, мировоззренческие и религиозные истины — в плане их оскопления до среднего уровня массового потребителя. Меры по нивелировке и стрижке умов до никому не обидного уровня посредственности привели к ясной и простой цели — всеобщему равенству

в распределении продуктов. Даже буржуазный принцип максимизации пользы был отвергнут как требующий неординарных усилий и предприимчивости. Понижение умственного уровня, рационализация жизни и контроль над распределением устраивали всех. Вне зависимости от сложности труда, приложенных усилий и личной одаренности все получали одинаковый пакет продуктов и услуг для биологического воспроизводства, да в придачу для досуга предоставлялся строго контролируемый набор маленьких радостей и допустимых грез.

Была забыта простая истина о том, что великие империи и грандиозные цивилизации прошлого не пребывали в покое потребительского самодовольства — они развивались за счет постоянных выбросов во внешний мир творческой энергии, накопленной великими пророками, полководцами, идеологами и демиургами-организаторами. Синергичные результаты творчества всегда должны превышать издержки и прагматические выгоды, что требует жертвенности, аскезы и самоотдачи. Когда же принцип инаковости пассионарных деятелей подавлялся омертвляющей творчество рационализацией, империи теряли волю к экспансии, окостеневали и гибли.

Тяготы жизни, труда и творчества были переложены на цифровую индустрию, которая бесперебойно обеспечивала всеобщее равенство — в доступном потреблении и в успокаивающей унификации всех жизнеотправлений. До поры.

Нисходящий цикл: 3 стадия. Финал. Реальный и виртуальный миры приближались к неизбежному концу — каждый своим путем. Начнем с виртуальной псевдовселенной. В этом мире полностью отсутствовали противоречия: каждый цифровой фантом был абсолютно самодостаточен, лишен способности к репродуктивности и в результате эволюционировал в Нарцисса, любящегося своими копиями в виртуале. Как известно, отсутствие противоречий ведет к росту энтропии и прекращению развития (жизни). Специфика виртуального мира состояла в том, что копированные элиты полностью не могли утратить свою телесность. Трансляция в виртуальный мир биохимических и электронных базовых конфигураций мозга пусть и в искусственном виде, но воспроизводила нечто реальное. По мере нарастания энтропии эта остаточная телесность людей-фантомов ис-

тончилась до полного исчезновения. Фантомный цифровой мир, лишенный последних онтологических оснований, «схлопнулся» и перешел в пустоту небытия.

Дальнейшая судьба этого мира поучительна. В православной традиции телесность человека считается преградой от зла — несмотря на то, что наша плоть после грехопадения «утратила свою тонкость и духовность, получила настоящую свою дебелисть». И вот почему. «Премудрость и благодать Божия положила преграду между людьми, низверженными на землю из рая, и духами, низверженными на землю с неба — грубую вещественность тела человеческого» [1, 12]. Наша «дебелисть» не позволяет большинству людей чувственно видеть духов тьмы, соприкоснуться с ними и дает каждому человеку защиту при распознавании добра и зла [1, 13]. Тогда можно предположить, что напрочь лишённые телесной защиты фантомы людей из цифрового мира превратятся в подобие колдунов, ведьм, призраков, демонов и тому подобной нежити, которая только и мечтает обернуться человеком или зверем лесным. Лишенная реальности цифровая нежить образует фантомный мир симулякров, призрачное инобытие мира. Назовем этот мир инферносферой и вообразим его в виде мертво-бледного облачка, беспокойно пульсирующего над адом.

Тем временем в реальном мире разворачивалась своя катастрофа. Оскудение интеллектуального потенциала приводило к постоянным сбоям цифровой техносферы. Пандемии вирусов и губительные геоклиматические изменения вызывали массовую панику. Творческих сил для поиска спасительного разворота у цивилизации не оставалось.

Лавинообразная катастрофа началась с остановки цифровых систем, обеспечивающих работу инфраструктурных отраслей в крупных городах. Прекратили работу железные дороги, вышли из строя линии метрополитена и аэродромы, остановился общественный транспорт. Затем вышла из строя энергетическая инфраструктура, люди остались без тепла и света. Закрылись магазины и торговые центры. Техногенные кризисы породили хаос. Целые страны, территории и регионы стали неуправляемыми, службы правопорядка прекратили работу, правительства утратили остатки контроля над обществом. Мир распался на сегменты хаоса, в городах свирепствовали

эпидемии, сбой систем распределения привел к голоду и вымиранию людей.

И далее началось ускоренное движение назад, в первобытность. Толпы людей убегали из зачумленных городов, вооружались древним стрелковым и холодным оружием — развернулись архаичные войны всех против всех за пищу, за женщин, за места обитания. Великие культурные и технические достижения прошлого перешли в область преданий о забытой старине, которые рассказывались у костров. Выжившие люди оказались не готовы к продолжению рода и жесткому естественному отбору в природе. Так человечество исчезло из природы и истории.

И никакого нового Большого восходящего витка эволюции человеческого рода не будет. Человечество не справилось со своей сверхзадачей, поставленной ей Богом и Вселенной. Дар творчества, полученный человеком от Бога, был безнадежно утрачен. Вспомним, что первый человек Адам давал имена зверям полевым и птицам небесным. Дать имя значило определить живое существо и его место в бытии. Творческую сверхзадачу человека Спаситель мира сформулировал так: *«Верующий в меня, дела, которые Я творю, и он сотворит, и больше их сотворит»* (Ин. 14: 12). Человек в синергии с Абсолютом призван к обожению своей личности и к одухотворению, гармонизации природного космоса — к соучастию в непрерывном творении. Если миссия не выполнена, то финал неизбежен и обжалованию не подлежит. Верующий назвал бы это Судным днем, человек науки — космической, бактериологической, социальной или климатической катастрофой. Да, но все ли так фатально в нелинейном и многовариантном мировом развитии? Тем более в России с ее метафизическим своеволием, непредсказуемой судьбой и природным разнообразием.

Россия: возможности и перспективы. Посткризисная перспектива России определена особенностями ее истории и географии, среди которых выделим следующие существенные обстоятельства.

1. Мировой кризис неизбежно приведет к демонтажу общества потребления и «позднего капитализма». Взамен будут созданы жесткие модели управления обществом и экономикой, направленные на социализацию потребления и распределения общественного про-

дукта. Россия может использовать ситуацию глобальной неопределенности и выстроить собственную самодостаточную модель общественно-хозяйственного устройства. Важно, что Россия обладает историческим опытом «смены курса». Вспомним преобразования Иоанна III и Иоанна IV, Петра I, И.В. Сталина.

2. Особенности исторического бытия России проистекают из ее Больших пространств. На неоднородных российских просторах реформы, начатые Центром, далеко не всегда доходят до населения периферий. В России всегда чувствуется какая-то недоделанность, незавершенность. Одна часть России безоговорочно принимала западные ценности, другая — оставалась верной традиционному укладу жизни. Историческое бытие России последних веков есть незаконченное движение от западных модернизаций к национальной жизни, и обратно. В итоге Россия порой отстает от мирового движения, тормозит на крутых «зигзагах прогресса». В наше время это означает, что сколь бы всесторонними не были программы цифровизации общества, они не достигнут полной безоглядной реализации по мировым лекалам. Россия получит спасительную передышку — для размышлений о собственном пути и национальной стратегии, которая в качестве необходимого момента будет включать и цифровизацию.

3. В России воссоздана матрица сильного авторитарного государства, которое будет главным актором в предстоящих переменах. Обороноспособность страны адекватна угрозам войн, которые с большой вероятностью начнутся в посткризисном мире вследствие сужения ресурсной базы мировой экономики. Кроме того, у большинства населения сознательно, а в основном, бессознательно, сохраняется ностальгия по империи, в каких бы исторических формах она не существовала на пространствах России-Северной Евразии.

4. В России имеют значение ценности традиционной семьи и любви мужчины и женщины. Это неоценимый ресурс для развертывания общенационального и личного домостроения.

Перед Россией приоткрывается окно возможностей для строительства евразийской неоимперии, базирующейся на Больших инфраструктурных проектах. Россия обладает опытом осуществления мега-проектов, которые служили движущими силами отечественного развития (Великий Сибирский путь, план ГОЭРЛО, Байкало-

Амурская магистраль, Космический проект и многие другие). Сегодня Россия может реализовывать и поддерживать мега-проекты мирового и национального масштаба: новый Космический проект, освоение Мирового океана, Арктический проект, ускоренное развитие Сибири и Дальнего Востока в контексте необходимого в XXI в. сдвига производительных сил на Восток. Большие проекты рожают дух воодушевления и трудовой мобилизации, вокруг них будет выстраиваться солидарная хозяйственная система с творческим целеполаганием, новыми субъектами и институтами, технологическими цепочками, эффектами от масштаба, научно-образовательными школами и цифровыми платформами.

В заключение о главном. С кафедры или с трибуны можно провозгласить сколь угодно привлекательный «проект», но если он не войдет в сознание людей как безусловная норма, то движущей силой российского развития не станет. Человеку необходимы сверхличная цель и безусловная ценность, идущие от религии, культуры, идеологии. В высокой степени это присуще России — идеократической цивилизации, основанной на власти идеи, в частности, сложившихся в прошлом православных и советских архетипов. Только когда общественные цели будут иметь трансцендентные основания, когда в сознании людей трансцендентное войдет в имманентное, а общий вдохновляющий проект станет интимным, личным переживанием, задачи российского развития могут быть исполнены. Вот почему стоит поразмышлять о миссии человека и об Абсолюте, о смысле истории, о философско-хозяйственном измерении нашей жизни. Ответы на эти как будто бы отвлеченные вопросы становятся неотложным заданием.

Литература

1. *Игнатий Брянчанинов, епископ.* Слово о смерти. М.: «Р. С.», 1991. 320 с.
2. *Ларина Е., Овчинский В.* Елена Ларина и Владимир Овчинский: китайская система социального кредита — традиции и технологии: [Электронный ресурс]. URL: <http://izborsk-club.ru> > 17650 (дата обращения: 04.04. 2020).
3. *Леонов Л.М.* Пирамида. Роман-наваждение в трех частях. М.: Издатель «Андрей Ельков», 2018. 856 с.

References

1. *Episkop Ignatij Bryanchaninov*. Slovo o smerti. M.: «P. S.», 1991. 320 s.
2. *Larina E., Ovchinskij V.* Elena Larina i Vladimir Ovchinskij: kitajskaya sistema social'nogo kredita — tradicii i tekhnologii: [Elektronnyj re-surs]. URL: <http://izborsk — club.ru > 17650> (data obrashcheniya: 04.04. 2020).
3. *Leonov L.M.* Piramida. Roman-navazhdenie v trekh chastyah. M.: Izdatel' «Andrej El'kov», 2018. 856 s.

В.К. КОРОЛЕВ, О.В. ЕВГРАФОВА

«Декоронация» глобализации и этномультикультурализм в посткризисной экономике*

Аннотация. В работе подчеркивается, что коронавирусная пандемия требует адекватного осмысления своего воздействия на человечество. Ставится вопрос: какой характер имеют спровоцированные ею изменения — тактический или стратегический? Высказывается суждение, что реакция на вирус не дойдет до кардинального переустройства мира, дело ограничится его модернизацией. Утверждается, что главный удар вируса приняла на себя глобализация как пространственно-коммуникативный феномен. Пандемия обострила ее традиционные проблемы, обнаружила новые, активизировала тенденции изменения ее главных, «классических» — экономического и геополитического — факторов. В связи с этим анонсируется гипотеза, что в посткризисном качестве глобализации усиливается роль ее этномультикультурного фактора, презентующего качество «переливов» человеческого капитала в обновленной глобальной экономике. Ставятся проблемы реакции на все эти изменения основных сфер российского общества и социогуманитарного (по)знания.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Королев В.К., Евграфова О.В. «Декоронация» глобализации и этномультикультурализм в посткризисной экономике // *Философия хозяйства*. 2020. № 3. С. 44—59.

Ключевые слова: кризис, глобализация, экономика, культура, мультикультурализм, этнос, человек, вирус, пандемия.

Abstract. The authors emphasize that the coronavirus pandemic requires an adequate understanding of its impact on humanity: what is the nature of the changes it provoked — tactical or strategic? It has been suggested that the reaction to the virus will not reach a radical reorganization of the world, the matter will be limited to its modernization. The authors believe that globalization has taken the brunt of the virus as a spatially communicative phenomenon. The pandemic exacerbated its traditional problems, discovered new problems, intensified the tendency to change its main, «classical» — economic and geopolitical factors. In this regard, the hypothesis is announced that in the post — crisis quality of globalization, the role of its ethnomulticultural factor, presenting the quality of the «overflow» of human capital in the renewed global economy, is being strengthened. The problems of reaction to all these changes in the main areas of Russian society and socio — humanitarian (in)knowledge are posed.

Keywords: crisis, globalization, economy, culture, multiculturalism, ethos, man, virus, pandemic.

УДК 330
ББК 65и

В текущем году «коронарные» события своим влиянием на жизнь человека и общества, его экономику, беспрецедентно «встряхнули» стабильность глобального мира. Вирус COVID-19 (SARS-CoV-2), вызвавший первую эпидемию современности воистину всемирных масштабов, небывалой временной интенсивности и коммуникабельности, стал неким «всадником апокалипсиса», скачущим по планете, «топчающим» слабые места оказавшегося таким хрупким социума мировой цивилизации.

В свете проблем, вызванных пандемией, приобрели особую актуальность не только задачи адекватной на нее реакции, но и вопросы осмысления последствий этой мощной «встряски» для будущего человечества. Это, разумеется, относится и к России.

В первичном, по «горячим следам», анализе этого влияния можно выделить две оценки «коронизации» глобального мира.

Первая, назовем ее «реалистической»: несмотря на все трудности, ошибки, «прорвемся»: наработали опыт, сделали выводы; «эпидемии приходят и уходят, а жизнь продолжается», все со временем наладится в результате вызванной кризисом «работы над ошибками».

Вторая — «алармическая»: кризис может стать «круче» Великой депрессии, свергнуть мир в некое новое состояние, качество которого пока не просматривается, что вызывает тревогу, как и все непонятное.

В свете этого возможны две оценки характера переживаемых и грядущих изменений: а) мир изменится, но «несерьезно»; б) мир изменится «серьезно». (Есть и такая интересная оценка — или первое, или второе...)

Не входя в эти измышления, отметим, что, конечно, мир изменится после этого кризиса, как и после любого (глобального). Естественно, нас интересует возможность изменений «*серьезных*» («несерьезные» идут постоянно, воспринимаются как норма, есть большой опыт реакции на них), чреватых становлением некоего нового бытия. Напомним, что в связи с мировым финансовым кризисом 2008 г. на Западе говорили о перспективах *качественного* обновления капитализма как системы, о его новых *моделях* (сотрудничества, моральный, регулируемый и др.). С преодолением этого кризиса такие разговоры «сошли на нет», но сейчас «концептуально-парадигмальный» подход вновь обретает актуальность. Мир XXI в. попал в некий «идеальный шторм»: сложилась ситуация, когда глобальная пандемия совпала с катаклизмами нефтяного рынка.

Как же оценивать «серьезность» кризиса, его последствий, перспективы посткризисного мира? Полагаем — тут уместно применить объяснение механизма смены цивилизаций, данное А. Тойнби: они меняются не сами по себе, а в ответ на Вызов, и рушатся, если не находят адекватного Ответа на него.

При таком подходе к ситуации текущего кризиса возникает ряд принципиальных вопросов. Является ли коронавирусная пандемия таким цивилизационным Вызовом? Какой Ответ адекватен данному кризису: достаточна ли, пусть и «шоковая», но все же его «терапия»? Не окажутся ли необходимыми «хирургические» меры «пе-

реформатирования» мира, чреватого неким новым «концом истории»? Какое будущее может родиться из наличной кризисной реальности? Есть ли модель посткризисного обновления? Какова парадигма его осмысления? Кто выиграет в результате кризисных катаклизмов? Эти вопросы пока не имеют острой практической актуальности — надо срочно «купировать» кризис, вылечить человечество, социум; но потом, полагаем, все равно придется думать над ними, хотя бы из опасения возможности подобных встрясок в будущем («План Б»).

Как конкретно будет складываться ситуация — покажет ближайшее будущее. Но позволим предположить, что пандемия, оказав большое влияние на жизнь мирового сообщества, все же не станет «точкой невозврата» к базисным цивилизационным принципам жизни человека и общества, не спровоцирует возможность некоего революционного ее преобразования, требующего нового парадигмального осмысления. Чем обусловлен такой вывод?

Во-первых, человечество в прошлом веке пережило две мировые войны, небывалый коммунистический эксперимент, НТР, крах «мировой системы социализма», разные политические и экономические кризисы, эпидемии и др. Конечно, все эти события сильно меняли мир, но к чему-то небывало новому, кроме названного эксперимента — в целом неудачного (Китай — случай особый), не привели. Так почему сейчас нужно ждать чего-то необыкновенного, выхода в некое загадочное посткризисное «инобытие» человечества? Конечно, наличная ситуация в некоторых аспектах является уникальной: ни разу прежде половина населения Земли одновременно не «сидела дома», ни разу ощущение тревоги от кризиса не было таким глобальным. Но это ощущение, полагаем, вызвано не только пандемией самой по себе, но и ее небывалым информационным «обеспечением».

Во-вторых, отсутствует ясность — какая такая «неведома зверушка» может появиться в итоге «серьезного» обновления? Ведь, кроме «капитализма», реально «иноного не дано»: его мир продолжающейся «окончившейся истории» допускает и претерпевает, конечно, свои трансформации, но в основе прочности «капиталистического» качества, его глобального доминирования лежит неизменность при-

роды человека, природы *инфернальной* (о чем ярко и убедительно пишет Ю.М. Осипов). Ее можно и нужно критиковать, но изменить, как показали провалившиеся тысячелетние усилия религий и семьдесят лет «коммунистического воспитания», нельзя. В этом плане вирусный кризис можно воспринимать как Божью кару человечеству за его грехи или как дело «мирового шайтана»; Папа Римский назвал вирус «ответом природы» на (экономическую) деятельность человечества. Но если искуплением грехов «спасается» жизнь «старого», то почему оно должно разрушаться?

В-третьих, пандемия, выявив необходимость модернизации жизни человечества, сделала ему «прививку» от кардинальных катаклизмов, ибо кризис усиливает иммунитет мира наличного, что снижает вероятность парадигмальных трансформаций. В «лучшем» случае коронарные проблемы могут рассматриваться как своего рода запрос, «проба пера» на возможность некоего небывалого глобального обновления мира.

В-четвертых, все это не означает, что, по окончании кризиса, будет «один к одному» восстановлена прошлая жизнь. Как показывает исторический опыт, крупные кризисы, так или иначе, всегда значительно ее меняли. В частности, после Первой мировой войны не просто остались, но получили развитие созданные в военное время институты госрегулирования экономики, которые воспринимались как временная, вынужденная мера. После Второй мировой, как реакция на нее, появилась ООН. Возможны и другие примеры «институтов будущего». Можно ли разглядеть такие сейчас? Пока не получается... «Оптика» не позволяет — или высматривать особо нечего?

Все вышесказанное не отрицает возможность «инобытийной беременности» человечества в принципе («все меняется...»). Но, повторимся, ее (абстрактной) возможности пока, полагаем, не грозит переход в действительность по указанным выше причинам. В глобально-историческом плане запрос на реализацию этой возможности потенциально есть, о чем интуитивно и глубоко мыслит Ю.М. Осипов; полагаем, эти его идеи пока опережают время, но «крот истории» определенно «роет» в указанном им направлении.

Итак, коронарный кризис мощно встряхнул наличный мир, его экономику, но встряхнул недостаточно «серьезно» для становления

некого, по крайней мере — экономического — «инобытия». Тут примечателен прогноз директора-распорядителя МВФ К. Георгиевой: она полагает, что сейчас экономическая ситуация является в принципе такой, как и во время мирового финансового кризиса 2008 г., успешно преодоленного Западом без «серьезных» изменений; аналогичное мнение и у главы Всемирной торговой организации (ВТО) Р. Азеведо. При всей понятной должностной ангажированности этой оценки достаточно предсказуемо, что Запад, получив «коронарный» удар, мобилизует все свои силы, огромный антикризисный опыт с тем, чтобы восстановиться, не допустить непонятных кардинальных изменений, невыгодного ему расклада политических и экономических сил; более того, постарается использовать кризис для усиления своей роли в посткризисном мире.

Итак, какие же изменения провоцирует коронавирусная пандемия? Достаточно очевидно, что в глобальном *экономическом* плане ускоряется давно идущий процесс девальвации (но не распада, подобно миру «коммунистическому») индустриальных экономик технологических заимствований и экспорта сырья; обостряются понимание необходимости движения глобального мира к экономической и финансовой многополярности, опасности «кладки всех яиц» в корзины «центров силы»; возможен крупнейший за послевоенную историю передел собственности в процессе «переваривания» проблемных активов. Говоря о «частностях», можно отметить ценность производства жизненно важных простых вещей, перспективы развития дистанционных, *on-line* технологий, бесконтактных коммуникаций, практик «удаленной» работы, цифровых технологий, регулирования миграции трудовых ресурсов и др.

В *политическом* плане очевидны переосмысление — усиление — роли государства в решении актуальных глобальных социально-экономических проблем, понимание важности его мобилизационного потенциала, недостаточности усилий «свободной» экономики, практики жизни «гражданского» общества, либерализма и демократии. (Примечателен беспрецедентный успех в борьбе с пандемией «тоталитарного» Китая.)

В *социальном* плане коронавирус, прежде всего, усиливает внимание к проблемам медицинского обеспечения и обслуживания населения. Но есть и глобальный аспект — возникает опыт нового

формата жизни социума — (само)изоляции в обмен на относительную защиту и безопасность, даваемую властью, что опять-таки знаменует повышение ее роли в жизни общества, формирует коллективизм «домашней казармы». Для «открытого» общества это является небывалой новацией, требующей своего осмысления.

В плане *духовном* следует выделить перспективы развития практик формирования «единомыслия», в частности, на основе «раскручивания» коллективного страха, беспомощности перед глобальной угрозой, что чревато усилением манипулирования сознанием. Эта практика проявляется и в том, что сейчас мир в своем отношении к вирусному кризису духовно един, как никогда в истории: люди в тревоге ждут, когда «все это» закончится, жаждут вернуться в комфортную «нормальность».

В связи с коронарным кризисом нужно откликнуться на неизбежный «обывательский» — *констирологический* — вопрос: не является ли вся эта вирусная история (истерия) своего рода заговором против человечества «тайного мирового правительства», некой «операцией прикрытия», призванной отвлечь внимание от каких-то желаемых глобальных перемен, решения неких проблем? (Подчеркнем — мы не ставим классический вопрос — «*сui prodest*», ибо очевидно, что кризис нанес удар по всему человечеству, речь идет не о заговоре, а об объективном *влиянии*; мир столкнулся с чем-то похуже заговора — с тем, что трудно понять.) Ответ на этот вопрос мы получим после окончания пандемии, когда спокойный и всесторонний анализ ситуации высветит ее объективных «выгодополучателей», причем не частных (торговцев лекарствами, продовольствием и т. п.), а геополитических; вопрос в том, кто, как и зачем сможет *использовать* кризис в своих интересах, решению каких — государственных, групповых, иных — задач он *может* послужить.

Такое использование — дело вполне нормальное, естественное, так что о «заговоре» нельзя говорить серьезно. Но, в частности, уже сейчас понятно, что вирус не только «напрягает» мир, но и дает возможность «сравить пар» давления некоторых актуальных проблем («перегрев» экономики, рост влияния Китая и др.). Следующий год прояснит ситуацию, но при любом ходе событий напряженность

в мире будет, очевидно, возрастет, хотя бы в борьбе за сферы влияния, за ресурсы, необходимые для восстановления экономики, за нефтяной рынок.

Как все эти процессы выражаются в России? Международная научная конференция «Россия в координатах ударных перемен...», прошедшая в МГУ в декабре 2019 г., в своей «Концептуальной декларации» авторитетно заявила, что идущие в мире изменения становятся все более радикальными, делающими и мир, и Россию другими, что позволяет говорить даже о возможности некоего трансгрессивного скачка во что-то неведомое и тревожное [4]. Публикация этих материалов резонансно совпала со взрывом пандемии, что актуализировало давние «осиповские» пророческие размышления о глобальном кризисе наличного и вызревании «Иного» мира, в возможности которого знаменательна роль России. При всей увлекательной оригинальности этой идеи повторим — она опережает время: очевидно, и наличный мир, несмотря на кризис, еще не исчерпал своей inferнальности, и Россия пока не готова стать «акушеркой» рождения некоего нового мира, еще не имеет для этого необходимого потенциала. Вместе с тем коронарный вирус дает новое «звучание» постановке Ю.М. Осипова проблемы российского «антикризиса» [5].

В первичном анализе протекания вирусного кризиса в стране, прежде всего, обращает на себя внимание шумиха, поднятая в СМИ вокруг пандемии (в отличие от нефтяной ситуации). Возможно, несмотря на предупреждение Президента, этим преследуется цель возложить на вирус всю ответственность за начавшийся в стране глубокий социально-экономический кризис, за будущее нашей экономики.

Тем не менее в условиях пандемии объективно резко актуализируется проблематика адекватного понимания не только нынешних перемен, но и посткризисных перспектив страны, ее выхода в новое социокультурное пространство и время, обеспечивающего как ее глобализационную интеграцию в Западный мир, так и достойное существование в конкуренции с этим меняющимся миром. Такой проект надо срочно готовить; надеемся, пандемия активизирует эту работу.

Для ее корректировки, конкретизации надо хорошо понимать наличное состояние страны под влиянием «вирусно-нефтяного» кризиса. Пройдемся по основным сферам ее современной жизни.

В *экономической* сфере мы видим традиционное ситуативное реагирование — власть рассматривает текущую экономическую ситуацию как не требующую глобальных изменений качества экономической системы страны; реагирование, призванное, действуя в ручном режиме управления, минимизировать экономические потери (по мнению А. Кудрина, ВВП страны по итогам текущего года упадет на 8%, но есть и много прогнозов более печальных). Вероятно усиление внимания к восстановлению потерянного в своей экономике, ибо кризис показал опасность высокой технологической и продуктовой внешней зависимости (от ЕС — более 40% оборота внешней торговли, от Китая — 17%), от цен на мировом нефтяном рынке, которые минимум два года будут для страны весьма болезненными.

В сфере *политической* никаких существенных изменений также не происходит и, полагаем, не произойдет, несмотря на поправки к Конституции. Разве что пандемия дает возможность отработать практику новых мер контроля населения как на федеральном, так и на местном уровне, чреватую правоприменительной неразберихой запретов, регистраций, мер слежения, разрешений, пропусков и т. п. Все это свидетельствует о жизненности старой идеи — опасность девальвирует демократию как фактор мирной жизни, а у нас идет война (с вирусом).

В *социальной* сфере также отмечается ситуативное реагирование — частные, точечные меры социальной поддержки отдельных групп населения с перспективой (объективно неизбежного в условиях падения экономики, снижения госбюджета, резервов ФНБ) сокращения социальных расходов; примечательно, что вопрос об эффективности конституционного положения о социальном государстве даже не ставится.

В сфере *духовной* наблюдается противоречивая ситуация некоего духовного сплочения народа перед лицом общей угрозы, но в условиях индивидуальной самоизоляции, разобщенности, своего рода «магдалинации» жизни людей. Тут сказываются не только соображения санитарии и эпидемиологии, но и проявления некоей ксенофобии: сначала настороженное отношение к китайцам, потом — к иностранцам, потом — к нашим «возвращенцам», а там

уж — к соседям по коммуналке как потенциальным вирусносителям. Такое состояние напрягает психику людей, жаждущих вернуться к нормальной жизни.

Все эти перемены — реалии сегодняшнего и контуры завтрашнего дня, которые просматриваются сегодня. А что в будущем «по большому счету» — большой вопрос. Пока ясно одно: импульсы пандемии коронавируса описанными последствиями вряд ли исчерпываются. Очевидно, все принимаемые — безусловно необходимые — антикризисные меры стабилизируют ситуацию, она с каждым днем все более нормализуется. Но, разумеется, весь комплекс этих мер не может вывести за пределы возможного для наличной экономики, да они и не имеют такой цели. Понятно также, что выход из кризиса будет трудным и долгим, не располагающим к осмыслению глобальных перспектив бытия страны. Но, полагаем, рано или поздно, такое осмысление начнется, жизнь заставит...

Кризис показал — в современном мире быстро распространяются не только информация, товары, услуги, капиталы, технологии, трудовые ресурсы, масс-культурные ценности, но и смертоносные вирусы, своим влиянием быстро разрушающие мир цивилизованного комфорта. Это диктует необходимость перехода от первичного анализа коронавирусной экспансии как в мире, так и в России к вопросу о ее влиянии на то, что принято называть *глобализацией* [1]. COVID-19 нанес болезненный удар по «классическим» представлениям о ее достоинствах, по парадигме осмысления. Полагаем — именно глобализация стала главной жертвой вируса, ибо она воплощает *пространственный* процесс всеобщей взаимосвязи, в основе ее современного «формата» лежит не столько экономическое, сколько коммуникативное единство мира, которое и деформировалось больше всего в результате антивирусных мер.

Кроме того, пандемия обнаружила и недостаток (предполагаемый идеологией глобализма) взаимосогласованной наднациональной реакции стран (даже в рамках Евросоюза) на эту глобальную угрозу. Конечно, все страны имеют свою специфику (как, кстати, и регионы России), но эта несогласованность представляется симптоматичной. Кризис показал и преждевременность разговоров о формировании нового качества всеобщности социального, а не только экономического бытия, о становлении некоего глобального сообщества («мегаобщества»), идущего на смену нации-государству как

универсальной форме организации социума, доминировавшей с Нового времени в культуре Модерна [3].

И что же остается от практики и парадигмы «классической глобализации»? Ее качества и до «вируса» уже не выглядели «инновационными», глобализация со временем, с активизацией глокализации все более становится «нормальностью». В этом плане можно даже говорить о становлении некоего «пост-состояния» глобализации [2]. Каковы же ее особенности?

Во-первых, фундаментальная — *экономическая* — глобализация свою роль выполнила — создала так называемое «мировое хозяйство», в котором ведущая (по крайней мере, финансово-технологическая) роль Запада стала нормой экономической жизни; транснациональный мир, даже с учетом роста влияния Китая, прочно разделен на центры и сферы экономического влияния; его передел также не является чем-то новым, невиданным. Тем самым, глобализация перестала быть экономической новацией; кроме того, в мире нарастают проблемы релевантного неэкономического — социокультурного, гуманитарного — влияния на глобальную экономику, «заслоняющие» ее экономический облик.

Во-вторых, глобализация теряет свое *геополитическое* значение: с исчезновением СССР в мире установилась новая конфигурация политических сил, вполне устойчивая при всех ее колебаниях — мир разделен на «блоки», сферы влияния (США, Европа, Китай, Россия). Вирусная «декоронация» глобализации подтвердила, что она теряет рассматриваемое значение, ибо кризис не приводит к изменению этой конфигурации, речь может идти лишь об изменениях в соотношении сил в этих сферах, между ними, не более.

В-третьих, глобализация уже не является актуальной *политико-культурной* проблемой: мультикультурализм, знаменующий становление некой новой социальной общности, провалился. «Ядра» многих «этно- национальных» культур в жизни их носителей не поддаются разрушению унификацией глобализации, сохраняют свое влияние даже в условиях растущего воздействия западной культуры; при всех коммуникативно-миграционных процессах люди, в основном, сохраняют свою этнокультурную идентичность. Вирус показал и преждевременность утверждений, что изначальные антиглобалистские опасения по поводу утраты национально-культурной самобытности народов под влиянием западного образа жизни потеряли

остроту, напомнил, что, оставаясь в той или иной степени носителями национальных культур, люди не могут спокойно чувствовать себя равноправными гражданами «мира без границ».

Но есть один аспект глобализации, приобретающий, на наш взгляд, растущее значение в последние годы и активизированный вирусом: глобализация сейчас актуальна как процесс *этнокультурный*. Здесь весьма показательны проблематика жизни неевропейских мигрантов в странах Западной Европы, «странности» их адаптации в ее культуру: мигранты, сбежав от трудностей жизни на своих «родинах» в комфортную Европу, вместо вживания в систему ее ценностей зачастую не просто воспроизводят там привычный образ старой жизни, но и агрессивно сохраняют его. Кроме того, иноэтническая миграция все более влияет на культурно-демографические ландшафты Западных стран, постепенно расшатывает историческую западно-европейскую культуру [6].

Это высвечивает новую «ипостась» современной глобализации — полагаем, ее традиционная парадигма обогащается практикой *этномультикультурализма*. В свете сказанного обратимся к прежде всего интересующей нас экономической сфере. В современной глобальной экономике Труд становится все более представлен человеческим капиталом стран Незапада, тогда как Запад выступает источником и носителем (финансово-организационного) Капитала и Технологий. Тем самым в экономическом аспекте современных глобализационных процессов обострилась проблема использования трудовых ресурсов разных этносов, культур, прежде всего — западных. Эти ресурсы сейчас во многом представлены реализацией потенциала мигрантов как необходимой рабочей силы — дешевой и, в основном, низкоквалифицированной, занятой «простым» трудом, важность которого показала текущая пандемия.

Поэтому мультикультурализм, теряя свое политическое значение и наращивая этническое, все более становится важной экономической проблемой глобализации, ибо актуализирует проблематику работы с разноэтническим человеческим капиталом в его глобализационных «переливах»; пандемия лишь активировала остроту данной проблемы. Опыт реакции объединенной Европы на вирус — сепаратизм закрытых границ, территорий, различные миграционные запреты — может иметь характер ситуативной антикризисной меры, не

способной изменить «свободные» экономические законы «его величества Рынка», но способствующей обновлению их реализации. Это дает возможность говорить о *этномультикультуризации посткризисной экономики*.

Как все эти глобализационные проблемы преломляются в российской цивилизации? Во-первых, несмотря на некоторую стабилизацию ситуации, трудно говорить о сроках полного окончания пандемии — будет ли ее «вторая волна», как сократится внешний спрос на нашу нефть. Во-вторых, страна не может жить в условиях самоизоляции, неизбежна адекватная адаптация к вирусному кризису глобализации. В-третьих, в настоящее время главным проявлением ее классической идеологии является фактическая приверженность либеральной экономической парадигме финансового блока правительства. Это рождает «интересные» проблемы нашей экономической политики в глобальном мире, в котором кризис показал важность государственного влияния на экономику, а антикризисные меры могут привести к усилению так называемого «государственного капитализма».

В свете сказанного возникает вопрос: что значил девиз Форума «Россия зовет» (Москва, 20 — 21 ноября 2019 г.) — «Мосты над волнами глобализации»? С кого берега и на какой ведут эти мосты? Или все они «вдоль реки» (экономического либерализма)? Ответ на этот вопрос не проясняется сменой правительства, ибо сейчас оно работает в режиме незабвенной черномырдинской «ошпаренной кошки», ему, естественно, не до «перспектив»... Такой режим в наличной, чрезвычайной ситуации, безусловно, необходим. Но не менее необходимы и последующее подведение итогов реакции нашего государства, общества, его экономики на вирусно-нефтяной кризис, разработка перспектив жизни в посткризисном мире, важно понимание необходимости глубокого стратегического осмысления последствий «коронизации» экономических и социальных процессов глобализации.

В нашей многоэтнической стране — с регионами разной степени экономического развития, активными миграционными процессами (что вполне сравнимо с западноевропейскими реалиями) — заслуживает особого внимания отмеченный этномультикультурный аспект экономической жизни. Это классически обусловлено обострением межнациональных проблем в условиях серьезных кризисов: на

«чужаках» легко концентрируется энергия недовольства экономической («отнимают рабочие места») и социальной («понаехали»...) ситуацией. Примечательно изменение ситуации под влиянием вируса: становится меньше мигрантов, особенно в крупных городах, уезжает и часть «отходников» из провинции; всех их все более стали заменять местные, коренные жители. В свете этого представляется знаковой поставленная Президентом в начале года, еще до вирусного кризиса, задача совершенствования миграционной политики в целях ее адекватности реалиям и перспективам рынка труда современной российской экономики.

Подведем итоги сказанному.

Первое. По ряду указанных причин нынешняя пандемия, при всей своей уникальности, вряд ли приведет к каким-то кардинальным цивилизационным изменениям, формированию некоего нового мирового устройства. Кризис поставил цивилизацию на болезненную «паузу»; это дает ей многовекторные возможности измениться. Пока адекватный Ответ на вирусный Вызов не сформулирован (ибо еще недостаточно понимание полноты его влияния на глобальный мир), но, полагаем, он будет найден и, так или иначе, реализован. Это требует специальных междисциплинарных исследований проблематики глобализации в посткризисном мире.

Второе. Из нынешнего кризиса, именно кризиса, а не катастрофы, будут извлечены важные уроки на будущее. Пока достаточно очевидна активизация иммунной системы глобализации наличной, что скорее упрочивает ее как доминанту современного мироустройства, нежели способствует его трансформации. Она, полагаем, объективно неизбежна, но каково ее содержание, что за изменения нас ждут, станет ли посткоронарный мир лучше — покажет время. Тут, как говорится, «хочется верить», не более.

Третье. Главной «жертвой» текущей пандемии стала глобализация. Пандемия, реакция на нее наносят удар по представлениям о благодати, нормативности ее наличного состояния: «коронизация» приводит к «декоронизации» глобализации как достижения, высшего этапа мирового цивилизационного развития, требует серьезной коррекции глобализма (как теории) и собственно глобализации (как ее практики).

Четвертое. Это, однако, не отменяет глобализацию как цивилизационный феномен современного мира, входящий в период своего обновления, пересмотра состояния ее составляющих, реакции на проблемы, поставленные пандемией. В ней можно выделить актуальность осмысления изменений характера этнического аспекта глобальных экономических процессов, связанных с мировым разделением труда, миграцией человеческого капитала, перераспределением трудовых ресурсов в посткризисном мире — всей практики экономического мультикультурализма.

Итак, России важно не ограничиваться необходимыми ситуативными мерами выхода из вирусного-нефтяного кризиса. В трансформациях посткризисной экономической глобальности требует особого внимания теоретическая работа по целеполаганию, моделированию, проектированию глобального обновления не только экономики, но и всего цивилизационного бытия России в посткризисном мире. Эта проблема достаточно давно разрабатывается представителями Академии философии хозяйства, ЦОН МГУ, лаборатории философии хозяйства. Их рекомендации по «целостному перестроению» российского социума не ограничиваются экономической сферой, а предлагают рассматривать «новую реальность» (пусть далекую от загадочного «инобытия») как системный проект типа европейского Модерна, нацеленный на обновление цивилизационного облика России.

Литература

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 324 с.
2. Королев В.К. Глобализация как философско-культурологическая проблема: кризис или «переформатирование»? // Многополярная глобализация и Россия. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 24 — 26 мая 2018: В 2 т. Т. 1. Ростов н/Д.; Таганрог: ЮФУ, 2018. С. 197 — 201.
3. Кувалдин В.Б. Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Весь мир, 2017. 184 с.
4. Осипов Ю.М. Мир и Россия под ударными переменами: настоящими и грядущими // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 26 — 32.

5. *Осипов Ю.М.* Российский антикризис // *Философия хозяйства*. 2014. № 4. С. 9 — 18.

6. *Шендрюк А.И.* Глобализация в системе культурологических координат // *Знание, понимание, умение*. 2005. № 1. С. 56 — 68.

References

1. *Beck W.* Chto takoye globalizatsiya? Oshibki globalizma — otvety na globalizatsiyu. M.: Progress — Traditsiya, 2001. 324 s.

2. *Korolev V.K.* Globalizatsiya kak filosofsko-kulturologicheskaya problema: krisis ili «pereformatirovanie»? // *Mnogopol'yarnaya globalizatsiya i Rossiya. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Rostov-na-Donu, 24 — 26 maya 2018. T. 1. Rostov n/D; Taganrog.: YUFU, 2018. S. 197 — 201.

3. *Kuvaldin V.B.* Globalni mir. Politika. Ekonomika. Sotsialniye otноsheniya. M.: Ves mir, 2017. 184 s.

4. *Osipov Yu.M.* Mir i Rossiya pod udarnimi peremenami: nastoyashimi i gryadushimi // *Filosofiya khozyaistva*. 2020. № 1. S. 26 — 32.

5. *Osipov Yu.M.* Rossiysky antikrizis // *Filosofiya khozyaistva*. 2014. № 4. S. 9 — 18.

6. *Shendrik A.I.* Globalizatsiya v sisteme kulturologicheskikh koordinat // *Znaniye, ponimaniye, umeniye*. 2005. № 1. S. 56 — 58.

С.Ю. РУМЯНЦЕВА

Конец витка и отрицательный подбор*

Аннотация. На основе преимущественно философско-хозяйственного, политэкономического и мир-системного подходов анализируются циклы экономического и цивилизационного устройства. Переживаемая мировой экономикой депрессия многоциклична, сопряжена с цивилизационным переходом и в настоящее время ведет к формированию основ глобального протостроя, подобного древним

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Румянцева С.Ю. Конец витка и отрицательный подбор // *Философия хозяйства*. 2020. № 3. С. 59—87.

деспотиям. Пандемия COVID-19 была использована глобальной олигархической властью как катализатор этого процесса.

Ключевые слова: философия хозяйства, экономические циклы, закономерности общественного развития, геополитика, геоэкономика.

Abstract. On the basis of mainly philosophy-economical, political economy and world-system approaches economic and civilization cycles are analyzed. The world economic depression is multicyclic, connected with civilizational transition and in present time leads to foundation building of global protoformation like ancient despotism. COVID-19 pandemic was used by global oligarch power as a catalyst of this process.

Keywords: philosophy of the economy, economic cycles, regularities of social development, geopolitics, geoeconomics.

УДК 330.101
ББК 65в

Анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии.

К. Маркс.

К критике политической экономии

Введение

Во всем мире налицо экономическая и политическая депрессия. Намечаются ростки нового витка подъема. Этот виток будущего роста обусловлен восходящими фазами ведущих экономических циклов экономического и геополитического плана — волн Н. Кондратьева [15], циклов Дж. Модельски [43], системных циклов накопления капитала Дж. Арриги [3]. Что стоит за будущим ростом? Какие инновации базисные? Какие новые институты нужны? Какова расстановка сил на мировой арене? И как раз в момент переплетения, казалось бы, неразрешимых противоречий современной эпохи, от которых уже задыхались мировая экономика и геополитика — локально-глобальных военных конфликтов, борьбы США за ускользающее лидерство, возникновения новых центров силы, миграционных

процессов, размывающих идентичность европейского мира, экологических проблем — вдруг вспыхнула еще и пандемия COVID-19, спровоцировавшая панику по всему миру. И мир как-то затих, и перестали стрелять, и остановились миграционные потоки, и встали производство и транспорт, и стало легче дышать, а многим стало нечего есть. Депрессия, и без того глубокая, длинноволновая и, к тому же, геополитическая, и системная, усугубилась. Все это для того, чтобы обновить мир вновь, как и в старые времена, и выплеснуть в него пучок животворящих базисных инноваций? Или что-то другое происходит в мире, в мир-системе, и можно ли назвать становящийся мир по-прежнему мир-системой?

Методология

1. Можно было бы сказать, что в этом исследовании применяется мир-системный подход [7; 9]. Но поскольку речь идет о конце мир-системы, о ее отрицании, здесь применяется подход диалектического материализма, основанный на логике второго отрицания и признании объективности процесса происходящих изменений [42]. Хотя термин «мир-система» для характеристики прошлого и пока еще текущего состояния мировой экономики по необходимости используется.

2. В силу наблюдаемых в настоящее время процессов окончательного оформления новой классовой структуры глобальной экономики с необходимостью применяется классовый подход К. Маркса [17; 18], основанный на политической экономии.

3. Особенности формирующейся классовой структуры современной глобальной экономики, на наш взгляд, требуют применения к ним теории власти-собственности советского востоковеда Л.С. Васильева [10; 39]. В основе института власти-собственности древних обществ лежало преобладание отношений государственной формы собственности на основное средство производство — землю. Эти отношения определяли классовую структуру древних обществ, механизм распределения прибавочного продукта, распределение функций управления, которые отличались стратифицированным характером. Мы исходим из предположения, которое будет доказано далее, что в современном обществе, в котором основным средством производства являются знания, в ходе процессов общественной эволюции

сложилась система глобальной власти-собственности на знания, которая будет определять экономический строй планеты в будущем.

4. В то же время к закономерностям общественного развития уже много лет применяется синергетический подход [16; 25], основанный на том, что система в процессе обмена веществом, энергией и информацией с внешней средой может повторно после «смерти» возрождаться и снова проходить стадии развития, роста, зрелости, упадка и повторять этот цикл снова на новом витке. Синергетическая концепция близка диалектическому подходу и лежит в основе многих объяснений процессов циклического развития.

Схематически можно представить логику синергетической эволюции следующим образом (рис. 1).

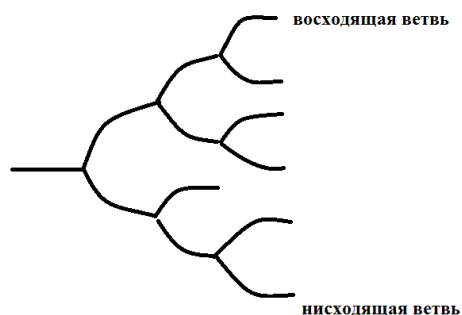

Рис. 1. Визуализированное представление вероятностного характера общественного развития с положительным и отрицательным подбором: интерпретация иллюстрации книги Ю.М. Осипова и И.Н. Шургалиной «Переходы и катастрофы» [23]

Поскольку бифуркация (раздвоение) системы является естественной фазой ее эволюционного развития, следует оценить если не вероятность, то, по крайней мере, двойственную возможность ее попадания на верхнюю (возрастающую) или нижнюю (нисходящую) ветвь развития, для чего применяется теория тектологии А.А. Богданова.

Тектология Богданова, предполагающая своеобразную эволюционную парадигму исследования социума, основана на понятиях *положительного и отрицательного подбора* в общественной эволюции [4]. Как отмечал Богданов, тектологическая схема подбора отличается от понятия естественного отбора, принятого в биологии, тем, что не предполагает размножения сущностей (к размножению способны только биологические сущности, а тектология охватывает универсальные законы движения материи) [4, 189].

5. Прогрессивный подбор понимается как положительный, когда растет сумма активностей комплекса, происходит перевес ассимиляции (установления новых связей в системе. — *С.Р.*) над дисассимиляцией (процессом распада связей. — *С.Р.*). Отрицательный подбор состоит в том, что снижается сумма активностей комплексов, преобладают процессы дисассимиляции [4, 202]. Применительно к обществу этот подход можно интерпретировать с информационной точки зрения — чем больше симметричных информационных связей возникает в системе, тем более сложной и устойчивой она становится. Чем меньше информационных связей и/или чем сильнее информационная асимметрия, тем более упрощается система. Упрощение системы естественным образом ведет к деградации составляющих ее элементов и системы в целом.

6. Современный момент в истории экономики — переломный, характеризуемый циклической кризисностью, системной неустойчивостью, истощенностью существующей модели мироустройства. В силу этого мир современной экономики требует своего метафизического осмысления, философско-хозяйственного подхода [8; 20] и определения границ хозяйства.

Прием, используемый в данной работе, несмотря на свою эклектичность, приводит к совершенно определенным, но парадоксальным, на первый взгляд, выводам. Кажущаяся избыточность предположений является лишь следствием того, что мысль была додумана до конца.

Постановка проблемы и возможные сценарии развития мир-системы

В отношении будущего экономического и цивилизационного развития в текущий момент, когда все неопределенно и наличествует

синергетическая бифуркация, возможна только вероятностная логика. Тем не менее рассмотрение некоторых сценариев, разработанных ранее в науке и философии хозяйства, а также предложение к рассмотрению новых сценариев возможно.

Среди таких вопросов первый по своему логическому возникновению из оценки тенденций экономического развития — будет ли спад VI длинной волны в будущем и состоится ли VII длинная волна? Именно длинные волны отвечают за процессы экономического развития, за падения, взлеты и возрождения живой экономики через кризисы и депрессии. В длинных волнах играл роль богдановский положительный подбор: активности комплекса элементов хозяйственного устройства усложнялись на повышательных фазах длинного цикла и деградировали на понижательных, что и становилось причиной общеэкономического упадка. Иными словами, негэнтропийные элементы в сложной открытой системе, если использовать синергетическую терминологию, вели через всплеск активности к усложнению и наращиванию структурной сложности экономической системы. В понижательных же фазах вступали в действие энтропия, распад системы и ее стремление к максимальной однородности. Во время длинноволновых депрессий вступали в действие инновации в шумпетерианском смысле: новые технологии, новые продукты, новые источники сырья и энергии, новые территории и т. д. [41]. Иначе говоря, система активно обменивалась с внешней средой и получала из нее энергию, вещество и информацию для продолжения развития.

Так поступательно, через кризисы и инновации, развивался прогресс человечества от наиболее простых к все более и более сложным и интеллектоемким видам деятельности. Вплоть до формирования основ современной кибернетической революции, нахлынувшую волну которой мы сейчас переживаем. Но для перехода на новую стадию роста (рис. 1, верхняя ветвь) нужен обязательно обмен энергией и информацией с внешней средой. Возможен (равновероятен) и нижний тренд — скатывание в катастрофический вариант. При этом вариант нижнего тренда вовсе не обязательно должен быть войной глобального масштаба или природно-техногенной катастрофой с быстрыми разрушительными последствиями. Вполне возможен мягкий вариант постепенной специализации интеллектуального труда, его дробление на «частичного» интеллектуального работника, прямо в

соответствии с теорией о разделении труда и... потеря этим работником видения целого. Это нижняя ветвь, отрицательный богдановский подбор. Общество при преобладании в нем частичных интеллектуальных, и не только интеллектуальных, работников неизменно пойдет со временем по нисходящей траектории. Упрощение рефлексии происходящего и сокращение доступной индивиду на нижних стратах информации будут означать деградацию системы при одновременном закреплении страт, сакрализации власти и знания.

Таким образом, можно предположить, что хозяйство мир-системы подходит к объективным границам своего существования, за пределами которых не будет уже ни мир-системы, ни, собственно, хозяйства.

Гипотеза. Конец витка

Предположение состоит в том, что в современную эпоху в глобальном мире формируется система власти-собственности на основное средство производства — знания и информацию. Вторым предположением является то, что этой системе производственных отношений соответствует с классовой точки зрения пирамидальная структура общества, хотя бы и сетевого. Пирамидальная структура сетевого общества не будет противоречием в определении, если предположить, что мы имеем в виду глобальную экономику в целом.

Асимметрия информации (собственность на эксклюзивную информацию), информационная неполнота для большинства и «сакральное» знание для десятков и сотен — старая как мир и в то же время принципиально новая, высокотехнологичная форма проявления власти-собственности. Так формируется общественная структура, характерная для протогосударств древности, которую К. Маркс опрометчиво назвал азиатским способом производства (АСП), хотя он наблюдался в истории Древнего мира у всех народов в качестве первой формы государственного образования. Это протоформа государственного устройства во всем мире — на протяжении всей истории. В развитой форме этим обществам свойственны бюрократия, стратификация, кастовость. Инки, по другую сторону океана — шумерское царство, государства-номы додинастического Египта [38], Кносское и Пилосское царства [13], предшествовавшие древнегрече-

ским полисам как уже более поздним государственным образованиям, основанным на демократических принципах, древний Китай, древние государственные образования на территории нынешней Англии и нынешней России, других, в том числе ныне мусульманских, государств и т. д. — везде находятся следы этой формы государственного устройства. На некоторых территориях — центрах цивилизационного развития древности — встречаются циклопические сооружения («зиккураты» не совсем ясного назначения пирамидальной формы) и являются геометрическим символом этого протостроя. Можно лишь строить гипотезы, что, возможно, воспоминания об этой протоформе были еще весьма живы в преданиях, мифах и соответственно сознании древнегреческих философов, впервые сформулировавших теории, наподобие теории исторического круговорота — Платона и Полибия.

Возник ли так называемый АСП из развития племенной организации общества или был стадией развития древних обществ, о которых не осталось письменных свидетельств, это был строй, который предшествовал последующей демократической и аристократической организации общества, впоследствии сменившейся буржуазной демократией (рис. 2).

Рис. 2. Форма организации АСП

Почему произошла эволюция? Была внешняя среда. Как показал Л.С. Васильев, в становлении древнегреческих демократических полисов (их перерождении из пирамидальной структуры АСП в структуру горизонтальных связей между экономическими аген-

тами — с экономической точки зрения, проторынок) сыграла огромную роль пиратская финикийская торговля, которая обусловила мутацию¹, способствующую перерождению нетехнологической цивилизации в технологическую [12].

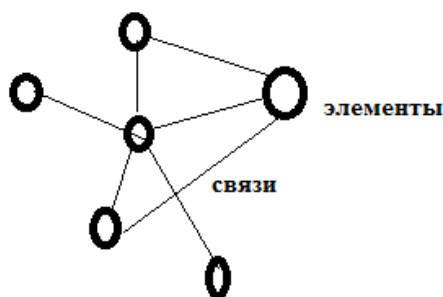

Рис. 3. Форма организации рынка²

Описанная мутация в Древнем мире, запустившая подспудный процесс формирования в античном³ и феодальном строе рыночных отношений, сформировавшихся в законченную структуру при капи-

¹ Неточная цитата: Город-государство Финикия сыграл роль катализатора в Афинах к созданию уникального античного способа производства, где основными производителями были все-таки не рабы [12, 29].

² Считаю необходимым высказать свою признательность В.В. Лукашевичу, бывшему в начале 1990-х гг. доцентом кафедры экономической теории СПбГУ, за эти визуализированные представления рынка и иерархии, которые возникли в ходе наших бесед.

³ Допустима здесь некоторая ревизия теории смены общественных формаций К. Маркса, с учетом более поздних исторических исследований античного мира и обществ древнего Востока, которые не позволяют выделить в отдельную формацию рабовладельческий строй, который как раз имел весьма локальное значение в производстве совокупного общественного продукта древних античных обществ, и, напротив, допускают не локальность, а всеобщность протоформенной сущности АСП. Что же касается коммунизма — это утопия. А социализм оказался на поверку также формой реализации в конкретно-исторических условиях АСП на более высоком технологическом базисе, о чем есть к настоящему времени обширная литература.

тализме, является первым отрицанием системы власти-собственности (рис. 3). Второе отрицание является уже отрицанием рынка и происходит на наших глазах в ходе превращения глобального многополярного мира в единую сверхструктуру, на базе информационно-коммуникационных технологий начинающую воспроизводить отношения власти-собственности. Формирующаяся сверхструктура — уже никакой не рынок, это отношения имиджей, компетенций, иерархии власти и подчинения и асимметричного распределения информации. Последняя в сверхструктуре представляет собой материальную основу производительных сил современности. Производственные отношения, нацеленные на рынок и капитализм, в этих условиях «буксуют», сталкиваются с когнитивным диссонансом в невозможности преодолеть новые, властные, компетентностно-информационно-асимметричные, а не «эффективностные» критерии успеха и должны подвергнуться диалектическому снятию.

Онтология современности. Бифуркационная развилка, положительный и отрицательный подбор в мир-системе

Происходит новый крутой поворот истории. Мир-система, на протяжении тысячелетий формировавшая локальные островки рынка и на протяжении последних столетий развивавшаяся по циклическим траекториям, наталкивается сегодня на пределы своего развития. Материальная цивилизация ограничена территорией и ресурсами планеты: первая конечна, вторые истощаются, качество окружающей природной среды (ОПС) деградирует. Естественные ограничения, уже не преодолимые новыми территориальными экспансиями, ставят пределы развитию.

Следует оценить факторы подъема по восходящей ветви положительного подбора, или по нисходящей ветви отрицательного подбора.

Факторы положительного подбора.

1. Инновационно-технологический. Есть три ключевых технологических блока, потенциально способных породить новый виток развития, — экологические технологии, информационные технологии и космические технологии, в том числе проекты освоения дальнего космоса.

2. Институциональный. Одним из вероятных вариантов трансформации мировой экономики в соответствии с концепцией интегрального общества [5] является и симбиоз рынка и плана, который приходит на смену как плановым экономикам наподобие Китая — за счет инкорпорирования элементов рынка, так и сугубо рыночным — за счет включения элементов планирования.

3. Финансовый: а) предложение организационно-институциональной финансовой инновации в виде социализации финансов [35]; б) формирование глобальной киберинформационной финансовой системы с функциями автоматического учета и автоматического трейдинга — двойственный фактор, который может при определенных институциональных условиях сыграть как роль, стимулирующую рост, так и деструктивную роль.

Факторы отрицательного подбора.

1. Экологические, ресурсные и территориальные ограничения. Невозможность преодолеть эти ограничения в достаточной мере за счет фактора НТП. Возможности НТП в преодолении экологического кризиса ограничены в силу значительной удаленности в будущее ощутимого экологического эффекта от их внедрения и запаздывания этих технологий в силу ряда институциональных — политических и поведенческих — причин.

2. Исчерпанность технологического развития. Информационные технологии в рамках длинноволновой перспективы уже в третий раз претендуют на то, чтобы стать технологическим драйвером при том, что еще в прошлой, V длинной волне они показали падающую эффективность, тем более в создании совокупного общественного продукта. Они пусты. Ими не пропитаешь растущее население.

3. Недостаточность, технологическая незрелость. Космические технологии еще далеки от того, чтобы быть просто спутниками информационных. Все, что они пока могут предоставить, — это технологии отслеживания, навигации и связи. Массовые космические полеты и освоение дальнего космоса в настоящее время — область фантастики.

4. Глобальная система власти мировой олигархии. Ответ на поставленный вопрос кроется в оценке экономической потребности олигархата в существовании избыточного населения. Пока не собрано достаточного количества управляющих параметров, этот класс

может по старинке опираться на экономические рычаги стимулирования и принуждения, в том числе не препятствуя национальным правительствам и президентам в реализации социальных программ. Когда цифровой след каждого станет достаточным и персональные данные будут переведены полностью в цифровой формат, появится возможность оптимизации избыточного населения.

5. Формирование глобальной системы образования. Нет необходимости в насильственном переводе тайной власти в институты власти явной. По мере усиления контроля со стороны правящего класса над населением путем выхолащивания системы образования за счет его столь привлекательной для потребителя первоначальной интернационализации будет происходить постепенный процесс сакрализации иерархии управления, сакрализации знания и возникновения верхней страты кибер-жрецов. Глобализация образования и системы аттестации научных кадров по всему миру служит интересам господствующего класса мировой олигархии, прежде всего, в сфере общественных наук. Эта сила заинтересована в том, чтобы исследователи изучали и обучали студентов схемам, никакого отношения не имеющим и никогда не имевшим к реальной действительности, например, равновесные модели в экономике⁴. Так формируется идеологическая прослойка «экспертов», «по собственной воле» послушно принимающих и навязывающих обучаемым правила игры в интересах клана деспотии.

С учетом незрелости НТП, экологических ограничений развития, институциональной неготовности к интегральному обществу, но зато институциональной же сформированности уже к настоящему моменту отношений власти-собственности в рамках глобальной экономики вероятность положительного подбора на текущей бифуркационной развилке крайне мала. За исключением Северной Кореи и отдельных стран Ближнего Востока глобальная система власти-собственности сложилась. Поэтому вероятность восхождения по вертикальной траектории положительного подбора пропорциональна, ве-

⁴ К слову о применяемой методологии, А.А. Богданов, конечно же, рассматривал равновесие, но только как подвижное равновесие, в смысле процесса постоянных отклонений от него.

роятнее всего, доле ВВП на душу населения указанных стран, не присоединившихся еще к системе распределения власти-собственности, в суммарном ВВП на душу населения всего мира. Она ничтожна.

Реализация отрицательного подбора в хозяйстве и бытии

Приближение первое. Экономика. Оцифровка, длинные волны, план, рынок и пандемия страха. На пороге VI длинной волны в конце 2019—начале 2020 г. мировая экономика, как и ожидалось, ушла в глубокую длинноволновую депрессию [29]. Закономерности больших циклов Кондратьева вряд ли являются тайной для субъектов власти-собственности современной глобальной экономики — владельцев контрольных пакетов акций ведущих ТНК и ТНБ. Соответственно они действуют на опережение — едва только забрезжили маячки перехода от рецессии к депрессии — начало дефляционных тенденций, обрушение ресурсных цен — как сразу были приняты меры. Требовалось в срочном порядке внедрять, насаждать — не робко, как инноватор-предприниматель, а со всей возможной хваткой, доступной обладателю власти, — инновацию. И тут под руку подвернулся COVID-19. Не умаляя тяжести заболевания, отметим, что меры по изоляции и ограничению свобод жителей планеты пришлось как раз вовремя — чтобы мировые телекоммуникационные ТНК и цифровые ТНБ смогли навязать свои продукты. Они уже тринадцать, как минимум, лет страдали от сокращения эффективности. Как показал В.Г. Клинов, сравнение динамики двух восходящих волн периода 1949—1973 и 1996—2013 гг. по среднегодовому темпу прироста производительности труда дает основание предполагать начало вековой тенденции к замедлению динамики НТП [14].

В новой начинающейся VI волне (у которой неизвестно, когда будет пик и будет ли, и волна ли это будет) ведущие акторы глобализации — ТНК и ТНБ — воспроизводят факторную структуру длинных волн (рис. 4).

Принципиальной инновацией в сфере информационного фактора-тенденции стало формирование цифровых платформ. В рамках цифровых платформ [22] внутренним правилом становится планирование, а поведенческим мотивом участников — игра. Налицо явно нерыночные и символические механизмы и мотивы формирования

экономического поведения индивидов. Эти мотивы поведения, связанные, как уже было отмечено, с игрой в имидж, с формированием компетенций, добавим еще — и с получением статусной ренты, — характеризуют как раз систему мотиваций стратифицированной деспотии (рис. 2). Это конец рынка однозначно.

Рис. 4. Факторная структура длинных волн в деятельности ТНК и ТНБ

С точки зрения процедуры процесса смысл функционирования цифровых платформ выражается в оцифровке всего и вся — мыслей потребителя информации, его эмоций, передаваемых им данных, обслуживания корпоративных клиентов — оцифровка документов, процедур общения, поисковых запросов, статистики входов на ресурсы, контроля рабочего времени, создания цифровых профилей личностей, распознавания голоса и лиц и пр.

Например, оцифровка трудовых книжек — только первый этап формирования ирреальности гражданских прав. За ним может последовать оцифровка всех актов гражданского состояния. С учетом уже

полученных с граждан национальных государств под разными предлогами *согласий на обработку, хранение, обезличение, уничтожение персональных данных* получаем фантастическую ситуацию, при которой перевод данных об индивиде в исключительно цифровой формат будет при их случайном или сознательном уничтожении фактически означать уничтожение самого индивида... Кто ты? Нет тебя!

Также и попытки сохранить историю и культуру в новом пирамидальном обществе, скорее всего, будут обречены на поражение. Только это не сладкий фукуямовский конец истории. И не торжество демократии по Модельски. Тенденция, теперь уже в мировом масштабе, на в лучшем случае жвачку масскультуры и выхолащивание образования, в том числе и высшего, продолжится. Забытые или неостребованные, или уничтоженные памятники истинной культуры, утраченные исторические свидетельства перестают быть свидетельствами⁵.

Индустрия 4.0. Умные фабрики. Безлюдные производства. По сути, столько работников, сколько сейчас предлагает рынок труда с учетом изобретенных технологий искусственного интеллекта в производстве, не требуется для обеспечения жизни.

Экологические проблемы и экологическая кривая Кузнецца (ЭКК). Многочисленные исследования, в том числе и выполненное нами исследование [33], показывают, что в большинстве стран и в глобальном масштабе ЭКК не действует, это не глобальный, а региональный феномен. И то он проявляется далеко не во всех регионах, а только в тех, где-либо уже достигнуты европейские стандарты потребления, либо просто не развиты промышленность и транспорт. Поэтому все прекрасно понимают, и мировой олигархат в первую очередь, что, пока мы будем дожидаться роста ВВП на душу населения, соответствующих изменений в распределении благ, формировании предпочтений, проведения институциональных реформ в странах догоняющего эшелона, от экологических проблем пострадают все. И поскольку ОПС — это ресурс совместного применения, то независимо от распределения богатства, ухудшение качества жизни

⁵ Поэтому, как бы ни хотелось поверить в гипотезу С.Ю. Глазьева об уничтоженных свидетельствах шеститысячелетней истории Руси, эта история уже научно непознаваема [11].

в лучшем случае, и экологическая катастрофа в худшем затронут всех, в том числе и обладателей глобальной власти-собственности. Избыточное население планеты с его возрастающими нуждами — сугубо мальтузианская проблема.

План и рынок. В экономических исследованиях на протяжении последнего десятилетия обострился интерес к проблемам конвергенции [37, 1], исследованиям использования плановых начал в экономике [34; 40]. Была поднята из относительного забвения интегральная концепция П.А. Сорокина. Вокруг нее стала формироваться теория интегрального общества, вбирающего в себя лучшие черты рынка и плана, опробованная в ряде стран, в том числе столь далеких по своему изначальному экономическому устройству, как Китай и США [5]. Ряд работ, опубликованных и неопубликованных, был подготовлен по проблеме индикативного планирования и его показателей [31; 32]. Сейчас, в силу приводимых в данной статье причин, эти прикидки относительно возможности построения интегрального общества уже не столь актуальны. Человечество пошло другим путем — к протоформе общественного устройства. План будет. Он уже есть. Но на этот раз — не ради обеспечения цели процветания широких масс населения. Это план в рамках технологий цифровых платформ. На технологическом уровне закрепляется общественная стратификация, которая в дальнейшем будет сакрализована.

Приближение второе. Геополитика и геоэкономика. *Цикл Модельски. СЦНК (системные циклы накопления капитала) Дж. Арриги.* По оценкам, период 2020—2025 гг. — это жесточайшая развилка мирового военно-политического противостояния. Закончился цикл военно-политической гегемонии США, после которого должна была случиться либо мировая война, либо, по мнению самого Дж. Модельски, выборы демократическим путем нового мирового гегемона [44]. В это же примерно время заканчивается и более, чем столетний СЦНК Арриги, на смену которому должна была прийти эра начала СЦНК азиатской, прежде всего, китайской цивилизации. Весь период последнего тридцатилетия мир прожил в атмосфере все нарастающего геополитического напряжения, терроризма, информационных войн. Опасность глобального военного конфликта видна была еще в 2009 г., когда мы совместно со светлой памяти В.Н. Соколовым посчитали и оценили циклы [2, 43]. В 2012 г. возник прогноз

«драматичных последствий» завершения цикла Модельски, под которыми понималась опасность мировой войны [27]. Эта опасность связывалась с аффективными проявлениями угнетенного населения развивающихся стран и стремлением мира «властей предрержащих» наций закрепить и защитить свой комфорт [28]. В 2019 г. весной опасения относительно войны усилились [29], охватив уже значительное число среди ученых-циклистов (выделим работу Пантина [23]). Не случилось, пронесло.

Когда разразилась депрессия в показателях дефляции и падения нефтяных котировок, как раз очень вовремя подоспел коронавирус, за пришествием которого практически незамеченным общественностью всех стран оказалось историческое по своей символической значимости событие — переход всего Иерусалима под юрисдикцию Израиля и США. Под шумок коронавирусной паники в мировых и национальных новостях мелкой и быстрой бегущей строкой проскальзывали ошеломляющие по опять же своей исторической значимости вещи — падение цен нефтяного рынка до не бывших никогда в истории отрицательных значений аж в минус 40 дол. за баррель нефти марки WTY, падение котировок нефти других марок. В это время шла ожесточенная энергетическая и экономическая война между Россией и Саудовской Аравией, закончившаяся принятием Россией условий сделки ОПЕК+. Наконец, на текущий момент взаимные обвинения США и Китая по вопросу о том, кто из них изобрел коронавирус COVID-19, приобретают стандартную форму информационной войны. В Сирии же перестали стрелять, а потоки миграции в Европу («эффект сверхмалых воздействий», по Р.М. Нижегородцеву [19]) прекратились. Выходит, сейчас коронавирус с его разрушительным влиянием на экономику и колоссальными расходами бюджетов на здравоохранение выполняет экономическую роль, которую на протяжении всей истории, начиная с Великих географических открытий, играли мировые войны. Независимо от искусственного или естественного происхождения этой напасти, она возникла вовремя и используется по назначению.

Экономическое назначение мировых войн и современной войны с коронавирусом заключается в том, чтобы расчистить площадки от слабых элементов экономики — старых отраслей, неэффективных фирм, нежелательных форм организации экономической

жизни, обеспечить таким образом перераспределение собственности; простимулировать госрасходы в новые сектора экономики и обеспечить будущий рост. К примеру, как-то само собой складывается, что предвидение Л. Нефедова о том, что VI длинная волна будет основана на развитии отраслей, связанных с медицинскими технологиями, обретает реальное бытие [45; 36]. В борьбе с COVID-19 оживают и получают мощный толчок росту отрасли производства медицинского оборудования, фармацевтики, а вынужденная самоизоляция населения и карантинные мероприятия дают толчок развитию телемедицины; обеспечивают перераспределение экономической власти между ведущими акторами мир-системы.

Эти проблемы сейчас разрешаются за счет редкостной солидарности мировых правительств в решении глобальной проблемы, какой (солидарности) никогда ранее не замечалось.

Приближение третье. Эсхатология. Произойдет сакрализация власти. Затем — нижняя развилка: дифференциация цифровых функций, потеря памяти о наследии демократической цивилизации и, возможно, как это уже не раз бывало в истории, уничтожение письменных свидетельств. Кому-то очень хочется стать олимпийскими богами. При этом возможный сбой в системе передачи информации при таком типе общественного устройства приведет к разрушению всей системы, когда через несколько поколений никто уже не будет помнить, с чего все началось. Возможны в этом случае новый виток человеческой истории и новый возврат к локализации, племенному строю, а также технологической и гуманитарной дикости.

Эра империй закончилась. Отметим здесь, кстати, что, характеризуя роль имперского начала в России, Ю.М. Осипов в 2011 г. определил ее историческую данность в образе СССР как «милитарной империи», тип которых «никак не рассчитан на тысячелетия» [22]. Такие империи возникали и до этого в истории человечества. Но сейчас возникает не милитарная уже, и не империя, а мир-пирамида, у которого нет внешней среды, следовательно, ни с какой внешней энергией, кроме собственно энергии природы, уже подчиненной, она обмениваться не будет. Это статис. Этот конец мир-системы как динамической сущности.

Постмодерн завершился отрицанием хозяйства как такового. Хозяйства больше не будет. Будут существовать, как определяет это

Ю.М. Осипов, «неоколониальные квазипостмодерновые стихии, ему (постмодерну. — *С.Р.*) подотчетные» [22, 233]. Да уже и не будут они неоколониальными. Эпоха неоколониализма завершилась. Мир един и солидарен — это и есть информационно-технологическая апокалиптика и эсхатология.

В 2011 г. Ю.М. Осипов видел три равновероятных исхода Постмодерна.

1. «Выход из сетей постмодерна, как из сетей позднего Рима» — нет.

2. «Все — теперь изничтожающая война» — не свершилось уже.

3. «Традиция» — уже не получилось.

Осталась «пляска квазипостмодерна» — в полную пустоту, полную управляемость, потерю идентичности, возможное уничтожение писаной истории и оцифровку индивидов.

В постнищенском мире, где Бог умер давно и бесповоротно, в отличие от теории Джамбаттиста Вико, проникнутой представлением о божественной природе вечного движения, миром правит какая-то суровая объективная закономерность. Возможно, это какой-то очень длинный квазицикл цивилизаций, в рамках которого весь период от зарождения протогосударств Крита, Микен, Китая и т. д., и до сегодняшнего момента перерождения Постмодерна в новую страто-пирамиду, через весь долгий период жизни мир-систем, возникших как результат мутации протогосударства древних. Сейчас мир-система подошла к своему логическому концу, витков больше не будет. Но не будет уже и мутаций, ибо мир стал един.

С точки зрения обыденности сегодня в процессе изменения глобального мироустройства надо осознавать четыре вещи.

1. Произошла революция сверху, власти предержавшие всего мира объединились в едином порыве протолкнуть новые технологии для запуска подъема путем насильственного насаждения удаленной работы в период карантинных мероприятий по COVID-19.

2. Отчетливо проявилась глобальная солидарность всех правительств в ограничении свобод граждан и разрушении основ функ-

ционирования малого и среднего бизнеса и связанного с ним среднего класса. Идет ярко выраженный процесс пролетаризации среднего класса. Это уже испытанный в истории прием. Он называется «огораживания», примененные еще Англии периода первоначального накопления капитала во время такой же революции сверху, только буржуазной [17, гл. 24]. Впереди еще грядут изменения законодательства. Достаточно вспомнить «Кровавое законодательство конца XV века против экспроприированных».

3. Нет независимых правительств, президенты «независимых» государств управляются ТНК и ТНБ, где, собственно, и сосредоточена власть-собственность.

4. До сих пор пока проявляется наивность некоторых политических демократических деятелей и сочувствующих им публицистов в попытках оспорить изменения политического строя, поправки в Конституцию, деятельность президентов и проч. Это уже бой с ветряными мельницами.

Итог

Современное состояние мир-системы — это не только и не столько длинноволновая депрессия, и не только смена военных циклов Модельски, и даже не «просто» смена СЦНК Арриги. Это цивилизационный коллапс, означающий конец витка рыночной экономики, той, что зарождалась еще во времена финикийской торговли в Античном мире.

Ей на смену идет тотальная олигархическая деспотия, протогосударство на высшей, информационно-кибернетической, стадии своего развития, пирамида АСП. В силу своей глобальности она не имеет внешней среды, которая подтачивала бы ее естество взаимодействиями с нею.

Это будет уже не мир-система никакая. Это статичная структура, которая будет функционировать по законам стратифицированной вселенской власти-собственности.

Литература

1. *Акаев А.А.* От эпохи великой дивергенции к эпохе великой конвергенции: Математическое моделирование и прогнозирование

долгосрочного технологического и экономического развития мировой динамики М.: URSS, 2019. 352 с.

2. *Акаев А.А., Румянцева С.Ю., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н.* Экономические циклы и экономический рост. СПб.: Изд-во Политехн. инст-та, 2011.

3. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. Пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 472 с.

4. *Богданов А.А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. Т. 1. М.: Экономика, 1989. 304 с.

5. *Богомолов О.Т., Водолазов Г.Г., Глазьев С.Ю. и др.* Новое интегральное общество: общетеоретические аспекты и мировая практика / Под ред. Г.Н. Цаголова. М.: ЛЕНАНД, 2016. 256 с.

6. *Бродель Ф.* Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. М.: Прогресс, 1992. С. 28.

7. *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. 128 с.

8. *Булгаков С.* Философия хозяйства. М.: Терра, 2008. 352 с.

9. *Валлерстайн И.* Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. Пер. с англ. / Науч. ред. и предисл. А.И. Фурсова. Изд 2-е, испр. М.: УРСС; ЛЕНАНД, 2018. 304 с.

10. *Васильев Л.С.* Феномен власти собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века / Отв. ред. Л.Б. Алаев. М., 1982. С. 60—99.

11. *Глазьев С.Ю.* О долгосрочных тенденциях развития человечества // Арригиевские чтения по теме: «Глобальный хаос современного мироустройства: сущность, развитие и пути преодоления. Проблемы мирового переустройства в условиях тройного переходного периода». Материалы международной научно-практической конференции. 16—18 мая 2019 г.: В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. О.В. Пилипенко, С.Ю. Глазьева, А.Э. Айвазова, А.Г. Зайцева, Н.В. Спасской, Е.В. Такмаковой. Орел: ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева», 2019. С. 9 — 118.

12. Государство на традиционном Востоке / Под ред. Л.С. Васильева. М., 1988.

13. История древнего мира.: В 2 т. / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероной, И.С. Свенцицкой. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Наука;

Главная редакция восточной литературы издательства, 1989. Кн. 1. Ранняя древность. 470 с.

14. *Клинов В.Г.* Причины и последствия модификации большого цикла мирового хозяйства // Н.Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности / Под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, В.М. Бондаренко. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2017. С. 177—190.

15. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры // Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избр. труды / Международный фонд Н.Д. Кондратьева и др. М.: ЗАО Издательство «Экономика», 2002. С. 341—400.

16. *Лукашевич И.В.* Синергетический подход к анализу длинных волн // Вестн. С.-Петерб.ун-та. Сер. 5. Экономика. 1995. № 4. С. 3—11.

17. *Маркс К.* Капитал: критика политической экономии: В 3 т. М.: Политиздат, 1988.

18. *Маркс К.* К критике политической экономии: [Электронное издание]. https://www.marxists.org/russkij/marx/1859/criticism_pol_econ/index.htm (дата обращения: 06.05.2020).

19. *Нижегородцев Р.М.* Информационная экономика. Кн. 1. Информационная вселенная: информационные основы экономического роста. М.; Кострома, 2002. С. 149—156.

20. *Осипов Ю.М.* Очерки философии хозяйства М.: Юрист, 2000. 368 с.

21. *Осипов Ю.М.* Обретение. М.: ТЕИС, 2011.

22. *Осипов Ю.М., Юдина Т.Н., Гелисханов И.З.* Цифровая платформа как институт эпохи технологического прорыва // Экономические стратегии. 2018. Т. 20. № 5 (155). С. 22—29.

23. *Пантин В.И.* Переход к VI циклу Кондратьева: технологические, экономические и политические сдвиги // Арригиевские чтения по теме: «Глобальный хаос современного мироустройства: сущность, развитие и пути преодоления. Проблемы мирового переустройства в условиях тройного переходного периода». Материалы международной научно-практической конференции. 16—18 мая 2019 г.: В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. О.В. Пилипенко, С.Ю. Глазьева, А.Э. Айвазова, А.Г. Зайцева, Н.В. Спасской, Е.В. Такмаковой. Орел: ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева», 2019. С. 237—241.

24. Переходы и катастрофы: опыт социально-экономического развития / Под ред. Ю.М. Осипова, И.Н. Шургалиной. М., 1994.
25. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М.: Прогресс 1986. 432 с.
26. Типология развитого феодализма в странах Востока. Материалы всесоюзной научной конференции. М., 1975.
27. *Румянцева С.Ю.* Особенности современной фазы мировой экономической конъюнктуры // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2012. № 3. С. 3— 19.
28. *Румянцева С.Ю.* Шестая длинная волна: экономика аффекта и комфорта Размышления над книгой (Не)Реальный капитализм В.Т. Рязанова // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 257— 269.
29. *Румянцева С.Ю.* Взаимосвязь между циклами Арриги, Модельски и Кондратьева как причина современной мировой турбулентности // Арригиевские чтения по теме: «Глобальный хаос современного мироустройства: сущность, развитие и пути преодоления. Проблемы мирового переустройства в условиях тройного переходного периода». Материалы международной научно-практической конференции. 16 — 18 мая 2019 г.: В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. О.В. Пилипенко, С.Ю. Глазьева, А.Э. Айвазова, А.Г. Зайцева, Н.В. Спасской, Е.В. Такмаковой. Орел: ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева», 2019. С. 277— 286.
30. *Румянцева С.Ю.* Показатели для диагностики фазового состояния экономики России и планирования экономического подъема // Длинные волны, современная экономика и перспективы грядущих трансформаций в XXI веке / Под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Коротаяева, В.М. Бондаренко. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2019. С. 7— 50.
31. *Румянцева С.Ю.* Особенности экономического миропорядка XXI века с циклической точки зрения и потенциал управления им на глобальном и национальном уровнях // Новая экономика: институты, инструменты, тренды. Материалы всероссийской научно-практической конференции. 26—28 сентября 2019 г.: В 3 ч. Ч. 2 / Под ред. О.В. Пилипенко, С.Ю. Глазьева, А.Э. Айвазова, А.Г. Зайцева, Н.В. Спасской, Е.В. Такмаковой. Орел: ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева», 2019. С. 160—179.

32. *Румянцева С.Ю.* Самоорганизация и управление: диалектика цикла // Новая экономическая политика для России и мира. Сборник научных трудов участников Международной научной конференции. XXVII Кондратьевские чтения / Под ред. В.М. Бондаренко. Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева. М.: 2019. С. 165—169.

33. *Румянцева С.Ю., Котыгина Е.Е.* Экологическая кривая Кузнеця в странах ЕАЭС // Проблемы современной экономики. 2020. № 2.

34. *Рязанов В.Т.* Плановая экономика и ее институциональные характеристики // Институциональный анализ и экономика России. М.: Экономика, 2012. С. 357—402.

35. *Рязанов В.Т.* Социализация финансов и беспроцентная экономика: варианты и альтернативы нового финансового порядка // Экономист. 2016. № 8. С. 3—23.

36. *Саркисян А.А., Румянцева С.Ю.* Особенности развития инновационных технологий в медицине // Друкеровский вестник. 2019. № 1. С. 192—204.

37. *Спенс М.* Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 336 с.

38. *Толстогузов А.А.* Японские раннефеодальные общества // Государство на традиционном Востоке / Под ред. Л.С. Васильева. М., 1988. С. 54—56.

39. Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти / Под ред. Н.А. Иванова. М.: Наука, Изд. Фирма «Восточная литература», 1993. 390 с.

40. *Черемисинов Г.А.* Парадигма директивно-плановой экономики: российский опыт хозяйственных преобразований: В 2 т. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2013.

41. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М., 1982. 456 с.

42. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: Политиздат, 1988. I—XII. 482 с.

43. *Modelsky G.* Exploring Long Cycles. N.Y.; L., 1987.

44. *Modelsky G.* Global Political Evolution, Long Cycles and K-Waves // *Kondratieff Waves, Warfare and World Security* / T.C Devezas (ed.) Amsterdam: IOS Press, 2005. P. 293.

45. *Nefiodow L.A.* Der Sechste Kondratieff — Die großen neuen Märkte des 21. Jahrhunderts // *Kondratieff Zyklen der Wirtschaft. An der Schwelle neuer Vollbeschäftigung?* Hans Thomas und Leo A. Nefiodow (HG) Herford, Busseseewald, 1998.

References

1. *Akaev A.A.* Ot ehpokhi velikoj divergentsii k ehpokhe velikoj konvergentsii: Matematicheskoe modelirovanie i prognozirovanie dolgosrochnogo tekhnologicheskogo i ehkonomicheskogo razvitiya mirovoj dinamiki M.: URSS, 2019. 352 s.

2. *Akaev A.A., Rummyantseva S.YU, Sarygulov A.I, Sokolov V.N.* EHkonomicheskie tsikly i ehkonomicheskij rost. SPb.: Izd-vo Politekhn. inst-ta, 2011.

3. *Arrigi Dzh.* Dolgij dvadtsatyj vek: Den'gi, vlast' i istoki nashogo vremeni. Per. s angl. A. Smirnova i N. EHdel'mana. M.: Izdatel'skij dom «Territoriya budushhego», 2006. 472 c.

4. *Bogdanov A.A.* Tektologiya. Vseobshhaya organizatsionnaya nauka. T. 1. M.: EHkonomika, 1989. 304 s.

5. *Bogomolov O.T., Vodolazov G.G., Glaz'ev S.YU. i dr.* Novoe integral'noe obshhestvo: obshheteoreticheskie aspekty i mirovaya praktika / Pod red. G.N. TSagolova. M.: LENAND, 2016. 256 s.

6. *Brodell' F.* Vremya mira. Material'naya tsivilizatsiya, ehkonomika i kapitalizm. XV—XVIII vv. M.: Progress, 1992. S. 28.

7. *Brodell' F.* Dinamika kapitalizma. Smolensk: Poligramma, 1993. 128 s.

8. *Bulgakov S.* Filosofiya khozyajstva. M.: Terra, 2008. 352 s.

9. *Vallerstajn I.* Istoricheskij kapitalizm. Kapitalisticheskaya tsivilizatsiya. Per. s angl. / Nauch. red. i predisl. A.I. Fursova. Izd 2-e, ispr. M.: URSS; LENAND, 2018. 304 s.

10. *Vasil'ev L.S.* Fenomen vlasti sobstvennosti // Tipy obshhestvennykh otnoshenij na Vostoke v srednie veka / Otv. red. L.B. Alaev. M., 1982. S. 60—99.

11. *Glaz'ev S.YU.* O dolgosrochnykh tendentsiyakh razvitiya che-lovechestva // Arrigievskie chteniya po teme: «Global'nyj khaos sovremennogo miroustrojstva: sushhnost', razvitie i puti preodoleniya. Problemy mirovogo pereustrojstva v usloviyakh trojnogo perekhodnogo perioda». Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. 16—18 maya 2019 g.: V 2 ch. CH. 1 / Pod red. O.V. Pilipenko, S.YU. Glaz'eva, A.EH. Ajvazova, A.G. Zajtseva, N.V. Spasskoj, E.V. Takmakovoj. Orel: FGBOU VO «OGU imeni I.S. Turgeneva», 2019. S. 9—118.
12. Gosudarstvo na traditsionnom Vostoke / Pod red. L.S. Vasil'eva. M., 1988.
13. Istorija drevnego mira.: V 2 t. / Pod red. I.M. D'yakonova, V.D. Neronovoj, I.S. Svetsitskoj. Izd. 3-e, ispr. i dop. M.: Nauka; Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury izdatel'stva, 1989. Kn. 1. Rannaya drevnost'. 470 s.
14. *Klinov V.G.* Prichiny i posledstviya modifikatsii bol'shogo tsikla mirovogo khozyajstva // N.D. Kondrat'ev: krizisy i prognozy v svete teorii dlennykh voln. Vzglyad iz sovremennosti / Pod red. L.E. Grinina, A.V. Korotaeva, V.M. Bondarenko. M.: Mosk. red. izd-va «Uchitel'», 2017. S. 177—190.
15. *Kondrat'ev N.D.* Bol'shie tsikly kon'yunktury // Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya. Izbr. trudy / Mezhdunarodnyj fond N.D. Kondrat'eva i dr. M.: ZAO Izdatel'stvo «EHkonomika», 2002. S. 341—400.
16. *Lukashevich I.V.* Sinergeticheskij podkhod k analizu dlennykh voln // Vestn. S.-Peterb.un-ta. Ser. 5. EHkonomika. 1995. № 4. S. 3—11.
17. *Marks K.* Kapital: kritika politicheskoy ehkonomii: V 3 t. M.: Politizdat, 1988.
18. *Marks K.* K kritike politicheskoy ehkonomii: [EHlektronnoe izdanie]. https://www.marxists.org/russkij/marx/1859/criticism_pol_econ/index.htm (data obrashheniya: 06.05.2020).
19. *Nizhegorodtsev R.M.* Informatsionnaya ehkonomika. Kn. 1. Informatsionnaya vseleonnaya: informatsionnye osnovy ehkonomicheskogo rosta. M.; Kostroma, 2002. S. 149—156.
20. *Osipov YU.M.* Ocherki filosofii khozyajstva M.: YUrist, 2000. 368 s.
21. *Osipov YU.M.* Obretenie. M.: TEIS, 2011.

22. *Osipov YU.M., Yudina T.N., Geliskhanov I.Z.* TSifrovaya platforma kak institut ehpokhi tekhnologicheskogo proryva // *EHkonomicheskie strategii*. 2018. T. 20. № 5 (155). S. 22—29.

23. *Pantin V.I.* Perehod k VI tsiklu Kondrat'eva: tekhnologicheskie, ehkonomicheskie i politicheskie sdvigi // *Arrigievskie chteniya po teme: «Global'nyj khaos sovremennogo miroustrojstva: sushhnost', razvitiye i puti preodoleniya. Problemy mirovogo pereustrojstva v usloviyakh trojnogo perekhodnogo perioda»*. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. 16—18 maya 2019 g.: V 2 ch. CH. 1 / Pod red. O.V. Pilipenko, S.YU. Glaz'eva, A.EH. Ajvazova, A.G. Zajtseva, N.V. Spasskoj, E.V. Takmakovoj. Orel: FGBOU VO «OGU imeni I.S. Turgeneva», 2019. S. 237—241.

24. *Perekhody i katastrofy: opyt sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya* / Pod red. YU.M. Osipova, I.N. SHurgalinoj. M., 1994.

25. *Prigozhin I., Stengers I.* Poryadok iz khaosa. M.: Progress 1986. 432 s.

26. *Tipologiya razvitogo feodalizma v stranakh Vostoka. Materialy vsesoyuznoj nauchnoj konferentsii*. M., 1975.

27. *Rumyantseva S.YU.* Osobennosti sovremennoj fazy mirovoj ehkonomicheskoy kon'yunktury // *Vestn. S.-Peterb. un-ta. Ser. 5. EHkonomika*. 2012. № 3. S. 3—19.

28. *Rumyantseva S.YU.* SHestaya dlinnaya volna: ehkonomika afekta i komforta Razmyshleniya nad knigoy (Ne)Real'nyj kapitalizm V.T. Ryazanova // *Filosofiya khozyajstva*. 2018. № 6. S. 257—269.

29. *Rumyantseva S.YU.* Vzaimosvyaz' mezhdru tsiklami Arrigi, Model'ski i Kondrat'eva kak prichina sovremennoj mirovoj turbulentsnosti // *Arrigievskie chteniya po teme: «Global'nyj khaos sovremennogo miroustrojstva: sushhnost', razvitiye i puti preodoleniya. Problemy mirovogo pereustrojstva v usloviyakh trojnogo perekhodnogo perioda»*. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. 16 — 18 maya 2019 g.: V 2 ch. CH. 1 / Pod red. O.V. Pilipenko, S.YU. Glaz'eva, A.EH. Ajvazova, A.G. Zajtseva, N.V. Spasskoj, E.V. Takmakovoj. Orel: FGBOU VO «OGU imeni I.S. Turgeneva», 2019. S. 277—286.

30. *Rumyantseva S.YU.* Pokazateli dlya diagnostiki fazovogo sostoyaniya ehkonomiki Rossii i planirovaniya ehkonomicheskogo pod"ema // *Dlinnye volny, sovremennaya ehkonomika i perspektivy gryadushhikh transformatsij v XXI veke* / Pod red. L.E. Grinina, A.V. Korotaeva,

V.M. Bondarenko. M.: Moskovskaya redaktsiya izdatel'stva «Uchitel'», 2019. S. 7—50.

31. *Rumyantseva S.YU.* Osobennosti ehkonomicheskogo miroporyadka XXI veka s tsiklicheskoj tochki zreniya i potentsial upravleniya im na global'nom i natsional'nom urovnyakh // *Novaya ehkonomika: instituty, instrumenty, trendy. Materialy vsrossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii.* 26—28 sentyabrya 2019 g.: V 3 ch. CH. 2 / Pod red. O.V. Pilipenko, S.YU. Glaz'eva, A.EH. Ajvazova, A.G. Zajtseva, N.V. Spasskoj, E.V. Takmakovoj. Orel: FGBOU VO «OGU imeni I.S. Turgeneva», 2019. S. 160—179.

32. *Rumyantseva S.YU.* Samoorganizatsiya i upravlenie: dialektika tsikla // *Novaya ehkonomicheskaya politika dlya Rossii i mira. Sbornik nauchnykh trudov uchastnikov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. XXVII Kondrat'evskie chteniya / Pod red. V.M. Bondarenko. Mezhhregional'naya obshhestvennaya organizatsiya sodejstviya izucheniyu, propagande nauchnogo naslediya N.D. Kondrat'eva.* M.: 2019. S. 165—169.

33. *Rumyantseva S.YU., Kotygina E.E.* EHkologicheskaya krivaya Kuznetsa v stranakh EAEHS // *Problemy sovremennoj ehkonomiki.* 2020. № 2.

34. *Ryazanov V.T.* Planovaya ehkonomika i ee institutsional'nye kharakteristiki // *Institutsional'nyj analiz i ehkonomika Rossii.* M.: EHkonomika, 2012. S. 357—402.

35. *Ryazanov V.T.* Sotsializatsiya finansov i besprotsentnaya ehkonomika: varianty i al'ternativy novogo finansovogo poryadka // *EHkonomist.* 2016. № 8. S. 3—23.

36. *Sarkisyan A.A., Rumyantseva S.YU.* Osobennosti razvitiya innovatsionnykh tekhnologij v meditsine // *Drukerovskij vestnik.* 2019. № 1. S. 192—204.

37. *Spens M.* Sleduyushhaya konvergentsiya: budushhee ehkonomicheskogo rosta v mire, zhivushhem na raznykh skorostyakh. M.: Izdvo Instituta Gajdara, 2013. 336 s.

38. *Tolstoguzov A.A.* YAponskie rannefeodal'nye obshhestva // *Gosudarstvo na traditsionnom Vostoke / Pod. red. L.S. Vasil'eva.* M., 1988. S. 54—56.

39. Fenomen vostochnogo despotizma: struktura upravleniya i vlasti / Pod red. N.A. Ivanova. M.: Nauka, Izd. Firma «Vostochnaya literatura», 1993. 390 s.

40. *CHeremisinov G.A.* Paradigma direktivno-planovoj ehkonomiki: rossijskij opyt khozyajstvennykh preobrazovanij: V 2 t. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2013.

41. *SHumpeter J.* Teoriya ehkonomicheskogo razvitiya. M., 1982. 456 s.

42. *EHngel's F.* Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedennyj gospodinom Evgeniem Dyuringom. M.: Politizdat, 1988. I—XII. 482 s.

М.Л. АЛЬПИДОВСКАЯ

Виртуальная реальность глобальной экспансии «цифры»*

Аннотация. В статье анализируются проблемы, связанные с наступлением новой эпохи, новой эры глобального захвата цифрой человеко-хозяйственной системы. Всемирной кризис, начало которому положила новомодная болезнь, буквально окутал так называемый цивилизованный мир Запада. Глобальный мир рушится. Обнуляется вся система, господствовавшая более 300 лет. «Свобода, равенств, братство» — девиз, берущий свое начало во времена Великой французской революции, в дни «коронабесия» ничего уже не значит. Прежний мировой порядок себя исчерпал, грядет сложно определяемый новый мир. И в очередной раз встает вопрос о роли государства и его железной логике, о государстве как основном институте социально-экономической и политической системы. Но государство как институт прошлого самоликвидируется, в конвульсиях пытается найти правильное и ответственное решение. В свою очередь, человек, мыслящий и действующий, в новом проекте цифровой революционной трансформации становится не востребовавшимся.

Ключевые слова: кризис, идеи, ценности, государство, бизнес, цифровизация, цифровая экономика, капитал, мировое правительство.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Альпидовская М.Л. Виртуальная реальность глобальной экспансии «цифры» // Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 87—98.

Abstract. The article analyzes the problems associated with the onset of a new era, a new era of global capture by the «figure» of the human-economic system. The global crisis, which received its source in the «new-fangled» disease, enveloped just yesterday the civilized world of the West. The global world is collapsing, before falling into universal fading. The whole system that has dominated for more than 300 years is reset to zero. «Freedom, equalities, fraternity», the motto originating from the times of the French Revolution, in the days of «coronation» do not mean anything. The old world order has exhausted itself, and a new world is coming, very difficult to determine by its essential characteristics. And once again the question arises about the role of the state and its iron logic, about the state, as the main institution of the socio-economic and political system. However, the state, as an institution of the past, is self-destructing in convulsions to find the right and responsible solution. In turn, a human being who thinks and acts in a new project of digital revolutionary transformation becomes unclaimed.

Keywords: crisis, ideas, values, state, business, digitalization, digital economy, capital, world government.

УДК 330.101
ББК 65.01

Над седой равниной моря ветер тучи собирает...

*М. Горький.
Песня о буревестнике*

Новая модная болезнь вирусного происхождения безмолвно окутала темнотой и тяжелым бесформенным плащом страха и паники весь цивилизованный мир. Итоги еще не подведены, да и рано обобщать. Но, по предварительным данным, мировой рынок уже лишился 27 трлн дол. капитализации от максимума февраля 2020 г. Не менее 98% мирового ВВП находится в условиях блокады, вылетели из нормального воспроизводства страны, формирующие свыше половины мирового ВВП. Единое европейское пространство воочию покрывается трещинами. И укрепившаяся за последние десятилетия

формальность границ не застраховала и не оградила от разрушения глобальный мир.

Сегодня наложено табу на признание виновником разразившегося кризиса, давно предсказанного экспертами, мировую банковскую систему («хозяев» денег). Банки в очередной раз не виноваты, как и в 2008 г. Также не виновата и социально-экономическая система глобального капитализма с ее объективно перманентными кризисами перепроизводства. Виноват вирус!

История новомодной болезни, которую принес «коронованный» вирус, началась на исходе 2019 г. в стране, являющейся второй экономикой мира, а в действительности — первой по объему произведенного ВВП. Еще одной характерной чертой этой страны является производство всех потребительских товаров в мире. Бесспорно, Китай смог стать за весьма короткое время «мировой фабрикой». И «мировая фабрика» преподнесла коронавирус COVID-19 цивилизации Запада.

Несколько последних лет тревожность, переполненная мрачными предчувствиями, способствовала распространению мнения о том, что прежний мировой порядок себя исчерпал, грядет новый мир, сложно определяемый по своей сущностной характеристике. Приверженцы новой цифровой революции — предвестницы «индустрии 4,0», дискутируя на тему «массового внедрения киберфизических систем в производство и обслуживание потребностей человека», ограничивались возможностью применения результатов деятельности этой индустрии либо в быту, либо в досуге. «Интернет вещей» — слоган последних лет. Но ничего определенного в плане развития производительных сил общества мечты о доставке товаров населению квадрокоптерами не внесли.

При этом реальная экономика, ее хозяйственная и хозяйствующая сущность, незаметно, ступень за ступенью модифицировалась⁶ в виртуальную хрематистику — ненастоящую, несуществующую, фантомную. Навязанная идея рыночного фундаментализма, проявляемая в реальной жизни действием рыночного хаоса, на поверку ока-

⁶Именно модифицировалась, не превратилась, не преобразовалась, не видоизменилась, так как перевернулась вверх дном.

залась инструментом борьбы с обществом и государством как таковым. Выяснилось, что это самое «рыночное» государство до известной степени оказалось не в силах, вернее отказалось нести общественно необходимые функции перераспределения результатов общественного производства и социально-экономического регулирования. И в первую очередь речь идет об обеспечении социальной безопасности, которая по цепочке влечет за собой конкретно продовольственную, экономическую, национальную. Но в данном случае государство должно стоять на страже общественных экономических интересов, полностью идентичных интересам народа, населяющего данную страну. Но что мы наблюдаем? Мы сталкиваемся с отсутствием, дефицитом рационального контента. А «сон разума рождает чудовищ»⁷.

Принципиальной химерой становится доктрина о дерегулировании. Государство отдает на откуп бизнесу регулирование всех производственных отношений и, в первую очередь, заботу о безопасности людей. А что же бизнес? Он считает таковую бессмысленными, напрасными и избыточными тратами. «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Доказательство: контрабанда и торговля рабами» [12, 52]. Эта мысль британского профсоюзного активиста Т. Дж. Даннинга, процитированная К. Марксом в первом томе «Капитала», подтверждается и реалиями нашего времени. В угоду реализации принципа максимизации прибыли руководства компаний не пренебрегают экономией на безопасности. Оптимизировать расходы бизнес вправе не только на постоянных издержках, но, в первую очередь, на переменных. Безжалостная эксплуатация предприятий, алчность и безответственность собственников, оказавшиеся глубоко

⁷ «Сон разума рождает чудовищ» — офорт испанского художника эпохи романтизма Франсиско Гойи.

вписанными в рыночный хаос, приводят не только к техногенным катастрофам местного и регионального масштаба. Стремление к быстрым деньгам поспособствовало почти полной деиндустриализации экономик ведущих цивилизаций. Подобным образом глобальные тенденции привели некогда мощную и самодостаточную экономику бывшего СССР не только к господству деиндустриализационных моделей постмодернизма, но и к обрушению культуры до архаичного сознания.

В экономике, суженной и ограниченной до возможности жизнедеятельности исключительно добывающей промышленности, риски наступления кризиса (катастрофы) растут с невероятной скоростью. А оптимизационные процессы в социальной сфере блокируют любые альтернативные намерения возможной борьбы с этими кризисами и катастрофами.

Вирусная катастрофа стала лакмусовой бумажкой результатов сокращения до минимально возможных размеров бесплатного и высокопрофессионального сектора медицины, схлопывания бесплатного и качественного образования. И многие ли сегодня склонны винить в этом существующую систему? Ответ будет весьма неясным...

Очевидно, современное государство пытается активно бороться с разразившейся эпидемией. Однако прежде проведенная «оптимизация» превращает всю эту борьбу в спектакль. А антиэпидемиологический фарс разыгрывается сегодня по всему миру.

И в очередной раз встает вопрос о роли государства и его железной логике, о государстве как основном институте социально-экономической и политической системы. Отметим, что в современной научной литературе государство определяется как «политико-территориальная суверенная организация публичной власти, имеющая специальный аппарат управления и принуждения, способная делать свои веления обязательными для населения всей страны» [2]. Каждое слово приведенного определения подтверждается реальными действиями государственного аппарата, независимо от его территориального расположения и национальной принадлежности.

Государственная власть была создана обществом как орган для защиты общественных интересов от внутренних и внешних нападений. И, едва возникнув, государство обретает независимость и самостоятельность в отношении общества, его сотворившего. Но, будучи

действительно бесконтрольным и самопроизвольным, государство как субъект власти становится органом защиты экономических интересов другого субъекта, для которого отношения собственности, базирующиеся на отношениях контроля, приобретают субъектно-объектный вид по поводу самого государства. При этом государство теряет свою субъектность — становясь объектом.

В результате практика последних лет и актуальная глобальная вирусная катастрофа демонстрируют вопиющий пример игнорирования, если не сказать прямого попрания субъектами, контролирующими власть и обеспечивающими ее функционирование, *жизненно* важных общественных интересов в угоду интересам частным. Очевидно, что «...государство... во все типичные периоды является государством господствующего класса и во всех случаях остается по существу машиной для подавления» [11]. И при этом государство безотлагательно и оперативно порождает определенную идеологию.

В конечном итоге основные тренды влияния этой идеологии в принципе понятны. Это идеология общественного строя, который сформировался и эволюционировал из торговых отношений, причем естественным образом основываясь на физиологической природе человека, т. е. на его природных животных инстинктах. И «философия» этой общественной формации концентрируется в жестко управляемой пирамиде власти — власти капитала. Деньги стали мерилем всего сущего и мнимого, не исключая самой власти. Причем «менее всего бросается в глаза кредитно-кабальная суть экономики вообще, капитализма вообще...» [10, 218], а присущая капитализму экономическая эксплуатация становится «самой незаметной, хитрой, изощренной и эффективной эксплуатацией, какую только мог вообще придумать человек — сознательный, деловой, изобретательный и... “гуманный”» [10, 218].

«Власть же, прикрываясь риторикой о “правах человека” и “толерантности”, делает свой гешефт на колониальном разбое и грабеже слабых» [6]. С распадом СССР и ликвидацией двуполярной мировой системы эти тренды усилились. В довершение ко всему этот курс взяла и постреформенная Россия.

И теперь, когда современный спекулятивный капитал достиг предела прежней динамики развития, политика безудержного креди-

тования потребительского поведения населения дает сбой, объективные экономические интересы глобального капитала требуют не только полного экономического контроля всех стран мира — политическое подчинение всего остального мира, до сего дня сохраняющего относительную независимость, становится миссией, смыслом и функцией. Не случайно экс-премьер Великобритании Г. Браун в конце марта 2020 г. предложил учредить мировое правительство. «Гордон Браун призвал мировых лидеров создать временную форму глобального правительства для преодоления двойного медицинского и экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19», — интерпретировала тезисы экс-преьера Ее Величества Королевы Англии леволиберальная газета «Гардиан» [3].

Действительно, складывается такое впечатление, что настоящая коронавирусная пандемия психоза играет роль триггера, спускового механизма, повода для трансформации современной капиталистической системы в новую реальность — новый интегрированный порядок глобального классового общества. А для возникновения такого общества необходимо создание наднациональной «державы», в которой периферийные государства превращаются в фактические колонии метрополии. В 1993 г. А.А. Зиновьев определил подобную форму устройства системы «колониальной демократией» [4]. И весьма демократично управленческие марионетки ультраимпериалистического режима «автономно» и одновременно во имя общественной безопасности и торжества всеобщих духовных ценностей, прежде всего, ограничивают права человека. «...Вверх и в темноту уходит нить» (А. Макаревич). Человечество синхронно попало под пресс экономического принуждения с прямым физическим и когнитивным подавлением так называемого «социального мониторинга», беспрепятственно и автоматически отслеживать геолокацию (местонахождение) любого гражданина любой страны.

Да и современный человек уже не способен адекватно воспринимать новую реальность, анализировать происходящие события, критически относиться к общественным явлениям, обусловленным процессами трансформации (если не слома) системы. Став особым объектом либеральной социологической пропаганды, современный человек почти целиком переориентирован на сферу потребления. Его

внимание не привлекают производственный процесс или технические разработки, духовные интересы или подлинная культура. «Идеальный быт» становится принципиальным центром тяжести всей его жизнедеятельности. Человек оказался под влиянием философии, целью которой является не информация, а формирование определенных эмоций, взглядов, оценок и даже идеалов. И, собственно, здесь человек сталкивается с новой формой товарного фетишизма, когда скарб и имущество подменяют реальные человеческие общественные отношения. Человек превращается в «бездушную машину потребления», наличествующую в «одурманивающем мире товаров» и услуг, и не всегда материальных, т. е. реально существующих⁸.

Важно понять тайную концептуальность искусственного внедрения и культивирования потребительского сознания, служащего инструментом метаморфозы человека в пассивный объект управления и манипулирования. Шаблонное уравнивание в единых нормах мышления, идеалах и целях жизни, единых нормах поведения дает возможность подчинять массы так называемых людей⁹. Господствующая ныне система государственного и надгосударственного «подчинения» содействует обречению основной части населения на монотонное безжизненное существование, на труд, лишенный творчества и созидания, когда невозможно проявить личные способности, инициативу и энергию¹⁰.

Формирующаяся при этом неудовлетворенность масс компенсируется суррогатом реальной человеческой деятельности, некоей сопричастности к общему делу. Собственно, для этого в век всеобщей цифровизации человека между прочим погружают в виртуальную жизнь нереальной действительности, в которой каждый волен участвовать в невероятных приключениях, распоряжаться богатствами,

⁸ В романе советского писателя фронтовика Ю.В. Бондарева «Берег» оппонент главного героя Никитина критик из ФРГ Дицман вынужденно признает, что обывательский и потребительский прагматизм подчиняет все.

⁹ Тонко уловил сущность данной проблемы советский драматург М. Анчаров в своей пьесе «В одном микрорайоне»: «Стандарт страшен тогда, когда люди не связаны общим делом, тогда все придумывают себе внешние отличия. Внутренне все становятся похожи друг на друга».

¹⁰ «Земля должна быть огранена трудом как драгоценный камень. Нельзя говорить о муках творчества, труд — это радость» (М. Горький).

управлять и повелевать другими людьми, а также сокрушать могущественных врагов. При этом человек физически не подвергается ни малейшему риску для жизни.

Но так ли это по существу проблемы? И, по всей вероятности, прав был Г. Маркузе, показавший в своей книге «Одномерный человек» [9], что научно-технический прогресс, улучшение и облегчение условий жизни, совершенствование быта неизбежно ведут в тупик, к бездумному и бессмысленно сытому, тупому чувству самоудовлетворенности (по-современному — самодостаточности), при котором человек ни к чему уже не стремится.

Биологическая устремленность к сибаритствованию способствует окончательному расчеловечиванию человека, регрессирующего в сторону эгоизма и индивидуализма. Британский социолог К. Кумар, который в настоящее время заведует кафедрой социологии в Университете штата Вирджинии в США, буквально подтверждает: «Рыночные механизмы и ментальности проникают в каждую сферу жизни — не только в труд и политику, но и в отдых, дружбу, семью и брак. Все подчинено капиталистической рациональности “наименьшей стоимости” и “максимальной выгоды”» [13, 119]. При этом системно санкционируется и внедряется «спокойная» эволюция дарвиновского толка. А труд как имманентная сущность человеческой жизни низводится до понятия удовлетворения со знаком минус, т. е. приобретает свойства огорчения. Человек и его деятельность вырываются из общественного бытия и погружаются за пределы объективных явлений — виртуализируются.

С точки зрения адептов всеобщей оцифровки социально-экономической системы наступивший в одночасье вирусный кризис открыл для человечества путь к новой реальности, которая опирается на технологическую революцию, на достижения индустрии 4.0 [5]. С особым цинизмом они отмечают, что «вынужденный глобальный эксперимент окажется удачным, что неизбежно приведет к радикальному реформатированию рынка труда и, следовательно, возникновению новых социальных вызовов» [5]. И, действительно, проектируемая им новая реальность будет намного жестче — «тектонические сдвиги на рынке труда могут привести к совершенно другой структуре социальных отношений... даже к новым социальным битвам» [5]. Бесплезность избыточной рабочей силы предлагается разрешать

внедрением новой медицины с использованием программы «интернета тела», являющейся проекцией более примитивной платформы «интернета вещей», а в сфере образования — «глобального университета», когда весь процесс обучения сводится к работе в режиме удаленного доступа.

В чем сущность замысла? Ответ очевиден — экономия на издержках. Выгодой и расчетом определяются действия системы не только в экономической, но и в остальных сферах деятельности. И, как результат, «буржуазия... превращает (авторская редакция) личное достоинство человека в меновую стоимость и ставит (авторская редакция) на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод *одну* бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой» [8, 35].

Человек мыслящий и действующий в новом проекте цифровой революционной трансформации становится невостребованным системой. Новые «проигравшие» отчуждаются не только от участия в процессе совместного созидания чего-либо нового, они экзистенциально отчуждаются от самих себя. Режим самоизоляции — режим самоотчуждения и разобщения. Человек как субъект хозяйственной деятельности исчезает и модифицируется в объект... и далеко не только исследования, но и в объект по извлечению дохода (пусть даже посредством штрафов... пока). «Оцифрованный человек» — ближайшая перспектива будущего. «Цифра» станет превыше всего и сущностнее всего. Но возможно ли «очеловечить» цифру? Это вопрос на века...

Литература

1. *Альпидовская М.Л.* Философия потребления как мнимая ценность современности // Вопросы политической экономии. 2019. № 4. С. 153 — 161.
2. *Автономов А.С., Попов В.А.* Государство // Большая российская энциклопедия: [Электронный ресурс]. URL: <http://bigenc.ru/ethnology/text/2373590> (дата обращения: 13.04.2020).

3. *Данилов И.* Спаситель Великобритании предлагает мировое временное правительство // РИА НОВОСТИ: [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200328/1569257083.html> (дата обращения: 13.04.2020).
4. *Зиновьев А.А.* От коммунизма — к колониальной демократии // Распутье: [Электронный ресурс]. URL: <https://public.wikireading.ru/94408> (дата обращения: 10.04.2020).
5. *Кузьминов Я.* Вирусная революция: как пандемия изменит наш мир // РБК: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/27/03/2020/5e7cd7799a79471ed230b774> (дата обращения: 27.03.2020).
6. *Лепехин В.А.* Капитализм и вирус: мы должны осознать главную угрозу // RUSNEXT: [Электронный ресурс]. URL: https://rusnext.ru/recent_opinions/1585938430 (дата обращения: 13.04.2020).
7. *Маркс К.* «Капитал»: критика политической экономии. Т. 1. М.: Эксмо, 2011. С.738.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. М.: Политиздат, 1963.
9. *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. Пер. А. Юдина. М., 2003 / Центр гуманитарных технологий: [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5440> (дата обращения: 10.09.2019).
10. *Осинов Ю.М.* Белые скрижали. Сумма иного знания. Антиучебник. М.: ТЕИС, 2016. 464 с.
11. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 176: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.informax-inc.ru/lib/marx/21.html#s23> (дата обращения: 10.04.2020).
12. *Dunning T.J.* Trade's Unions and Strikes: Their Philosophy and Intention. L.: Published by the author, and Sold by M. Harley. 1860. No. 5. P. 35—36.
13. *Kumar K.* The Rise of Modern Society: Aspects of the Social and Political Development of the West. Oxford: Basil Blackwell, 1988. P. 338.

References

1. *Al'pidovskaya M.L.* Filosofiya potrebleniya kak mnimaya tsennost' sovremennosti // *Voprosy politicheskoy ehkonomii*. 2019. № 4. S. 153 — 161.
2. *Avtonomov A.S., Popov V.A.* Gosudarstvo // *Bol'shaya Rossijskaya ehntsiklopediya*: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://bigenc.ru/ethnology/text/2373590> (data obrashheniya: 13.04.2020).
3. *Danilov I.* Spasitel' Velikobritanii predlagaet mirovoe vremennoe pravitel'stvo // *RIA NOVOSTI*: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/20200328/1569257083.html> (data obrashheniya: 13.04.2020).
4. *Zinov'ev A.A.* Ot kommunizma — k kolonial'noj demokratii // *Rasput'e*: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://public.wikireading.ru/94408> (data obrashheniya: 10.04.2020).
5. *Kuz'minov YA.* Virusnaya revolyutsiya: kak pandemiya izmenit nash mir // *RBK*: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/27/03/2020/5e7cd7799a79471ed230b774> (data obrashheniya: 27.03.2020).
6. *Lepekhin V.A.* Kapitalizm i virus: my dolzhny osoznat' glavnuyu ugrozu // *RUSNEXT*: [EHlektronnyj resurs]. URL: https://rusnext.ru/recent_opinions/1585938430 (data obrashheniya: 13.04.2020).
7. *Marks K.* «Kapital»: kritika politicheskoy ehkonomii. T. 1. M.: *EHkmo*, 2011. S. 738.
8. *Marks K., EHngel's F.* Manifest kommunisticheskoy partii. M.: *Politizdat*, 1963.
9. *Markuze G.* Odnomernyj chelovek. Issledovanie ideologii razvito go industrial'nogo obshhestva. Per. A. YUdina. M., 2003 / *TSentr gumanitarnykh tekhnologij*: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5440> (data obrashheniya: 10.09.2019).
10. *Osipov YU.M.* Belye skrizhali. Summa inogo znaniya. Antiuhebnik. M.: *TEIS*, 2016. 464 s.
11. *EHngel's F.* Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva // *Marks K., EHngel's F. Poln. sobr. soch.* T. 21. S. 176: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.informax-inc.ru/lib/marx/21.html#s23> (data obrashheniya: 10.04.2020).

Л.А. АСЛАНОВ

Опыт цивилизационного анализа*

Аннотация. Исследуются менталитет этноса, его культура, возможности адаптации к окружающей среде, принципы его выживаемости. Утверждается, что ментальный характер русской цивилизации удержит ее на пути развития.

Ключевые слова: цивилизация, этнос, менталитет, культура, традиции, окружающая среда.

Abstract. The mentality of the ethnos, its culture, the possibilities of adaptation to the environment, the principles of its survival are studied. It is argued that the mental nature of Russian civilization will keep it on the path of development.

Keywords: civilization, ethnos, mentality, culture, traditions, environment.

УДК 008
ББК 60.033

Цивилизация — это одновременно итог на текущий момент и процесс адаптации этноса к окружающей среде. Цивилизация состоит из менталитета и культуры народа. И то и другое — результат адаптации к окружающей среде, но этнос хранит менталитет в коллективном бессознательном, а культуру — в своем сознании. Менталитет концентрирует принципы выживания этноса, самое существенное в коллективном опыте существования в окружающей среде, причем в нем нет никакого теоретизирования — хранится только жизненный опыт. Эти принципы выживания обретают зримые очертания в виде ментальных традиций, т. е. проявлений того, что этнос считает должным для коллективных действий ради своего выживания. Культура же копит средства выживания, обеспечивающие действие ментальных традиций. Она хранит набор инструментов, позволяющих этносу выжить в соответствии с ментальными традициями.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Асланов Л.А. Опыт цивилизационного анализа // Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 99—101.

Связь между менталитетом и культурой в любой цивилизации неразрывна, но цивилизация адаптируется не только к географическому, почвенно-климатическому факторам, но и к окружению иными цивилизациями, воздействие же цивилизаций друг на друга коренным образом отличается от консервативного воздействия географического и медленно эволюционирующего почвенно-климатического факторов. Взаимовлияние цивилизаций динамично и имеет разные проявления. Например, истари ведутся войны, которые требуют отдельного рассмотрения. Давно известна диффузия культур. Но диффузии менталитетов между цивилизациями нет и быть не может в силу особенностей коллективного бессознательного. Все проявления взаимовлияния цивилизаций используются всеми цивилизациями для своего выживания и оптимизации адаптации к окружающей среде. Здесь мы обсуждаем только невоенные формы взаимовлияний цивилизаций друг на друга.

Будучи открытой, неравновесной и нелинейной системой, этнос эволюционирует под воздействием окружающей среды в процессе приспособления к ней. Ментальные традиции при этом только накапливаются: новый опыт выживания присоединяется к уже имеющемуся, но прежний опыт выживания не исчезает, он откладывается в архив, про запас, и если окружающая среда меняется вновь, то этнос обращается ко всем накопленным ментальным традициям, включая архаичные.

Культура, будучи динамичной, может меняться весьма радикально в точках бифуркации, но если изменения не приводят к приспособлению к окружающей среде, то они отвергаются. Отказ от не оправдавших надежд нововведений в области культуры происходит тем легче, чем меньше нововведения в области культуры соответствуют ментальным традициям.

Определений культуры множество, здесь же используется наиболее общее из них: культура есть все сделанное умом и руками человека. В соответствии с этим определением политическая система, общественный строй являются феноменами культуры. Как известно, в точках бифуркации даже легкого воздействия на систему достаточно, чтобы система заняла желаемый аттрактор. Так было в начале 1990-х гг., когда власть ввела неолиберальный курс, скопированный с США под американским контролем. Однако то, что для

культуры является точкой бифуркации, для менталитета становится не более чем возмущением системы, от которого система не покидает области притяжения ментального аттрактора и после некоторого переходного периода возвращается в свой ментальный аттрактор. При этом этот возврат влияет на навязанную народу властью социально-экономическую систему, отвергая в ней то, что противоречит менталитету народа, но оставляя позитивный опыт выживания. Иными словами, то, что для менталитета является аттрактором, для культуры существует как управляющий параметр.

Есть цивилизации, которые веками не допускают никаких экспериментов со своей культурой, например, китайская. Североморская цивилизация не только защищает свою культуру, но и навязывает ее другим (Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Нидерланды, Скандинавия). События последних трех десятилетий показывают, что Россия, скопировав культурные традиции североморской цивилизации в ее североамериканском варианте, постепенно освобождается от них под воздействием русских ментальных традиций, приспосабливаясь к современной окружающей среде. Это создает впечатление хаоса, особенно сильное в начале 1990-х гг., перед точкой бифуркации культуры, но это креативный хаос. Надо ли ожидать катастрофического развития событий? Нет, ментальный аттрактор удержит русскую цивилизацию не просто в жизнеспособном состоянии, но и на пути постоянного развития, как это было всегда в прошлом. Ручательством тому — русский менталитет — основа русской цивилизации.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

В.Т. РЯЗАНОВ

**Коронавирусный шок и его причины:
какой будет новая реальность?***

Аннотация. Статья посвящена анализу возникновения коронавирусной пандемии и ее влиянию на экономику. Раскрываются причины и последствия современного кризиса как вирусно-экономического кризиса. При этом обосновывается, что его истоки заложены в системных противоречиях и ограничениях как они сложились в модели спекулятивно-финансового капитализма. Пандемия лишь ускорила наступление кризиса. Показываются особенности кризиса и возможности его преодоления в России и в других странах. Анализируются меры, которые разрабатываются для противодействия вирусной эпидемии и вывода экономики из кризиса. Отмечается, что современный кризис содержит в себе серьезные предпосылки для формирования новой реальности в жизни общества. Она потребует проведения политики глубокого реформирования экономики и перехода к ее альтернативной модели.

Ключевые слова: коронавирусная пандемия, причины вирусно-экономического кризиса, пандемия и система здравоохранения, особенности антикризисных мер, экономика в посткоронакризисный период.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the occurrence of the coronavirus pandemic and its impact on the economy. The causes and consequences of the current crisis as a viral and economic crisis are revealed. At the same time, it is justified that its origins are rooted in systemic contradictions and limitations as they have developed in the model of speculative and financial capitalism. The pandemic has only accelerated the onset of this crisis. The article reveals the peculiarities of the crisis and

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Рязанов В.Т. Коронавирусный шок и его причины: какой будет новая реальность? // Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 105—124.

the possibilities of overcoming it in Russia and other countries. Measures that are being developed to counter the viral epidemic and bring the economy out of the crisis are analyzed. It is noted that the current crisis contains serious prerequisites for the formation of a new reality in society. It will require a policy of profound reform of the economy and a transition to its alternative model.

Keywords: coronavirus pandemic, causes of the viral and economic crisis, pandemic and health system, specifics of anti-crisis measures, economy in the post-coronacrisis period.

УДК 330.33
ББК 65 стд 1 -97

События, связанные с внезапно нагрянувшей коронавирусной пандемией (Covid-19), которые разворачиваются в мировой экономике и в России, могут напоминать уже подзабытую «шоковую терапию» 1990-х гг. Как и тогда, нынешние проблемы в экономике, которые внешне обусловлены вирусной атакой, свои глубинные истоки обнаруживают в самом глобальном устройстве либерально-рыночной модели экономики с ее спекулятивно-финансовыми доминантами.

Истоки кризиса. Прежде всего следует подчеркнуть, что начавшийся экономический кризис не является только результатом действия неизвестного типа вирусной эпидемии, остановившей производство. В действительности еще ранее сложившаяся ситуация в мировом хозяйстве указывала на наличие множества серьезных причин, определяющих неизбежность наступления кризиса. Среди них присутствовали как циклические, так и системные их проявления [5]. В первую очередь они указывают на истощенность использования действующей системы хозяйства, порождающей кризис всего воспроизводственного механизма как целого, что свидетельствует о зарождении острой потребности в переходе к новой экономической модели.

В более содержательном плане системная характеристика кризиса объясняется наступлением очередной фазы самоотрицания капитала, тогда как выход из него предопределен разрешением проти-

воречий — экономических и социальных, — им порожденных. Неустраненные системные противоречия и ограничения в период после кризиса 2008—2009 гг. пытались и не без успеха, как казалось, нейтрализовать огромными денежными инъекциями, которыми сдерживали кризисное обострение в экономике. Тем самым удалось раздвинуть временные рамки восстановительной фазы, но при этом сами эти противоречия и ограничения не исчезли. В них продолжал накапливаться разрушительный потенциал для ожидаемого еще более масштабного кризиса.

Заслуживает внимания еще одна важная предпосылка кризиса. Речь идет о том, что глобальное пространство, сформировавшееся на принципе открытости, а это было одним из главных черт и постулируемых преимуществ в системе организации современного мирового хозяйства, не могло не способствовать стремительному распространению эпидемии коронавируса, которое и произошло. Начавшаяся со вспышки в конце 2019 г. в Китае, она уже в марте следующего года стала признанным бедствием общемирового масштаба, превратившись в пандемию и затронув абсолютное большинство стран (в начале мая 2020 г. их было 187).

Так был нанесен шоковый удар по глобальным цепочками создания добавленной стоимости, который обвалил финансовые рынки и саму сферу производства. В этом отношении распахнутость всего мирохозяйственного пространства, отсутствие надежного контроля и регулирования перемещения потоков людей вполне закономерно создали самую благоприятную внешнюю среду для повсеместного и быстрого проникновения вируса. Получается так, что открытость, принося несомненную пользу людям, их общению и сотрудничеству, одновременно содержит в себе риски и издержки, способствуя широкому охвату территорий для распространения разного рода неблагоприятных природных аномалий на таком незащищенном пространстве, поражая экономику.

В этих условиях каждая страна, которая попала в зону действия Covid-19, столкнулась со своей ситуацией и с возможностью реальной проверки способности своей экономики и политической системы отвечать на возникшие вызовы. Что касается России, то в условиях пандемии в сравнении с многими развитыми странами ее особенность заключается в том, что она оказалась под тройным ударом.

Помимо коронавирусной пандемии необходимо учитывать обвал цен на углеводородное сырье и прежде всего на нефть, а это сильный удар по бюджету и устойчивости экономики в целом. (Так, при поддержании среднегодовой цены на нефть в 20 дол. за баррель для компенсации выпадающих доходов бюджету потребуется выделить 2 трлн р. из ФНБ страны.) Сохраняет свое негативное влияние и острота геополитического противостояния с пролонгацией действий ранее введенных санкций и с вероятностью их дополнения новыми. Если еще учитывать накопленный кризисный потенциал в российской экономике, отражающий как общие, так и ее специфические проблемы и недостатки в сложившейся капиталистической системе хозяйства, то для нашей страны потребуются не только стандартные антикризисные меры, но и их более широкий набор с дополнительными усилиями и затратами.

Если же давать общую характеристику возникшего кризиса в мировой экономике, то в этом случае в его наступлении следует учитывать тесное взаимодействие циклических и системных причин с коронавирусной атакой, непосредственно повлиявшей на развертывание кризисных процессов в экономике. Такова вирусно-кризисная природа современной шоковой ситуации в мировой экономике.

Предложенная ее трактовка имеет важное значение для понимания того, насколько общественно-хозяйственное устройство стран и сама жизнь людей сохраняют свою зависимость от действия природных катаклизмов. Оказалось, что достигнутая высокая технологичность общества и экономики не стала надежной защитой человека, общества и экономики от вирусной атаки, нарушившей устойчивость сложившегося миропорядка и налаженный быт людей. Ко всему еще возникшие вначале панические настроения, которые охватили не только обывателей, но и властные структуры и экспертные сообщества, дополнительно подчеркнули незащищенность самого человеческого бытия.

Более того, неясность с происхождением коронавируса, отсутствие надежных противовирусных препаратов и методов лечения породили массу предположений и оценок по поводу наиболее действенных вариантов преодоления пандемии и возможных ее последствий, что затрудняет прогнозирование дальнейшего развития событий. Но

уже очевидна по-настоящему реальная опасность, которую она представляет для здоровья человека и для привычного образа жизни, учитывая чрезвычайно высокую агрессивность коронавируса, начальную бессимптомность и длительный процесс разработки антивирусных препаратов и их внедрения в лечебную практику.

При этом нельзя не отметить, что современная организация мирового хозяйства с либерально-рыночными доминантами еще убедительней подтвердила свою уязвимость и ограниченные возможности в мобилизационном перестроении экономики и общества, когда такая потребность возникает. Достаточно обратить внимание на то, что значительная часть урона, который был нанесен вирусной атакой в самом начале, связана с неподготовленностью властных институтов большинства государств к быстрому переходу к мобилизационному режиму, который мог бы блокировать и локализовать ее распространение. Еще раз можно было убедиться в том, что либерально-рыночный проект, его апология и стремление внедрить его во все сферы жизнедеятельности человека несут в себе высокие риски и издержки.

Чем больно здравоохранение? Наиболее ярко эти недостатки проявились в сфере здравоохранения в условиях начавшейся коронавирусной пандемии. Ситуация, сложившаяся в мировом здравоохранении, характеризуется противоречивостью. Положительным фактом является существенное возрастание затрат на организацию и технологическое переоснащение системы здравоохранения, что отражает обоснованное усиление внимания к ее развитию из-за возросшей значимости фактора здоровья как для самого экономического развития, так и для человека. В этом можно убедиться, если обратить внимание на существенное увеличение затрат на здравоохранение в мире и в большинстве стран. Так, совокупные затраты на душу населения в среднем в мире увеличились с 587,5 дол. в 2000 г. до 964,5 в 2017 г., т. е. в 1,6 раза. Соответственно их доля в мировом ВВП возросла с 8,6 до 9,9%. (табл. 1). При этом в развитых капиталистических странах, так же как в Китае и России, увеличение затрат на здравоохранение было заметно большим. Казалось бы, что с учетом такого потока затрат, направленного на совершенствование и технологическое переоснащение системы здравоохранения, она должна была

бы встретить вирусную атаку достаточно подготовленной и способной успешно ее отразить в самой начальной фазе. Однако этого не произошло. Само здравоохранение, как оказалось, поражено болезнью коммерциализации.

Таблица 1

**Основные характеристики развития здравоохранения
в мире и отдельных странах (2000—2017)**

	Годы	Затраты на здравоохранение в ВВП, %	Доля государственных расходов, %	Затраты на здравоохранение на душу населения, дол., ППС	Кол-во врачей на 1000 жителей
Мир	2000	8,6	57,7	587,5	1,3
	2017	9,9	74,3	964,5	1,5
США	2000	12,5	44,7	4560,1	2,6
	2017	17,1	50,2	10246,1	2,6
ЕС	2000	8,4	76,3	1822,3	3,4
	2017	9,9	75,2	4054,3	3,7
Китай	2000	4,5	22,0	129,5	1,2
	2017	5,2	56,7	841,1	1,8
Россия	2000	5,0	59,4	367,6	4,1
	2017	5,3	57,1	1404,2	4,0

Источник: [8].

Все дело в том, что возросшее внимание к сфере здравоохранения реализовывалось на основе масштабного развертывания в ней рыночных реформ. Такой резкий разворот в организации этой сферы был обусловлен трансформацией здоровья человека как личностно-общественного блага в частное благо, ставшее в качестве монетизированной услуги предметом активной коммерческой деятельности. Вообще-то такой разворот противоречит естественной характеристике самого продукта (результата) здравоохранения как сферы деятельности. Для самого человека он значим не в предоставлении соответствующей услуги, а в сохранении здоровья как его личного блага.

В свою очередь, поддержание и улучшения здоровья населения данной страны выступают общественным благом, раскрывая роль национального здоровья как важнейшего звена национального богатства и необходимого условия самого экономического развития [1].

Собственно рыночная трансформация произошла неслучайно, она стала новым вектором в экспансии капитала. Ограниченные возможности в его расширении в традиционных зонах получения прибыли обусловлены перенасыщенностью рынков товаров и услуг. Кроме того, она еще усилена стагнацией потребительского спроса из-за фактического замораживания реальных доходов основной части населения. Все это вместе взятое побуждало капитал искать новые сферы прибыльного вложения. Таковыми в первую очередь стали здравоохранение и образование, куда устремился свободный и избыточный капитал. Принципиально то, что для него трудовая деятельность в этих сферах, несмотря на ее общественное предназначение и творческую самоценность, превратилась в оказание обычных коммерческих услуг, мало чем отличающихся от услуг парикмахера или банщика.

Ограниченность и ущербность такой модификации относительно здоровья людей и их образования, которые по своей изначальной природе являются выражением личностно-общественных благ, представляют собой наиболее характерное проявление новейшего тренда в навязывании господствующей воли капиталом и подчиненности общества и человека его интересам в безудержном стремлении к получению прибыли любой ценой.

По существу, именно такая либерально-рыночная идеология и политико-экономическая установка определили повсеместное разворачивание рыночных реформ как в здравоохранении, так и в образовании. Для их проведения как раз и потребовались так называемые эффективные менеджеры, которые вооружившись модным девизом «оптимизации» без особых раздумий кромсали указанные сферы, внедряя рыночные методы в целях экономии средств и получения большей прибыли. Все это вполне ожидаемо обернулось существенным креном в расширение платности услуг, ухудшением доступности в их получении и в целом привели к большим потерям в органи-

зации здравоохранения, особенно проявившимся в фактическом развале ее санитарно-эпидемиологического звена как избыточного. Так развивалась болезнь в самом здравоохранении.

На такой идейной и политической платформе в экономике формировался новый рыночный сегмент, получивший название «индустрия здоровья», с его целевой ориентацией на максимизацию прибыли. В этих условиях по законам рынка объективно заработала тенденция концентрации и монополизации капитала в сфере здравоохранения. Она запустила процесс формирования монополистических комплексов в области оказания медицинских услуг, объединяя клинические учреждения, сообщества врачей и предпринимателей-менеджеров, фармакологический бизнес и аптечные компании в их общей заинтересованности в наращивании прибыли. Так что не надо удивляться непрерывному росту оплаты услуг. Его надо оценивать как неизбежное следствие монополизации рынка.

Вполне понятно, что флагманом в создании «индустрии здоровья» на основе проведения рыночных реформ в здравоохранении стали США, которые выступили главным идеологом и спонсором их повсеместного развертывания в качестве эталона для других. О том, какие недостатки и издержки связаны с коммерциализацией данной сферы, можно как раз судить по тому, какое шоковое влияние оказала эпидемия COVID-19 на эту страну из-за неподготовленности системы здравоохранения к ее эффективному отражению.

Это неудивительно. Достаточно даже коротко ознакомиться со сложившейся американской системой здравоохранения — ее формированием в результате рыночного форматирования. Прежде всего следует отметить, что ее коммерческая деятельность реализуется на либерально-рыночных принципах, исключающих универсальность организации в масштабах всей страны и при отсутствии полноценного государственного контроля и финансирования. Конечно, в такой вольной рыночной организации есть свои достоинства, которые проявляются в способности существенно наращивать технологический уровень предоставляемых медицинских услуг, но при этом и взвинчивая их оплату. Требовательность к квалификации врачей, подкрепленная их высокой оплатой, продвинутые научные разработки — все это в совокупности позволяет обеспечивать повышение качества таких услуг, но опять же далеко не для всех.

Не случайно США занимают первое место в мире по общим затратам на здравоохранение (свыше 3,5 трлн дол.) и затратам на душу населения (10246,1 дол.), что определяет их долю в ВВП в размере 17,1%. Однако надо иметь в виду, что фактически речь идет о том, что указанные затраты характеризуют коммерческий оборот в этой сфере, а их высокий уровень и постоянный рост в значительной мере объясняются ростом оплаты предоставляемых услуг.

Такой поток капитала в здравоохранение позволил американским компаниям добиться господствующих позиций на мировом рынке медицинских товаров и технологий с долей в 65%, а также фармацевтической продукции — с долей в 25%. Удельный вес патентов в биотехнологиях, принадлежащих США, хотя и сократился с 43,1% в 1970 г. до 25,1% в 2017 г., но остается по-прежнему преобладающим даже в сравнении с быстро развивающимся Китаем, который контролирует 21,6% патентов в этой области [10].

Однако все дело в том, что американская система здравоохранения при всех своих достижениях, не лишена крупных недостатков. США являются единственной страной в развитой части капиталистического мира, которая все еще не имеет общенациональной ее организации с достаточным уровнем финансирования и регулирования со стороны государства. Это приводит к тому, что она не гарантирует всем гражданам доступа даже к элементарным медицинским услугам. Система медицинского страхования, которая в этой стране остается необязательной, отличается тем, что не менее 10% населения, а это 35 — 40 млн человек, страховыми полисами не обладает уже в силу их высокой стоимости. В зависимости от разных программ в среднем для взрослого она колеблется от 150 до 500 дол. в месяц. Хотя для малообеспеченных есть специальная программа Medicaid, а для престарелых — Medicare, которые пользуются государственной поддержкой, но они не решили проблему доступности получения медицинских услуг.

Она остается острой и во многом объясняется чрезвычайно высокой стоимостью медицинского обслуживания, которая снижает эффективность его функционирования, особенно при возникновении сложных периодов. Так, в 2017 г. цены на медицинские услуги в США в целом были на 28% выше, чем в среднем в 29 развитых капи-

талистических странах, входящих в OECD (Организация экономического сотрудничества и развития) и более чем в 5 раз выше в сравнении с РФ [7]¹.

Если к этому еще добавить, что в США количество больничных коек на 1000 жителей сократилось с 8,0 в 1970 г. до 2,8 в 2017 г., а численность врачей на 1000 жителей почти в 1,5 раза уступает среднему уровню в ЕС, то вполне объяснимы те значительные потери, которая несет страна от коронавирусной пандемии. Число умерших от нее уже в начале мая текущего года превысило 80 тыс. человек (около 6% от общего количества инфицированных), и это самое большое количество в сравнении со всеми другими странами. При этом оно больше людских потерь в войне во Вьетнаме (58,2 тыс. человек).

Ситуация в России по противодействию COVID-19, если ее сопоставить с положением в США, на данном этапе, конечно, на порядок более благополучна, во всяком случае, она характеризуется значительно меньшими жертвами. Однако идеализировать ее не следует. Трудности, с которыми столкнулось современное здравоохранение России, во многом также порождены рыночным реформированием советской системы здравоохранения. Старая система имела свои недостатки, которые были связаны с не самым высоким качеством медицинского обслуживания, с проблемами в финансировании и т. п., но вместе с тем для нее была свойственна опора на принципы общедоступности и всеобщей бесплатности для населения при преобладании финансирования государством. Этим поддерживался и сохранялся социально значимый статус охраны здоровья людей как самоценности. Фактический отказ от него стал серьезной ошибкой даже с учетом установки на развитие рыночных отношений в экономике, обусловив многочисленные негативные проявления.

Изменения, которые произошли в этой сфере в РФ, связаны с переходом к рыночной модели, с внедрением страховой медицины и значительным расширением применения платности медицинских услуг. Хотя обязательная часть страхования финансируется за счет

¹ Например, прием терапевта без страхового полиса обойдется в 250—300 дол., рентген — 200–300, операция по удалению аппендицита — 30 тыс. дол. Операция аортокоронарного шунтирования стоит 75 тыс. дол. Для лечения от COVID-19 в США без страховки потребуется до 75 тыс. дол.

отчислений работодателями 3,6% от фонда оплаты занятых, а сами такие полисы населению предоставляются бесплатно, но этого недостаточно для получения всего жизненно необходимого спектра услуг. К тому же, невысокое их качество и перегруженность низового амбулаторного звена вынуждают население прибегать к платным услугам в коммерческих клиниках или получать платные услуги в государственных медицинских учреждениях. В результате доля личных средств населения в финансировании охраны здоровья в настоящее время достигает 40%. И это при том, что реальные доходы населения России в последние годы имели тенденцию к сокращению.

Отказ от советской системы здравоохранения в пользу развития коммерциализации, особенно в условиях ее текущего недофинансирования, привел к ослаблению ее потенциала и способности к быстрой и эффективной реакции на чрезвычайные ситуации. Хотя в последние годы общие затраты на здравоохранение выросли до 1404,2 дол. на человека, превысив почти в 1,5 раза общемировой уровень, однако в значительной степени это произошло за счет расширения платности. Между тем и такого уровня финансирования все равно не хватает для создания качественной и технологичной системы здравоохранения по всей стране, а не только в столицах и в других мегаполисах.

Ситуация еще более усугубилась, когда в 2014 г. активизировалась компания по так называемой оптимизации, которая обернулась закрытием большого количества больничных учреждений, сокращением персонала и растущим государственным недофинансированием. Чтобы оценить всю пагубность такой политики, полезно сопоставить основные параметры советской системы здравоохранения с его нынешним российским уровнем. Так, в РСФСР в 1989 г. число всех врачебных учреждений было 20,1 тыс., включая 12,7 тыс. больниц. Число больничных коек достигало 2047,0 тыс., или 13,9 на 1000 жителей. Численность врачей равнялась 709,0 тыс. и медицинского персонала 1779,6 тыс., или 4,7 и 13,9 на 1000 жителей соответственно [3, 288, 289, 297, 299]. В современной России количество больничных коек сократилось до 1183,0 тыс., или до 8,1 на 1000 жителей; численность врачей уменьшилась до 697 тыс., или до 4,5 на 1000 жителей [4, 159].

Но по-настоящему драматичной стала ситуация с санитарно-эпидемиологическим сектором, что как раз в полной мере выявилось по мере распространения коронавирусной пандемии. Если в РСФСР было 142,0 тыс. больничных коек данного профиля, а количество врачей-инфекционистов составляло 34,1 тыс. человек, то в 2018 г. больничных коек в этом звене сократилось до 79,9 тыс., а численность врачей-инфекционистов уменьшилась до 6 тыс. Понятно, что с точки зрения рыночной логики санитарно-эпидемиологический сектор представлялся избыточным и одним из главных объектов для решения задачи экономии затрат. Вместе с тем такое пренебрежительное отношение к опасности возникновения техногенных катастроф и чрезвычайных ситуаций, включая сферу здравоохранения, более чем удивительно, учитывая наш богатый опыт их появления в прошлом.

Недооценка рисков, связанных с возможными вирусными атаками, дорого нам обошлась, показав всю неготовность реформируемой системы охраны здоровья к чрезвычайным ситуациям, особенно при массовом поступлении пострадавших. В условиях начавшейся эпидемии пришлось в экстренном порядке героически строить соответствующие клиники, прибегнув к помощи армии; перепрофилировать больницы и направить врачей — специалистов другого профиля на борьбу с вирусом COVID-19, создавая риски для лечения больных с другими заболеваниями. То, что сейчас все силы брошены на подавление эпидемии, приносит известные положительные результаты (так, количество умерших на данном этапе составляет примерно 1% от общего числа инфицированных). Но этим не исключается опасность вспышки в посткоронавирусный период заболеваемости по другим не менее тяжелым хроническим болезням с соответствующими потерями.

В этой связи после завершения основной фазы борьбы с COVID-19 потребуются обстоятельный и объективный анализ с проведением публичного обсуждения специалистами использованных мер, включая жесткость карантинных ограничений, как она применялась у нас и в других странах. В целом же нужна достоверная оценка эффективности реализуемых программ, как и самой целесообразности их выбора.

Пока же достаточно высокую эффективность продемонстрировал Китай, который в наиболее трудной ситуации первоначального

зарождения COVID-19, смог в течение трех месяцев его локализовать и подавить с не самыми большими потерями.

Еще более впечатляет опыт антивирусной борьбы во Вьетнаме. В этой стране на данном этапе всего 288 инфицированных и ни одного летального исхода. И это при том, что ее население составляет 96 млн человек, страна плотно заселена, непосредственно соседствует с Китаем, в котором началась эпидемия. Такой результат был получен за счет исключительно быстрой реакции властных структур на ее потенциальную опасность, что позволило в максимально сжатые сроки мобилизовать необходимые ресурсы, разработать и оперативно внедрить весь комплекс антивирусных мер. В результате удалось успешно локализовать вирусные очаги и во второй половине апреля подавить эпидемию в зародыше, начав снятие карантинных ограничений. При этом, несмотря на все ограничительные меры в первом квартале текущего года, в самый разгар борьбы с эпидемией ВВП страны не упал, а вырос на 3,8%.

Стоит подчеркнуть, что успешная антивирусная политика во Вьетнаме была достигнута при сложившемся уровне затрат на здравоохранение на душу населения всего в 376 дол. по паритету покупательной способности (2018), что в 27 раз ниже, чем в США и почти в 4 раза ниже, чем в России. Это говорит о том, что в системе рыночных координат уровень затрат на охрану здоровья раскрывает не столько ее высокую эффективность в чрезвычайных ситуациях, сколько степень коммерциализации, а также о том, что покупка медицинской услуги еще не гарантирует покупку здоровья.

Как показала практика, в такие трудные периоды, во-первых, значительно важнее способность власти самоорганизоваться и мобилизовать все возможные ресурсы на борьбу с угрозой при своевременном обеспечении должной поддержки населения. Во-вторых, не менее существенно добиться доверия и адекватной реакции от населения при принятии жестких карантинных мер. Это не просто сделать в либерально расхлябанном и разобщенном сообществе, что и показал опыт государств с различными типами устройства.

Попутно, в качестве мелкой, но характерной детали сошлюсь еще раз на опыт Вьетнама. В этой стране борьбу с наступающим вирусом не побоялись проводить в том числе за счет принятия жестких

ограничительных мер по сдерживанию цен на соответствующие медикаменты и сопутствующие товары, не дав возможность бизнесу на этом получать свои сверхприбыли. Символическим стало и то, что медицинские маски как одно из самых востребованных защитных средств вначале реализовывались по доступным для всех ценам, а затем по мере роста выпуска население стало получать их бесплатно. Такая не самая затратная мера тем не менее показательна с точки зрения стремления власти добиться доверия и поддержки со стороны общества. Ведь без взаимного доверия и ответственности, солидарности и коллективизма трудно добиться успеха в чрезвычайных ситуациях.

Коронавирусная пандемия и новая реальность экономики.

Вполне понятно, что коронавирусная пандемия, поразив привычный уклад жизни людей и создав угрозу для самой их жизни, уже стала значимым фактором в развертывании полномасштабного кризиса мировой экономики. Естественно, он еще в начальной фазе и затруднительно прогнозировать его последствия и возможные масштабы. Если предполагать наиболее оптимистичный сценарий, а его пока что удалось реализовать Китаю, то экономические потери от карантина и другие сопутствующие расходы могут быть не столь катастрофичны. Так, согласно данным государственного статистического бюро КНР, по итогам первого квартала 2020 г. в самый разгар эпидемии падение ВВП составило 6,8%. Хотя для Китая оно довольно значимо, поскольку вообще впервые случилось в этой стране за последние 28 лет.

Примерно такой относительно благоприятный сценарий заложен в прогнозе МВФ, согласно которому ожидается спад мировой экономики в 2020 г. в размере 3,0% с быстрым восстановлением уже в 2021 г. (табл. 2). Следует иметь в виду, что здесь основная часть экономического урона рассчитывается исходя из возникших затрат по массовому введению карантинных мер и самоизоляции, которые привели к остановке производства, особенно это касается сферы услуг. Однако это далеко не все действительные потери. Должны в полном объеме учитываться все затраты по перезапуску экономики с последующим преодолением кризиса. Конечно, многое будет зависеть от успешности и сроков преодоления пандемии. С учетом всех

обстоятельств вполне реальна вероятность более глубокого и продолжительного кризиса для мировой экономики и многих стран.

Таблица 2

Динамика реального ВВП (2019 — 2020, I кв.), прогноз (2020 — 2021), %

Страны и регионы	2019	2020 (I кв.)	2020, прогноз	2021, прогноз
Мир	2,9	...	-3,0	5,9
США	2,3	-1,2	-5,9	4,7
ЕС	1,2	-3,5	-7,5	4,7
Япония	0,7	-2,2	-5,2	3,0
Китай	6,1	-6,8	1,2	9,7
Россия	1,3	1,8	-5,5	3,5

По данным: [9].

Между тем выделенные средства на антикризисные меры уже впечатляют. Так, соответствующий пакет для поддержки американской экономики на время эпидемии сформирован в размере 2,2 трлн дол. (10% ВВП) для прямой компенсации потерь бизнеса и населения, а это больше годового объема ВВП РФ. В том числе 500 млрд дол. получают американские корпорации, 367 млрд — малый бизнес. Для населения, в частности, предусмотрены разовая помощь в мае этого года в размере 1200 дол. каждому американцу с годовой зарплатой до 75 тыс. дол., разовая выплата 500 дол. на каждого ребенка для семей с детьми, а также выплата безработным, уволенных из-за пандемии, дополнительно 600 дол. в неделю к пособию по безработице в течение 13 недель с момента подачи заявки о потере работы. Кроме того, предусмотрено дополнительное финансирование системы здравоохранения в размере 100 млрд дол.

В России на данном этапе реализуется антикризисный план с более скромными средствами, которые оцениваются в 2—3 трлн р. (1,6 — 2,8% ВВП). Причем в основном они нацелены на предоставление отсрочек по налогам, кредитам и другим платежам предприятий и населения. Понятно, что этого недостаточно для их реальной поддержки. Это может стать препятствием для выхода из кризиса и

к тому же породить обострение социальной ситуации в стране. Поэтому требуется дополнить предложенные каникулы по обязательным платежам мерами прямой поддержки производства и населения. Особенно важно оказание помощи малоимущим и семьям с детьми, используя разные ее формы.

Если не ограничиваться решением текущей задачи преодоления пандемии и экономического кризиса, то наиболее сложным и обсуждаемым становится вопрос о том, что собой может представлять экономика в посткоронакризисный период. Насколько нас ждет «новая реальность» и какой она будет?

Некоторые принципиальные изменения давно назрели, и нынешние события должны наконец-то побудить к их реализации. В первую очередь, речь идет о необходимости пересмотра стратегии развития здравоохранения в нашей стране. Ошибочный курс по разворачиванию ее коммерциализации и особенно в варианте так называемой оптимизации должен быть решительно преодолен. О том, что такое может произойти, свидетельствуют предлагаемые поправки в Конституцию страны, которые призваны закрепить гарантии оказания доступной и качественной медицинской помощи. Главное, чтобы они не просто были в ней зафиксированы, а нашли свое реальное воплощение в существенно возросшем финансировании развития социализированного здравоохранения как наукоемкого и высокотехнологического сектора экономики и при этом доступного для населения.

Отметим, что сама идея использования принципа социализации в организации системы здравоохранения, так же как и в образовании, становится в мире все более привлекательной. Даже в США она получила определенную популярность среди представителей Демократической партии в нынешнем избирательном цикле.

Новый подход в совершенствовании современной системы здравоохранения должен строиться исходя из четкого понимания разноплановости характеристик здравоохранительных благ, особенно выделяя в их составе общественные блага, а также определяя, что допустимо рассматривать в качестве частных и смешанных общественно-частных благ. Что касается общественных благ, а это вся система противоэпидемиологической и санитарной службы, защита от техногенных угроз, защита окружающей среды и т. п., то они должны быть в полной мере обеспечены государственным целевым финансированием.

Во-вторых, коронавирусная пандемия с ее все еще непредсказуемыми последствиями уже заставляет основательно задуматься по поводу как общих постулатов о месте и роли технического прогресса в экономике и обществе, так и о внесении назревших корректив в его современном продвижении и применяемых методов. Прежде всего не следует чрезмерно переоценивать роль принципа технического детерминизма, который преобладает в сознании экономистов и практиков [6, 339 — 348]. При всей полезности новых технологий они не должны абсолютизироваться, так как это ведет к превращению технотетерминизма в технологический фетишизм, когда развитие технологий становится самоцелью, а общество — компьютероцентричным.

Это означает, что при реализации новых технологий обязательно надо не только учитывать ожидаемые выигрыши и достоинства от их применения, но и обращать внимание на неизбежные издержки и потери, особенно в экологии и во влиянии на человека. Причем не следует исключать возможность превращения каких-то конкретных направлений НТП в вариант регресса, когда негативные последствия для человека, общества и природы от их внедрения превысят потенциальные выгоды. Такие риски и угрозы со временем нарастают. Поэтому важно уже сегодня задуматься о введении разумных социальных, этических и экологических границ в экспансии технологий.

Соответственно возникшие угрозы от коронавирусной пандемии должны побудить к определенной смене акцентов в области развития новых технологий. Зацикленность на цифровых технологиях должна быть, как минимум, дополнена разворотом в сторону ускоренного развития биоинженерии и разработке новых медицинских препаратов. В частности, речь идет об острой потребности в создании эффективных и безопасных лекарств против COVID-19. На перспективу повышенного внимания заслуживают прогнозирование и предупреждение появления возможных вирусов и других нежелательных явлений, что предопределяет важность возвращения ориентации системы здравоохранения на приоритетное поддержание здоровья человека. Ведь сегодня здоровый человек — все более значимый фактор, без которого уже трудно рассчитывать на успех в экономике.

Формирование новой реальности в экономике не ограничивается решением срочных задач по противодействию коронавирусной пандемии. Принципиальное значение приобретает назревшая потребность в проведении глубокого и основательного реформирования самой модели капиталистической рыночной экономики. Ее нынешний вариант, характеризуемый доминированием глобального спекулятивно-финансового капитала, еще ранее исчерпал свой потенциал и на данном этапе не только мешает эффективно развернуть борьбу с пандемией, но и становится реальным препятствием в преодолении кризиса и вывода экономики в фазу устойчивого и сбалансированного роста.

Сегодня понятно, что одним из очевидных последствий пандемии можно считать серьезный урон, который нанесен самому глобальному проекту и возможности в нынешних условиях обеспечить его нормальное функционирование. Скорее всего активно продолжится переформатирование глобального пространства с его более четкой сегментацией на макрорегионы. Оно будет сопровождаться острой конкурентной борьбой за лидерство и за контроль над ключевыми ресурсами, а в качестве завершающего этапа следует ожидать формирование нового мирохозяйственного центра накопления капитала [2].

Еще один существенный сдвиг в экономическом устройстве обусловлен необходимостью полномасштабного развертывания новой технологической революции как важнейшего и отработанного предшествующей практикой способа вывода экономики из системного кризиса. Для этого требуется не просто смена экономической политики с ее переориентацией на приоритетную поддержку реального производства и его инновационного перестроения. На самом деле назревают перемены в самой системе экономических отношений. Ситуация в ней такова, что сложившиеся в ней противоречия и ограничения не позволяют успешно решать текущие и перспективные цели развития. О них свидетельствуют растущее социальное неравенство, появление новой бедности и проблема самого выживания, которые еще более актуализировались с наступлением вирусно-экономического кризиса. Все это нацеливает на продвижение альтернативных проектов, ликвидирующих либерально-рыночные перекосы. С учетом же реальности вирусных атак, как в прошлом, так и в нынешнее время, возрастающее значение приобретает восстановление

роли государства как активно действующего института. Так всегда происходит в период кризисов. Новым является то, что такая его роль дополняется решением все более востребованной задачи по созданию и поддержанию защищенной и благоприятной среды для обитания человека и его здорового образа жизни.

Для России в этот кризисный период важно не только решать общие задачи по поддержке и регулированию наиболее пострадавших частных компаний в общественно-значимых сферах жизнедеятельности, а их немалое число. Заслуживает особого внимания решение назревшего вопроса о контроле над сырьевыми компаниями в виде введения госмонополии на экспорт сырья. Одна эта мера позволит устранить вывоз капитала из страны в огромных объемах, что коренным образом улучшит возможность использования рентных по своей природе доходов в интересах всего общества с его первоочередной целью в реализации программы неоиндустриализации с развертыванием новой технологической революции и при обеспечении социальных приоритетов.

Конечно, сила инерции и экономические интересы — это то, что в реальной жизни мешает переменам, возвращая привычные формы организации общественно-хозяйственной жизни и методы их реализации. Остается надеяться на то, что чрезвычайная ситуация, которая сложилась в условиях коронавирусной пандемии, и еще не до конца понятые ее последствия все же побудят активизировать поиск альтернативных хозяйственных моделей и новой траектории развития будущей экономики. Главное, чтобы рождающаяся новая реальность не стала новыми оковами для человека, внося смуту в мироздание, усиливая эгоизм, сегментацию общества и разобщенность людей.

Литература

1. Бляхман Л.С. Национальное здоровье — ключевая проблема новой индустриализации // Проблемы современной экономике. 2015. № 3. С. 50 — 61.
2. Глазьев С.Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. № 2. С. 3 — 29.

3. Народное хозяйство в РСФСР в 1989 г.: Ст. ежегодник. М.: Информационно-издательский центр, 1990.
4. Россия в цифрах. 2019: Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2019.
5. *Рязанов В.Т.* Циклические и системные причины кризиса в России: роль социализации финансов в их преодолении // Вопросы политической экономии. 2016. № 2. С. 88 — 106.
6. *Рязанов В.Т.* Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетейя, 2019. С. 339 — 348.
7. Health at a Glance 2019 OECD Indicators: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/524da6c0-en/index.html?itemId=/content/component/524da6c0-en> (дата обращения: 19.04.2020).
8. <https://databank.worldbank.org/reports> (дата обращения: 19.04.2020).
9. https://www.imf.org/external/datamapper/ngdp_rpch@weo/oemdc/advoc (дата обращения: 19.04.2020).
10. https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_901_2018_exec_summary.pdf (дата обращения: 19.04.2020).

References

1. *Blyakhman L.S.* Natsional'noe zdorov'e — klyuchevaya problema novoj industrializatsii // Problemy sovremennoj ehkonomike. 2015. № 3. S. 50 — 61.
2. *Glaz'ev S.YU.* Mirokhozyajstvennyye uklady v global'nom ehkonomi-cheskom razvitii // EHkonomika i matematicheskie metody. 2016. № 2. S. 3 — 29.
3. Народное хозяйство в РСФСР в 1989 г.: Ст. ежегодник. М.: Информационно-издательский центр, 1990.
4. Россия в цифрах. 2019: Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2019.
5. *Ryazanov V.T.* TSiklicheskie i sistemnye prichiny krizisa v Rossii: rol' sotsializatsii finansov v ikh preodolenii // Voprosy politicheskoy ehkonomii. 2016. № 2. S. 88 — 106.
6. *Ryazanov V.T.* Sovremennaya politicheskaya ehkonomiya: perspektivy neomarksistskogo sinteza. SPb.: Aleteya, 2019. S. 339 — 348.

Р.М. НИЖЕГОРОДЦЕВ

Коронакризис: становление вирусно-цифровой экономики*

Аннотация. Статья посвящена обсуждению глобальных трансформаций, инициируемых и ускоряемых кризисными процессами, вызванными эпидемией коронавируса. Особое внимание уделяется задачам экономической науки, связанным с разработкой и реализацией экономической политики в условиях интеллектуализации и виртуализации хозяйственных процессов, сопровождаемых рецессией.

Ключевые слова: экономический кризис, рецессия, структурные трансформации, управление изменениями, цифровая экономика.

Abstract. The paper deals with global transformations initiated and accelerated by the crisis caused by the coronavirus epidemic. Special attention is paid to the current tasks of economic science related to the development and implementation of economic policies under the intellectualization and virtualization of economic processes accompanied by a recession.

Keywords: economic crisis, recession, structural transformations, change management, digital economy.

УДК 338.2 + 330.34
ББК 65.5

Разве так важно, что потом?
Может быть, и мы с вами — чья-то мишень.
Обернитесь: дальше дороги нет.
Константин Меладзе

Диспозиция

Не будем писать банальностей о том, что мир никогда больше не будет таким, как прежде. Сегодня нет недостатка и в размышле-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Нижегородцев Р.М. Коронакризис: становление вирусно-цифровой экономики // *Философия хозяйства*. 2020. № 3. С. 125—152.

ниях по поводу наказаний за грехи либо активизации неконтролируемых и неопознанных зловредных сил, будь то мировое правительство или темные сущности подколodного мира. Вместо этого обратимся к фактам, характеризующим текущее состояние мирового хозяйства и расстановку сил ключевых агентов.

Совокупность фактов № 1. Принципы, на которых было основано мироустройство последних 50 — 60 лет, пришли в негодность и больше не работают. Еще более десятка лет назад автор этих строк писал о том, что мы являемся свидетелями заката целой эпохи — эпохи либерализма в экономической политике. Причем этот закат объективен, причинно обусловлен (прежде всего технологическими сдвигами, приводящими к лавинообразному росту внешних эффектов в экономике и, следовательно, к дисфункциям встроенных стабилизаторов) и необратим [16; 17].

В последние 7—8 лет мировая торговля замирает (рост мирового товарооборота медленнее, чем рост мирового ВВП), причем многочисленные торговые ограничения (называйте их санкциями или как угодно) и отказы от исполнения взятых на себя обязательств по обеспечению свободы торговли оказываются в интересах прежде всего крупных глобальных игроков.

В условиях разрыва хозяйственных цепочек (уже свершившегося или намеченного) выглядит логичным объявленный Д. Трампом курс на реиндустриализацию США, на перенос промышленного производства обратно на территорию страны. Однако для убежденных сторонников глобализации (и не только для них) эта мера должна выглядеть как подготовка к войне [32], в условиях которой трансграничные перемещения благ сопряжены с высоким риском. Кроме того, расцвет «экономики впечатлений», вытесняющей традиционное индустриальное производство, приводит к маргинализации, люмпенизации некоторой части населения страны, а это — социальная почва для прорастания «цветных» революций. Поэтому нельзя не признать своевременность лозунга реиндустриализации Америки и создания рабочих мест для промышленных рабочих и служащих.

Совокупность фактов № 2. Разросшийся госдолг США в условиях прекращения классических финансовых циклов, которые прежде каждые 8—10 лет оздоравливали систему государственных финансов США, побуждают изобретать новые, более радикальные

меры. Классические финансовые циклы перестали удаваться в силу целого ряда обстоятельств [21], и повторение мирового кризиса 2008—2009 гг., основанного на вздутии пузырей и дефиците ликвидности, сейчас тоже в буквальном виде невозможно. Нужна более веская причина для количественного смягчения, одним из последствий которого должна стать гиперинфляция, призванная частично обесценить госдолг США [34].

Совокупность фактов № 3. Рассыпается мировая гегемония США. В частности, Россия, кажется, окончательно выходит из сферы их контроля. Прежде мировая финансовая олигархия еще лелеяла хрупкую надежду на смену лидера в России, которая выразилась в прогнозах о развале России именно в 2025 г. (см., например, выступление польского адвоката Казимира Фрицкевича [10]). Перефразируя известную поговорку, можно сказать: что у Америки на уме, то у Польши на языке. С анонсированием поправок в Конституцию страны (которые, несомненно, будут поддержаны подавляющим большинством населения, имеющего возможность принять участие в голосовании) противники России перестали рассчитывать на смену лидера страны и соответственно на смену курса, ориентированного на независимое, суверенное устойчивое развитие.

Прибавим к этому еще несколько инициатив, носящих более частный характер, — например, высказанное на пленарном заседании Совета Федерации предложение С.К. Шойгу принять законодательные акты, осложняющие действия натовской «пятой колонны» в информационной войне против России [3], а также широко обсуждаемый вопрос о возвращении смертной казни в правоприменительную практику, после чего формулировка «измена Родине» в Уголовном кодексе РФ наполняется вполне определенным смыслом.

И вот здесь на сцене возникает пресловутый коронавирус. Весьма своевременно, не так ли?

Российские тренды

Суть основного тренда выражает громкая отставка правительства, необходимость которой давно назрела. Продолжение вялотекущей шизофрении в экономической политике и топтание на месте в тех вопросах, где нужно быстрое принятие решений, под лозунгом

необходимости достижения консенсуса давно уже мешают стране двигаться вперед.

Можно вспомнить в связи с этим так называемую Валдайскую речь Президента, прозвучавшую на заседании Валдайского клуба в Сочи в октябре 2014 г. [8]. Там было ясно сказано, что мы долго отступали и надеялись, что наши партнеры образумятся и предложат совместно выработать некие общие приемлемые для всех сторон правила игры. Но они настолько уверовали в однополярность нынешнего мира, что не считают для себя обязательным считаться с чьим-либо мнением, кроме собственного. Теперь наше отступление закончено, впредь мы будем поступать, руководствуясь национально-государственными интересами.

Справедливости ради нужно заметить, что сложившаяся в течение многих последних лет амбивалентность в вопросах социально-политических не является результатом злой воли отдельных лиц, а отражает реальное состояние дел в *экономике* страны. Основное структурное противоречие российской экономики наблюдается между экспортно-ориентированными отраслями, заинтересованными в дешевизне труда, заниженном курсе рубля и максимальной мобильности капитала, и отраслями, работающими на внутренний спрос (в частности, оборонная промышленность), которым необходимы дорогой труд, сильный рубль и ограничение мобильности капитала, предполагающее возможность аллокации ресурсов на ключевых направлениях развития [22]. Понятно, что эти взаимоисключающие требования не могут быть реализованы одновременно, поэтому лозунг поддержания консенсуса оставался в течение долгого времени разумным инструментом балансирования соответствующих экономических интересов, причудливым образом взаимодействующих друг с другом — иногда противоборствующих, иногда выступающих единым фронтом, как в ситуации с развалом Академии наук, проводимом под лозунгом ее реформирования.

Противоборство этих двух начал традиционно проявляется на поверхности политической жизни как разногласия внутри правительства между «реформаторским» экономическим блоком, представляющим прежде всего интересы компрадорской части национального капитала, и «консервативным» силовым блоком, реализующим инте-

рессы патриотической (прежде всего — ассоциированной с оборонной и аэрокосмической промышленностью) части национального капитала. В результате январской отставки экономический блок правительства оказался переформатирован, а все «силовые» министры сохранили свои места.

Январское решение президента об отставке правительства, на наш взгляд, символизировало поворот от политики консенсуса к политике реализации национально-государственных интересов страны. Нельзя достичь консенсуса между лебедем, раком и щукой, потому что у них разное представление о целях, для каждого из них существует свой образ будущего, к которому нужно стремиться. Невозможен консенсус между черными и белыми на шахматной доске. Бывают, конечно, задачи на кооперативный мат, но это искусственно выдуманные задачи, а в обычной шахматной партии у белых и черных не бывает общих целей.

Наконец, мы дождались действий, вытекающих из понимания того, что никакой компромисс между полярными силами невозможен. Нельзя сделать так, чтобы были довольны одновременно 76,7% населения страны, выразивших доверие и поддержку действующему президенту, и 2% сами знаете чего, представляющие интересы глобальной финансовой олигархии. Консенсус между ними невозможен, ибо цели этих групп населения противоположны. Одни хотят видеть Россию сильной и независимой, другие — стереть ее с карты мира и на ее обломках ввести внешнее управление, в чем они вполне честно время от времени признаются.

Но такой консенсус и не нужен, поскольку трем четвертям населения страны противостоят 2%, и этим двум процентам придется считаться с позицией большинства.

Президент выступил гарантом того, что диктатуры меньшинств в России не будет, и двум процентам, составляющим пятую колонну, придется подчиниться представлениям о государственном устройстве, о целях и задачах развития, с которыми согласны более трех четвертей населения страны.

Это меньшинство агрессивно и крикливо, оно пользуется поддержкой мировой финансовой олигархии, интересы которой оно представляет, и было бы странно ожидать, что эта олигархия бросит своих верных слуг на произвол судьбы. Нет, они будут бросать в бой

свою пятую колонну до тех пор, пока ее не истребят внутри страны, назвав единственно достойным и подобающим именем — враги народа. Рассчитывать на то, что у глобальной олигархии закончатся деньги или изменятся цели, по меньшей мере наивно, если не преступно, поэтому с этим агрессивным меньшинством придется разбираться нам самим здесь, на территории Российской Федерации, за нас этого не сделает никто.

В некоторых сферах эти меньшинства захватили изрядную долю власти, как это произошло, например, в сфере аттестации научных кадров [25], но придут новые люди, управляющие этой сферой, и все расставят по местам, возвратив этой системе первоначальный, исходный смысл и исходные цели — присудить ученую степень тем, кто внес вклад в науку, и отстранить от этой работы всех, кто этому мешает и вредит: как по причине идиотизма (культурно выражаясь — низкой квалификации), так и злонамеренного вредительства.

Экономическое восхождение Китая началось на площади Тяньаньмэнь, когда правительство страны проявило твердость и выступило гарантом соблюдения общественного порядка. Если бы это было не так, то сегодня не было бы не только экономических успехов Китая, но не было бы и Китая, как нет сейчас Советского Союза.

Понятно, что необходимость перемен влечет за собой принятие решений, которые не всегда и не всем будут нравиться. Но правительство на то и правительство, что никому не позволит разговаривать с собой на равных, тем более с позиции силы, на языке ультиматумов. Правительство не может допустить диктатуры меньшинств ни по каким вопросам, и в этом должно придерживаться твердой, однозначной и ответственной позиции.

Сейчас наступил очередной виток поляризации социальных сил — эра разделения. И это не российская специфика, это во всем мире такое.

Надеемся, поворот в сторону реализации национально-государственных интересов не приведет к перегрузке Конституции страны лишними деталями, а даст импульс к развитию всех отраслей права, в частности, к возвращению в правовые нормы (и — главное — в правоприменительную практику) формулировок «измена Родине», «вредительство» и «неприемлемый ущерб интересам Рос-

сийской Федерации», а также приведет к отмене моратория на смертную казнь. Социальный запрос на эти изменения сегодня высок как никогда за последние 30 лет.

Кому выгодно?

Интересен и важен вопрос о том, какие страны (конкретно — какие группы агентов в них) выступают основными бенефициарами сложившегося положения дел. США и Китай обвиняют друг друга в том, что они готовы извлечь выгоду из натурализации хозяйственной жизни, из наличия нестоимостных барьеров на пути перелива капитала и миграции рабочей силы.

В то же время государственный долг США (независимо от юридических последствий в виде объявления дефолта, например) становится все труднее не только погашать — к этому на самом деле уже давно никто не стремится — но и обслуживать, и недалек тот час, когда само обслуживание этого долга станет непосильным бременем для бюджета, т. е. правительство открыто будет вынуждено перейти к Понци-финансированию. А это, в свою очередь, чревато вытеснением доллара с позиций ключевой резервной валюты, что сейчас происходит крайне медленно и непоследовательно, но может происходить в несколько раз быстрее и эффективнее при наличии целенаправленных усилий со стороны Китая и некоторых его ключевых финансовых партнеров.

Федеральная резервная система США принимает беспрецедентные меры количественного смягчения, и это дает некоторые основания полагать, что транснациональная финансовая олигархия предпринимает очередную попытку оздоровить финансовую систему США за счет убытков остальной части планеты, как это бывало много раз в ходе так называемых мировых финансовых кризисов.

Если речь идет о преодолении дефицита ликвидности, то нужно разобраться, у кого именно образовался этот дефицит. От этого зависит и то, какие меры его преодоления будут адекватными. Если в период кризиса 2008 — 2009 гг., сопровождавшегося обвалом прежде всего рынков со вздутыми пузырями, понимание того, кто конкретно страдает от дефицита ликвидности, было не очень сложной задачей [20], то сейчас на этот счет возможны разнообразные и противоречащие друг другу мнения.

В интересах США также наблюдаемые сегодня подрыв единства Европейского союза и обнажение противоречий между его составными частями. В условиях санкций и различных торговых ограничений так называемый единый европейский рынок и без всяких санкций оказался фактически разделен на территориальные фрагменты — скандинавский рынок, центральноевропейский, восточноевропейский, балканский. Кризис, разворачивающийся на наших глазах, лишь углубил существовавшие ранее противоречия внутри ЕС.

В этом смысле любопытно посмотреть на реакцию стран ЕАЭС и на готовность членов этого Союза к согласованным действиям.

В то же время современный кризис должен радикально изменить существующие представления о войне как в политике, так и в экономике. Совершенно независимо от того, является ли распространение коронавируса результатом непреднамеренной утечки или целенаправленного вброса, следствием этого распространения является повсеместное принятие мер, близких к мерам военной экономики.

Вести войну так, чтобы ваш противник усомнился в самом факте наличия военных действий, — вот высший пилотаж и несомненный признак технологий принципиально нового поколения.

Зачем, в самом деле, Америке совершенствовать технологии «железных» вооружений (гиперзвуковых, например) и пытаться завоевать техническое лидерство в данной сфере, если ими вести войну никто не собирается, кроме стран мировой периферии? Существует поистине несимметричный ответ.

На этом фоне крайне тревожно выглядят репортажи о размещении Соединенными Штатами в последние годы огромного количества секретных биологических лабораторий на территории разных стран мира, в том числе Украины [31]. Возникающие в соответствующих странах вспышки заболеваний, имеющих вирусную природу, наводят на мысль об испытаниях биологического оружия.

Единственный аргумент против данной версии заключается в том, что ни один нормальный человек не станет распространять оружие, от которого сам не имеет надежной защиты. В то же время исследования, проводимые в биомедицинской лаборатории коллекти-

вом ученых из Австралии, США и Великобритании, позволили высказать версию, согласно которой вирус в его нынешних формах является результатом мутации, совершившейся уже в организме человека под воздействием многочисленных противовирусных препаратов [33], и эта версия (если она правдива) частично объясняет неготовность самих разработчиков биологического оружия к отражению создаваемых этим оружием угроз.

Мировая финансовая олигархия, стремительно теряющая рычаги влияния на принятие решений по всему миру, способна, прикрываясь лозунгами гегемонии США, утащить весь мир в пучину глобального мирового конфликта. Хотя такой сценарий вредит интересам самих США ничуть не в меньшей степени, чем любой другой страны, как показывают, в частности, практика распространения коронавируса и определенная растерянность, демонстрируемая в борьбе с ним целым рядом правительств развитых стран.

Экономика: что и как регулировать правительству

Ключевым фактором, ухудшающим экономическую конъюнктуру, являются ограничительные меры, принимаемые правительствами разных стран в рамках борьбы с эпидемией коронавируса. Необходимо оценить возможные потери для экономики России и других стран (и мирового хозяйства в целом) при различных вариантах развития событий.

Темпы экономического роста (или спада) тесно связаны с динамикой нормы накопления. Эта связь опосредована мультипликативными эффектами. В условиях спада производства мультипликатор действует с обратным знаком, т. е. каждая единица инвестиций, изъятая из хозяйственных процессов, порождает в несколько раз более весомый спад валового выпуска.

Величина инвестиционного мультипликатора, в среднем действующего в макросистеме, составляет $k = 1/(1-MPC)$, где MPC — предельная склонность к потреблению. В падающей, кризисной экономике MPC растет, поскольку у агентов меньше возможностей сберегать (и это касается не только домохозяйств, но и фирм). Поэтому и величина мультипликатора в это время растет. Таким образом, мультипликатор максимален именно в те периоды, когда воздействие

мультипликативных эффектов на экономику наиболее разрушительно. Это основная причина, в силу которой экономический кризис разворачивается достаточно быстро, а послекризисное восстановление происходит достаточно медленно.

Однако на самом деле величина инвестиционного мультипликатора существенно зависит от того, в какую отрасль хозяйства, в каком регионе и в какую технологию были осуществлены эти инвестиции. В этом различии и заключается смысл поиска так называемых точек роста экономики.

Ну и, наконец, помимо инвестиционного мультипликатора, существуют мультипликаторы и всех прочих частей совокупного спроса — конечного потребления, госрасходов и нетто-экспорта.

Таким образом, прогнозируемая глубина экономического спада будет существенно зависеть от объема и характера осуществляемых инвестиций, а также от поддержки разных частей совокупного спроса.

Существуют макросистемы, в которых мультипликатор инвестиций невысок по сравнению с мультипликатором госрасходов, и альтернатива между разными способами достижения экономического подъема называется альтернативой Хаавельмо [18]. В таких макросистемах не работает эффект вытеснения, который заключается в том, что наращивание госрасходов делает менее выгодными частные инвестиции и тем самым снижает их объем, поскольку речь идет о занятии государством ниш, уже оставленных частным бизнесом, и развитие этих ниш будет всецело зависеть от адекватности и своевременности реакции государства на факт наличия неудовлетворенных потребностей.

Возникает естественный вопрос о степени адекватности принимаемых и анонсированных мер по поддержке российской экономики. Некоторые эксперты утверждают, что в этих мерах просматриваются определенные черты мобилизационной экономики. Однако в то время, когда мобилизационная экономика в стране действительно существовала (период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства), центральными оставались меры, направленные на стимулирование *предложения*, причем успешность реализации принимаемых решений оценивалась в натуральных показателях валового выпуска.

На сегодняшний день анонсируются исключительно меры, связанные с поддержкой совокупного спроса. Никто не отрицает, что этим нужно заниматься. Однако принимать исключительно кейнсианские меры, запуская инфляционные механизмы стимулирования роста, и при этом не уделять внимания товарному покрытию вливаемых в экономику денег — достаточно опасно. В то же время не очень понятно, при помощи каких механизмов сегодня можно было бы стимулировать совокупное предложение (и, кстати, какие отрасли в этом сильнее всего нуждаются), поскольку инструменты прямого воздействия на хозяйственную жизнь современные правительства во многом утратили, всецело полагаясь на косвенные стимулирующие меры.

Возникла парадоксальная ситуация, когда меры прямого регулирования носят исключительно рестрикционный, запретительный характер, тогда как стимулирующие меры являются только косвенными и потому действуют с вынужденным запаздыванием.

Следствием такого положения вещей являются масштабные провалы институтов в целом ряде сфер и отраслей [7]: существует предложение определенных видов благ, существует спрос на них, а встретиться друг с другом они не могут, это запрещено существующей системой институтов, а именно — правительственными мерами по сдерживанию эпидемии.

Если целью этих мер является максимально возможное ограничение контактов, то стоит ли удивляться тому, что экономика задыхается прежде всего от разрыва хозяйственных связей? Неча на вирус пенять, коли рожа крива.

Получается, что сдерживание экономики работает гораздо успешнее, чем сдерживание самой эпидемии, ради которого соответствующие меры принимались. Причем это не российская специфика, это черта хозяйственной жизни почти всех стран, где принимаются серьезные меры, направленные на подавление очагов распространения вируса.

И, кстати, поскольку зловерный вирус передается через наличные деньги, то чем меньше денег у населения, тем меньше шансов заразиться. Поэтому снижение уровня жизни можно рассматривать как антивирусную меру. Этот факт должен немного утешить людей, оставшихся во время кризиса без денег.

Говорят, что нас не убивает — то делает сильнее. Неправда. Антивирусные меры нас не убивают, но и жить не дают.

Структурные искажения в экономике, вносимые рестрикционными мерами правительства, сами по себе заслуживают внимания, т. е. анализа и прогнозирования. Например, развал туристической отрасли утягивает за собой в пропасть сферу пассажирских перевозок. Из инфраструктурных областей в относительно бодром состоянии находится только здравоохранение. Следует ли ожидать восстановления инфраструктуры в докризисном виде (например, сферы образования и культуры), или она трансформируется и переходит в новое качество?

Что касается технологий, то в несколько меньшем проигрыше находятся отрасли, в которых результат функционирования относительно безразличен к физическому присутствию сотрудников на рабочих местах. Виртуальные рабочие места, фрилансеры, дистантная занятость — это черты тех сфер, с которых, по-видимому, начнется посткризисное восстановление.

Экономика впечатлений, основанная на реальных дестинациях, терпит убытки, тогда как экономика впечатлений, направленная на создание виртуальных образов (как бы над ней ни потешались приверженцы индустриальных технологий), чувствует себя относительно неплохо, хотя мультипликативные эффекты (хотя бы в виде сжатия спроса) сказываются, бесспорно, и на ней.

Ускорение изменений

Матрица, в которой мы живем, стремительно сжимается. Происходит ускорение тех процессов, которые и без всякой эпидемии происходили достаточно быстро.

В качестве примера отметим натурализацию хозяйственной жизни, разрыв экономических связей на всех уровнях — на уровне стран, регионов, предприятий и даже домохозяйств, которые вынуждены взять на себя выполнение всех важнейших функций жизнеобеспечения, включая лечение некоторых видов заболеваний, в частности, носящих хронический характер.

Основным трендом является поляризация экономического пространства в мире в целом и в России в частности. Углубляется

социально-экономическая пропасть между странами и территориями, находящимися в рецессионном и в инфляционном разрыве [19], упрощенно говоря — между богатыми и бедными.

При этом страны, находящиеся в рецессионном разрыве, пребывают в роли мародеров, которые готовы дождаться, когда экономика некоторых стран (в частности, России) рухнет, и скупить активы по дешевке. Судя по поведению некоторых групп инвесторов, они вооружены некими прогнозами, предрекающими очень тяжелые времена для российской экономики. Насколько оправдаются эти прогнозы — совершенно другой вопрос.

Экономисты, уверяющие, что «эпидемия дополнительно подтолкнет человечество к более активному развитию и внедрению новых технологий» [12], произносят ровно половину правды. Вторая половина, гораздо менее приятная, заключается в том, что под «человечеством» они понимают исключительно его наиболее развитую в технологическом отношении часть. Всех остальных ожидает технологический регресс, а в некоторых частях земного шара — технологический коллапс. Блага, связанные с внедрением высокоразвитых технологий, коснутся этих территорий лишь в достаточно отдаленной перспективе.

В недалеком будущем нас ожидает не просто повышение технологического уровня производства. Это повышение произойдет у тех агентов, у которых этот уровень уже достаточно высок. А те, кто застрял в традиционном индустриальном производстве, ввиду ресурсных дисфункций будут испытывать технологический регресс, и дальнейший ход событий для них зависит лишь от того, в какой степени этот регресс будет управляемым.

Это будет верно и для стран и отдельных территорий, и для хозяйственных агентов, и для домохозяйств и отдельных людей: условно говоря, наступит разделение населения на элиту, живущих в виртуальной реальности, и марлоков, приверженных индустриальным технологиям.

Когда говорят о том, что Европа и США готовятся к голодным бунтам [29], население некоторых стран, традиционно живущих впроголодь, откровенно недоумевает. По всему миру нарастает синдром Греты Тунберг — ситуация, когда из однородного множества

агентов громче всех взывают о помощи те, кому, мягко говоря, не хуже всех живется.

Происходит виртуализация некоторых хозяйственных процессов, их перемещение в онлайн-среду (обучающие процессы, например). Соответственно наблюдается (и далее будет усиливаться) быстрое распространение сопутствующих этому компетенций — не только производителей, но и пользователей.

В некотором смысле нарастает интеллектуализация хозяйственных процессов, со всеми присущими ей радостями и угрозами.

Возможно, вирус подтолкнет и всеобщую, поголовную чиповизацию населения (в стране или в мире) либо, как частный случай, — принудительную массовую вакцинацию под предлогом защиты от болезней, как советуют некоторые сторонники максимального широкого распространения информационных технологий. Но здесь есть свои угрозы, хорошей защиты от которых не видно (о разных аспектах этого процесса подробнее см.: [2; 5; 6; 26]). Прививка может быть сделана таким образом, что при наступлении некоторых внешних условий она запускает механизм определенных действий со стороны ее носителя. Разумеется, это облегчает контроль за соблюдением «желательных» или «допустимых» алгоритмов поведения отдельных людей.

Одна из очевидных угроз связана с тем, что посредством вживленного в организм чипа можно как отслеживать поведение человека (отнюдь не только его перемещение в пространстве), так и передавать ему определенные команды — и вполне открытые (что-то вроде навигатора, определяющего путь, оптимальный с точки зрения того, кто его запрограммировал), и скрытые, действующие на уровне подсознания.

Сейчас за нами следят видеокамеры, встроенные в дома над подъездами, в салоны автобусов, вагоны метро, залы магазинов и кафе и т. д., и это решение довольно низкотехнологично в том смысле, что оно не содержит механизмов обратной связи: как быть, если отслеживаемый видеокамерой человек совершает, допустим, противоправное действие. Реакция наступает лишь постфактум, причем порой с серьезным запаздыванием. В скором времени за нами будут следить чипы, вживленные в организм человека, и это решение

с точки зрения механизма обратных связей намного более технологично. Разумеется, тайна так называемой частной жизни при этом серьезно подрывается, но о ней уже сегодня можно забыть. Технически любое пространство сегодня можно сделать публичным. Не зря с таким упоением в интернете выкладывают и смотрят фото и видео, отснятые в частных квартирах, в банях и саунах, в номерах отелей и прочих местах, отнюдь не предназначенных для проведения съемки и не считающихся публичными.

А следующий шаг в том же направлении — вживление чипов, при помощи которых будут передаваться команды, ориентирующие действия конкретного человека на достижение определенных целей. И для того, чтобы никто не смог избежать этого программирования своего поведения, нормой станет публичное выращивание (воспитание) детей, которых будут выводить из семьи и отдавать в детские учреждения — интернаты с тем или иным уклоном обучения (спортивные, творческие, гуманитарные, физико-математические и проч.).

Выпускники таких интернатов будут получать преимущество при продолжении обучения (при получении высшего образования). Такая нехитрая смесь из обучения и воспитания быстро превратит целые поколения людей в манкуртов-зомби, оторванных от своих корней, не помнящих родства, не знающих иной истины, кроме той, что звучит с экрана и подкрепляется чип-контролем их поведения.

Наконец, с наступлением чрезвычайной ситуации, в которой оказалось мировое хозяйство, ускоряются и более частные изменения, наступления которых можно ожидать в коротком горизонте.

Может быть, наконец, в России будет отменена табельная система учета рабочего времени, хотя бы для тех категорий работников, которые в принципе способны работать удаленно, прежде всего, для людей, занятых интеллектуальным трудом [23], хотя и для прочих категорий наличие табельной системы сегодня ничуть не более осмысленно. Возможно, будут пересмотрены цели «интеграции» в мировую науку (которая пока что оборачивается исключительно лишними расходами для российских ученых и никаких выгод — ни материальных, ни интеллектуальных — им не приносит [24]) и «встраивания» в мировые технологические цепочки.

В некоторых странах после краха бизнеса (особенно малого и среднего) возможна национализация активов, прежде всего — обремененных «плохими», невозвратными долгами. Вообще, проблема внутренних долгов сейчас резко обострится. Хороших механизмов реструктуризации, которые удовлетворили бы всех, не существует.

Видимо, произойдет условная зачистка рынка труда от значительной части мигрантов в тех странах, где эта проблема актуальна, в том числе в России. За счет этого удастся избежать острой проблемы с безработицей. Однако при этом усилится скрытая безработица (переход на неполный рабочий день, неполную рабочую неделю, сокращение продолжительности смен и проч.). Именно этих людей, которых удастся таким способом сохранить, можно будет быстрее всего вовлечь в производство, когда оно заработает с интенсивностью, близкой к плановой (проектной). А пока что руководствуемся принципом: работа не вирус — в лес не убежит.

Акцент сместится в сторону дистантной занятости, этот тренд лишь усилится после окончания пандемии. В мировой экономике станет существенно больше фрилансеров и прочих категорий временно и частично занятых. Исчезнет различие между «основным» и «запасным» местом работы, которое все еще существует в некоторых странах, включая Россию.

В самое ближайшее время (может быть, в течение 2020—2021 гг.) нас ожидает изменение государственных границ целого ряда стран, и это касается не только Европы.

Политика и социальные последствия

Наконец, имеет значение и неэкономическая составляющая предпринимаемых рестрикционных шагов (политика, идеология и проч.). Для некоторых правительств это шанс реформативизировать алгоритмы принятия решений и, пользуясь возможностью принятия мер чрезвычайного характера, навести относительный порядок в вопросах, которые давно требовали определенных (более или менее решительных) действий, идущих вразрез со сложившейся практикой поддержания общественного консенсуса.

Для некоторых сил это возможность, наоборот, затормозить назревшие перемены и призвать к решению более насущных вопросов в ущерб плановому развитию. В частности, поэтому российская

либеральная оппозиция намеренно сгущает краски, нагнетая панику и подчеркивая недостаточность принимаемых правительством мер рестрикционного характера [4]. Ее очевидными целями были не только максимально отложить дату всенародного голосования о принятии поправок в Конституцию страны, но и по возможности сорвать празднование 75-летия Победы и проведение сопутствующих этому акций гражданского волеизъявления (например, Бессмертный полк). Разумеется, и сейчас нет недостатка в прогнозах «независимых» «экспертов»-глобалистов, предрекающих пик эпидемии в России. В качестве примера достойны внимания экономисты из «Boston Consulting Group», на время переквалифицировавшиеся в вирусологов и эпидемиологов и рассуждающие о скорости распространения вирусной инфекции [9].

Дальнейший ход событий зависит, в частности, от того, в какой степени правительство России прислушается к соответствующим «экспертным» суждениям и будет готово отложить или отменить отдельные действия, направленные на сплочение гражданского общества вокруг ценностей, разделяемых и поддерживаемых большинством населения страны.

Перевод многочисленных социальных контактов в онлайн обостряет проблему социальной эксклюзии. Не согласимся с теми, кто считает, что интернет-общение является суррогатным, — нет, это полноценное общение, но оно имеет определенную специфику. Когда человек улыбается собеседнику, пребывая при этом в маске или респираторе (надежнее всего, конечно, противогаз), эта эмоция считывается немного по-другому. И даже простой отказ от традиционных рукопожатий (в тех странах, где эта традиция сложилась) стимулирует обстановку всеобщего подозрения и отчужденности.

Что может быть опаснее болезни? Ее лечение.

Что может быть страшнее эпидемии? Только борьба с ней.

Природа очищается от техногенных воздействий, и этот процесс имеет две стороны. С одной стороны, в Венецию приплыли дельфины и лебеди, чего не случалось уже 60 лет. Морские черепахи обживают опустевшие пляжи Индии. С другой стороны, в некоторых районах мегаполисов уже на 4—5-й дни режима так называемой самоизоляции по улицам бегают стаи бродячих собак, и дальше связанные с этим неудобства будут только нарастать. Территориальные

ниши, оставленные людьми, будут заполняться представителями других биологических видов. В связи с этим разумно ожидать новых нашествий грызунов и насекомых, в том числе опасных для здоровья человека.

Следует согласиться с прогнозистами, которые еще в начале пандемии предупреждали о том, что самый опасный момент, сопровождающий ломку сложившихся устоев жизни, — это социальный аспект происходящего [14].

Уже на первой неделе карантина люди, потерявшие работу (в основном это мигранты), в крупных городах сбиваются в банды и промышленно грабят [11]. Следовательно, остальным нужно обезопасить себя от этого явления. Резко растут инвестиции в императивный ресурс, т. е. в перераспределение плохо специфицированных и/или плохо охраняемых правомочий либо в их защиту от перераспределения. В Америке оружие становится товаром повышенного спроса. В России, где носить и хранить оружие запрещено, люди активно покупают бейсбольные биты, но уже не гречку и не туалетную бумагу. В это время полиция самым доблестным образом борется с нарушителями режима так называемой самоизоляции и выписывает им административные штрафы [1; 30].

Задачи для экономической науки

Итак, нуждаются в сценарном (краткосрочном и среднесрочном) прогнозировании ключевые группы параметров для экономики России и мира (а также отдельных стран):

- 1) динамика ВВП, уровень безработицы, темп инфляции, динамика реальных располагаемых доходов;
- 2) изменения структуры экономики;
- 3) динамика технологических сдвигов;
- 4) показатели межрегиональной дифференциации, характер и степень поляризации экономического пространства.

Прогнозные сценарии будут зависеть, разумеется, не от скорости распространения эпидемии и не от количества жертв, а от того, какие варианты реагирования выберут правительства, в частности, правительство России, и на какой период времени распространится действие принимаемых мер [28].

Обнажилась неготовность госструктур большинства стран мира к отражению глобальных угроз такого рода. В России, помимо прочих трансформаций, терпит крах концепция «дешевого» государства. Оптимизация системы здравоохранения, например, по многим параметрам оказалась чудовищной ошибкой, которая не стала бы настолько заметной, если бы этой системе не пришлось сейчас работать в жестком, авральном режиме [27]. Общий вывод заключается в том, что государство не должно быть ни дорогим, ни дешевым (этот параметр вообще, ни при какой погоде, нельзя считать критерием успешности), оно должно быть функциональным, т. е. эффективно решать проблему наивного инвестора во всех сферах, где таких инвесторов существует достаточно много, и закрывать госрасходами те направления, на которых это позволяет существенно экономить расходы частных агентов [13, 35].

В наши дни радикально меняются представления о национальной безопасности. Сместились акценты относительно того, что считать опасным, а что безопасным. В частности, благодаря вирусу стало понятно, что развитие системы здравоохранения — это задача национальной безопасности в самом буквальном смысле этого слова.

Нарастает понимание того, что технологическое отставание (в тех областях, где оно имеет место) следует воспринимать как угрозу национальной безопасности [15], причем эта проблема универсальна, она свойственна в той или иной степени всем странам мира, хотя в России она имеет существенную специфику, которая определяется уровнем притязаний.

Грабли, на которые сейчас наступают наша система принятия решений, несколько отличаются своей конфигурацией от привычных и хорошо известных грабель, связанных с балансированием между потребностями производства, ориентированного на экспорт, и производства, ориентированного на внутренний рынок. Однако и эта проблема сама по себе никаким вирусом не снимается. Нас по-прежнему ожидает длительная и напряженная работа по трансформации не только технологической, но и отраслевой структуры производства, по обеспечению более высокого уровня ее устойчивости и безопасности.

Литература

1. АВТО-ЖИЗНЬ (блог). Водителей и пешеходов уже штрафуют за нарушение особого режима. Операция «пополним бюджет» началась // Яндекс. Дзен: [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/avto2020/voditelei-i-peshehodov-uje-shtrafuiut-zanarushenie-osobogo-rejima-operaciia-popolnim-biudjet-nachalas-5e892db1e42ae3177732005e> (дата обращения: 05.04.2020).
2. *Бовт Г.* Послезавтра: [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/comments/column/bovt/13027045.shtml?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 30.03.2020).
3. *Гладков В.* Шойгу: Внутри России действует НАТОвская «пятая колонна» // Мировое политическое шоу: [Электронный ресурс]. URL: <https://mpsh.ru/19864-shojgu-vnutri-rossii-dejstvuet-natovskaja-pjataja-kolonna.html> (дата обращения: 26.03.2020).
4. *Гордеев В., Химишвили П.* Кремль пообещал рассмотреть письмо экономистов об антикризисных мерах // РБК: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/03/2020/5e7dd4d79a7947c67902cc02> (дата обращения: 27.03.2020).
5. *Горидько Н.П., Нижегородцев Р.М.* Россия на пути к цифровой экономике: ловушки и вызовы // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика: Материалы 1-й Международной научно-практической конференции. Вып. 1. М.: Изд. дом ГУУ, 2017. С. 74—86.
6. *Горидько Н.П., Нижегородцев Р.М.* Угрозы цифровизации и экономическая безопасность: императивы и альтернативы // Глобализация экономики и российские производственные предприятия: Материалы 17-й Международной научно-практической конференции в рамках Научного форума «Неделя инженерной экономики», 13—17 мая 2019 г., г. Новочеркасск: В 2 ч. Ч. 1. Новочеркасск: Изд-во «НОК», 2019. С. 17—26.
7. *Горидько Н.П., Нижегородцев Р.М.* Принцип Диогена, провалы институтов и противоречие между миссией и функцией // Друкеровский вестник. 2019. № 6. С. 5—20.
8. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // kremlin.ru, 24.10.2014: [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения: 27.03.2020).

9. *Кожедубов А.* России предрекли режим самоизоляции до лета // МК.ru: [Электронный ресурс]. URL: https://www.mk.ru/social/2020/04/07/rossii-predrekli-rezhim-samoizolyacii-doleta.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 07.04.2020).

10. *Куликов А.* В Польше предсказали распад России в 2025 году. Но это не самое плохое // Pravda.ru: [Электронный ресурс, 13.03.2020]. URL: <https://www.pravda.ru/world/1480902-lekciaoraspade/>.

11. *Курбатов М.С.* Мигранты «пасут» россиян у гипермаркетов: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.9111.ru/questions/77777777831512/> (дата обращения: 04.04.2020).

12. *Лесных А.* Ученые-экономисты рассказали об обратной стороне пандемии // РИА Новости: [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200408/1569709983.html> (дата обращения: 08.04.2020).

13. *Мацукато М.* Project Syndicate (США): тройной кризис капитализма // ИноСМИ.ру [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/politic/20200401/247179130.html?utm_referer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 01.04.2020).

14. *Миланович Бр.* Реальная опасность пандемии—социальный коллапс: [Электронный ресурс]. URL: https://globalaffairs.ru/articles/pandemiiya-kollaps/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 23.03.2020).

15. *Нижегородцев Р.М.* Технологическая безопасность государства // *Мировая экономика и международные отношения.* 1997. № 10. С. 110—115.

16. *Нижегородцев Р.М.* Закат маргинализма: почему неоклассический синтез больше не работает // *Современная социально-экономическая трансформация России: ориентиры и итоги в контексте глобализации и регионализации: Материалы Международной научной конференции.* Сб. науч. статей. Ч. I / Под ред. О.В. Иншакова, Г.Б. Клейнера и др. Краснодар: Изд-во Кубанского государственного аграрного ун-та, 2006. С. 236—248.

17. *Нижегородцев Р.М.* Россия перед выбором: ключевые макроэкономические проблемы и возможные пути их решения // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы: Ежегодник. Вып. 7: В 2 т. Т. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. С. 16—31.

18. *Нижегородцев Р.М.* Альтернатива Хаавельмо и точки роста современной экономики России // Стратегическое планирование и развитие предприятий. Москва, 15—16 апреля 2008 г. Материалы Девятого всероссийского симпозиума. Секция 2. Модели и методы разработки стратегии предприятия. М., 2008. С. 123—125.

19. *Нижегородцев Р.М.* Неравновесная динамика макросистем и механизмы преодоления мирового кризиса. Новочеркасск: «НОК», 2011. 100 с.

20. *Нижегородцев Р.М.* Мировой экономический кризис: предчувствие второй волны // Известия Уральского государственного экономического университета. 2012. № 2 (40). С. 16—24.

21. *Нижегородцев Р.М., Горидько Н.П., Шкодина И.В.* Институциональные основы теории финансов: современные подходы: Монография. М.: ИНФРА-М, 2014. 220 с.

22. *Нижегородцев Р.М.* Инновационное развитие российской экономики в «новой нормальности» внешних угроз // Друкерровский вестник. 2018. № 3. С. 264—274.

23. *Нижегородцев Р.М.* Анатомия российского либерализма: «новая нормальность» глобализации и задачи импортозамещения социальных институтов // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Сер. Социально-экономические науки. 2019. № 4. С. 25—35.

24. *Нижегородцев Р.М.* Госпрограмма «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» и современные представления о национальных инновационных системах // Инновационное развитие экономики. 2019. № 4 (52). Ч. 1. С. 21—25.

25. *Нижегородцев Р.М.* Вакханалия диссерастов: кто и зачем пытается развалить систему аттестации научных кадров // International independent scientific journal. 2020. № 12. Vol. 2. P. 18—30: [Электронный ресурс]. URL: http://www.iis-journal.com/wp-content/uploads/2020/02/IISJ_12_2.pdf.

26. «От чувства тревожности мы обретаем свободу» // Лента.ру: [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/03/28/experts/> (дата обращения: 28.03.2020).

27. *Родионов Дм.* Коронавирус торжествует: Лечить россиян некому и нечем: [Электронный ресурс]. URL: https://svpressa.ru/health/article/261002/?utm_referer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru&utm_source=pulse_mail_ru (дата обращения: 28.03.2020).

28. России предсказали два сценария на фоне «идеального шторма» в мировой экономике // Деловая газета «Взгляд»: [Электронный ресурс]. URL: https://finance.rambler.ru/economics/43965228-rossii-predskazali-dva-stsenariya-na-fone-idealnogo-shtorma-v-mirovoy-ekonomike/?utm_source=head&utm_campaign=self_promo&utm_medium=news&utm_content=news&h_sp=1 (дата обращения: 05.04.2020).

29. *Рубченко М.* Европа и США готовятся к голодным бунтам // РИА Новости: [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200406/1569556004.html> (дата обращения: 06.04.2020).

30. *Селезнева А.* Полиция массово останавливает москвичей на улицах // Рамблер. Новости: [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/community/43948863-politsiya-massovo-ostanavlivaet-moskvichey-na-ulitsah/?utm_campaign=rcm3a41623b&utm_medium=rec&utm_source=rambler&utm_content=news.rambler.ru (дата обращения: 03.04.2020).

31. *Селиванов А.* Американские кураторы смертельных вирусов // РенТВ: [Электронный ресурс]. URL: <https://ren.tv/blog/alekseiselivanov/678656-amerikanskie-kuratory-smertelnykh-virusov> (дата обращения: 28.03.2020).

32. *Степушова Л.* Коронавирус—первый признак скорой войны // Pravda.ru: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravda.ru/world/1479580-koronavirus/> (дата обращения: 10.03.2020).

33. Теория: коронавирус SARS-CoV-2 в течение многих лет находился в организме человека: [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fhightech.fm%2F2020%2F03%2F30%2Fsars-cov-2-human&promo=navbar&utm_referer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 30.03.2020).

34. COMRADE life (блог). Мир ожидает гиперинфляция // Яндекс. Дзен: [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/comlife/mir-ojidaet-giperinfliaciia-5e84800b5f081e20a965c56f> (дата обращения: 01.04.2020).

35. *Goridko N.P., Nizhegorodtsev R.M.* Public Losses — Private Gains: Some Institutional Filters for Russian Economy // IFAC-PapersOnLine. 2018. Vol. 51. Is. 11. P. 868—875. Available at: <https://www.sciencedirect.com/journal/ifac-papersonline/vol/51/issue/11>.

References

1. AVTO-ZHIZN' (blog). Voditelej i peshehodov uzhe shtrafuyut za narushenie osobogo rezhima. Operatsiya «popolnim byudzhets nachalas' // YAndeks. Dzen: [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/avto2020/voditelei-i-peshehodov-uje-shtrafuiut-zanarushenie-osobogo-rezhima-operaciia-popolnim-biudjet-nachalas-5e892db1e42ae3177732005e> (дата обращения: 05.04.2020).

2. *Bovt G.* Poslezavtra: [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/comments/column/bovt/13027045.shtml?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 30.03.2020).

3. *Gladkov V.* SHoju: Vnutri Rossii dejstvuet NATOvskaya «pyataya kolonna» // Mirovoe politicheskoe shou: [Электронный ресурс]. URL: <https://mpsh.ru/19864-shojgu-vnutri-rossii-dejstvuet-natovskaja-pjataja-kolonna.html> (дата обращения: 26.03.2020).

4. *Gordeev V., KHimshiashvili P.* Kreml' poobeshhal rassmotret' pis'mo ehkonomistov ob antikrizisnykh merakh // RBK: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/03/2020/5e7dd4d79a7947c67902cc02> (дата обращения: 27.03.2020).

5. *Gorid'ko N.P., Nizhegorodtsev R.M.* Rossiya na puti k tsifrovoj ehkonomie: lovushki i vyzovy // SHag v budushhee: iskusstvennyj intellekt i tsifrovaya ehkonomika: Materialy 1-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Vyp. 1. M.: Izd. dom GUU, 2017. S. 74—86.

6. *Gorid'ko N.P., Nizhegorodtsev R.M.* Ugrozy tsifrovizatsii i ehkonomieeskaya bezopasnost': imperativy i al'ternativy // Globalizatsiya ehkonomieiki i rossijskie proizvodstvennye predpriyatiya: Materialy 17-j

Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh Nauchnogo foruma «Nedelya inzhenernoj ehkonomiki», 13—17 maya 2019 g., g. Novocherkassk: V 2 ch. CH. 1. Novocherkassk: Izd-vo «NOK», 2019. S. 17—26.

7. *Gorid'ko N.P., Nizhegorodtsev R.M.* Printsip Diogena, provaly institutov i protivorechie mezhdru missiej i funktsiej // Drukerovskij vestnik. 2019. № 6. S. 5—20.

8. Zasedanie Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj» // kremlin.ru, 24.10.2014: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (data obrashheniya: 27.03.2020).

9. *Kozhedubov A.* Rossii predrekli rezhim samoizolyatsii do leta // MK.ru: [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.mk.ru/social/2020/04/07/rossii-predrekli-rezhim-samoizolyacii-do-leta.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (data obrashheniya: 07.04.2020).

10. *Kulikov A.* V Pol'she predskazali raspad Rossii v 2025 godu. No ehto ne samoe plokhoe // Pravda.ru: [EHlektronnyj resurs, 13.03.2020]. URL: <https://www.pravda.ru/world/1480902-lekciaoraspade/>.

11. *Kurbatov M.S.* Migranty «pasut» rossiyan u gipermarketov: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.9111.ru/questions/77777777831512/> (data obrashheniya: 04.04.2020).

12. *Lesnykh A.* Uchenye-ehkonomisty rasskazali ob obratnoj storone pandemii // RIA Novosti: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/20200408/1569709983.html> (data obrashheniya: 08.04.2020).

13. *Matstsukato M.* Project Syndicate (SSHA): trojnoj krizis kapitalizma // InoSmi.ru [EHlektronnyj resurs]. URL: https://inosmi.ru/politic/20200401/247179130.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (data obrashheniya: 01.04.2020).

14. *Milanovich Br.* Real'naya opasnost' pandemii—sotsial'nyj kollaps: [EHlektronnyj resurs]. URL: https://globalaffairs.ru/articles/pandemiiya-kollaps/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (data obrashheniya: 23.03.2020).

15. *Nizhegorodtsev R.M.* Tekhnologicheskaya bezopasnost' gosudarstva // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 1997. № 10. S. 110—115.

16. *Nizhegorodtsev R.M.* Zakat marzhinalizma: pochemu neoklasicheskiy sintez bol'she ne rabotaet // *Sovremennaya sotsial'no-ehkonomicheskaya transformatsiya Rossii: orientiry i itogi v kontekste globalizatsii i re-gionalizatsii: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Sb. nauch. statej. CH. I / Pod red. O.V. Inshakova, G.B. Klejnera i dr. Krasno-dar: Izd-vo Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo un-ta, 2006. S. 236—248.*

17. *Nizhegorodtsev R.M.* Rossiya pred vyborom: klyuchevye makroehkonomicheskie problemy i vozmozhnye puti ikh resheniya // *EHkonomika razvi-tiya regiona: problemy, poiski, perspektivy: Ezhegodnik. Vyp. 7: V 2 t. T. 1. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2006. S. 16—31.*

18. *Nizhegorodtsev R.M.* Al'ternativa KHaavel'mo i tochki rosta sovremennoj ehkonomiki Rossii // *Strategicheskoe planirovanie i razvitie predpriyatij. Moskva, 15—16 aprelya 2008 g. Materialy Devyatogo vserossijskogo simpoziuma. Sektsiya 2. Modeli i metody razrabotki strategii predpriyatiya. M., 2008. S. 123—125.*

19. *Nizhegorodtsev R.M.* Neravnovesnaya dinamika makrosistem i mekha-nizmy preodoleniya mirovogo krizisa. Novocherkassk: «NOK», 2011. 100 s.

20. *Nizhegorodtsev R.M.* Mirovoj ehkonomicheskij krizis: predchuvstvie vtoroj volny // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta. 2012. № 2 (40). S. 16—24.*

21. *Nizhegorodtsev R.M., Gorid'ko N.P., SHkodina I.V.* *Institutsional'nye osnovy teorii finansov: sovremennye podkhody: Monografiya. M.: INFRA-M, 2014. 220 s.*

22. *Nizhegorodtsev R.M.* Innovatsionnoe razvitie rossijskoj ehkonomiki v «novoj normal'nosti» vneshnikh ugroz // *Drukerovskij vestnik. 2018. № 3. S. 264—274.*

23. *Nizhegorodtsev R.M.* Anatomiya rossijskogo liberalizma: «novaya normal'nost'» globalizatsii i zadachi importozameshheniya sotsial'nykh institutov // *Vestnik YUzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Ser. Sotsial'no-ehkonomicheskie nauki. 2019. № 4. S. 25—35.*

24. *Nizhegorodtsev R.M.* Gosprogramma «Nauchno-tekhnologicheskoe razvitie Rossijskoj Federatsii» i sovremennye predstavleniya o natsional'nykh innovatsionnykh sistemakh // *Innovatsionnoe razvitie ehkonomiki. 2019. № 4 (52). CH. 1. S. 21—25.*

25. *Nizhegorodtsev R.M.* Vakkhanaliya disserastov: kto i zchem pytaetsya razvalit' sistemu attestatsii nauchnykh kadrov // International independent scientific journal. 2020. № 12. Vol. 2. P. 18—30: [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.iis-journal.com/wp-content/uploads/2020/02/IISJ_12_2.pdf.

26. «Ot chuvstva trevozhnosti my obretaem svobodu» // Lenta.ru: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/03/28/experts/> (data obrashheniya: 28.03.2020).

27. *Rodionov Dm.* Koronavirus torzhestvuet: Lechit' rossiyan nekomu i nechem: [EHlektronnyj resurs]. URL: https://svpressa.ru/health/article/261002/?utm_referer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru&utm_source=pulse_mail_ru (data obrashheniya: 28.03.2020).

28. Rossii predskazali dva stsenariya na fone «ideal'nogo shtorma» v mirovoj ehkonomie // Delovaya gazeta «Vzglyad»: [EHlektronnyj resurs]. URL: https://finance.rambler.ru/economics/43965228-rossii-predskazali-dva-stsenariya-na-fone-ideal'nogo-shtorma-v-mirovoy-ekonomike/?utm_source=head&utm_campaign=self_promo&utm_medium=news&utm_content=news&h_sp=1 (data obrashheniya: 05.04.2020).

29. *Rubchenko M.* Evropa i SSHA gotovyatsya k golodnym buntam // RIA Novosti: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/20200406/1569556004.html> (data obrashheniya: 06.04.2020).

30. *Selezneva A.* Politsiya massovo ostanavlivaet moskvichej na ulitsakh // Rambler. Novosti: [EHlektronnyj resurs]. URL: https://news.rambler.ru/community/43948863-politsiya-massovo-ostanavlivaet-moskvichej-na-ulitsah/?utm_campaign=rcm3a41623b&utm_medium=rec&utm_source=rambler&utm_content=news.rambler.ru (data obrashheniya: 03.04.2020).

31. *Selivanov A.* Amerikanskije kuratory smertel'nykh virusov // RenTV: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ren.tv/blog/aleksei-selivanov/678656-amerikanskije-kuratory-smertelnykh-virusov> (data obrashheniya: 28.03.2020).

32. *Stepushova L.* Koronavirus—pervyj priznak skoroj vojny // Pravda.ru: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.pravda.ru/world/1479580-koronavirus/> (data obrashheniya: 10.03.2020).

33. Teoriya: koronavirus SARS-CoV-2 v techenie mnogikh let nakhodilsya v organizme cheloveka: [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fhightech.fm%2F2020%2F03%2F30%2Fsars-cov-2-human&promo=navbar&utm_referer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 30.03.2020).

34. COMRADE life (blog). Mir ozhidaet giperinfljatsiya // YAn-deks. Dzen: [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/comlife/mir-ozhidaet-giperinfljatsiya-5e84800b5f081e20a965c56f> (дата обращения: 01.04.2020).

В.В. ЛИПОВ

«Сексуальный, но бедный»: информационные платформы и парадокс открытости в цифровой экономике*

Аннотация. Работа посвящена проблеме влияния внедрения цифровых технологий на трансформацию распределительных отношений в экономике. Она рассматривается на примере парадокса эволюции роли информационных платформ от инновационной формы упрощения двухстороннего рыночного взаимодействия производителя и потребителя на основе использования цифровых технологий до монополиста на соответствующем микрорынке. Представлена их классификация по сферам применения, ключевым способам и ресурсам создания ценности, финансирования и формирования прибыли, отраслевой специализации. Раскрыта роль данных как основного ресурса информационных платформ. Охарактеризованы факторы обеспечения успеха информационных платформ (горизонтальное сетевое взаимодействие, эффекты масштаба, сетевые, синергетические эффекты, виртуальный характер основного капитала, возможность аутсорсинга материальных фондов и программного обеспечения, динамизм, мобильность, широкий спектр форм монетизации создаваемой

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Липов В.В. «Сексуальный, но бедный»: информационные платформы и парадокс открытости в цифровой экономике // Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 152—167.

ценности и развития клиентской базы, возможность монополизации создаваемых рынков). Акцентируется внимание на проблемах распределения прибыли между создателями контента и собственниками информационных платформ. Они представлены на примере информационных платформ, действующих в сфере распространения научного знания.

Ключевые слова: данные, информационные платформы, информация, научные публикации, открытый доступ, прекариат, рейтингование, фрилансеры, цифровая экономика.

Abstract. The work is devoted to the problem of the impact of the introduction of digital technologies on the transformation of distribution relations in economic systems. It is examined on the example of the paradox of the evolution of the role of information platforms from an innovative form of simplifying the two-way market interaction between producer and consumer through the use of digital technologies to a monopolist in the corresponding micromarket. Their classification by fields of application, key methods and resources of value creation, financing and profit generation, industry specialization is presented. The role of data as the main resource of information platforms is disclosed. Factors for ensuring the success of information platforms (horizontal network interaction, economies of scale, network, synergies, virtual nature of fixed capital, the possibility of outsourcing of material assets and software, dynamism, mobility, a wide range of forms of monetization of created value and development of a client base, the possibility of monopolizing created markets). The attention is focused on the problems of profit distribution between content creators and owners of information platforms. They are presented on the example of information platforms operating in the field of dissemination of scientific knowledge.

Keywords: data, digital economy, information, information platforms, open access, precariat, rating, scientific publications, freelancers.

УДК [330.341.2+330.341.1]:004.9
ББК 65 В

Слоган «сексуальный, но бедный» на стыке тысячелетий, в эпоху краха доткомов, запустил в обращение Исая Берлин. Он отражал разочарование в способности выразителей зародившейся в конце

тысячелетия массовой прослойки представителей креативных профессий в их способности не то, чтобы превратиться в самую успешную группу зарождающегося общества знаний, но вообще адаптироваться к экономическим реалиям современности. Романтический миф о фриланстерах, свободных художниках, креативных обладателях «свободных профессий» [9; 10] быстро перерос в проблему массовой прекаризации независимых работников, зарабатывающих на жизнь собственным трудом [7; 8]. Преимущества независимости, свободного графика, возможности трудиться дома, самостоятельно выбирать работу, партнеров, оптимизировать баланс между работой и семьей, относительно невысокий порог создания собственного дела в условиях кризиса обернулись к ним обратной стороной. Сокращение спроса на услуги, предоставляемые представителями свободных профессий, привели к росту непроизводительных затрат на поиск новых заказов и усилению неравномерности получения доходов при сохранении затрат. Одновременно произошло ужесточение условий получения банковских кредитов. И все это на фоне отсутствия каких-либо социальных гарантий со стороны эпизодического «off-line» работодателя и в случае с государством неоднозначного баланса взаимоотношений и взаимных обязательств налогоплательщик / получатель социальных благ.

Информационные платформы: от данных к информации и знанию

Вызов, проинтерпретированный как необходимость совершенствования механизмов взаимодействия между независимым фрилансером и потенциальным потребителем его услуг, простимулировал быстрый креативный ответ. История Uber — типичный случай, пожалуй, наиболее наглядно иллюстрирующий ситуацию [3]. Владелец машины ищет возможность подзаработать частным извозом. Потенциальный пассажир ищет свободную машину. Использование цифровых технологий позволяет упростить, ускорить этот процесс, сделать его более надежным. Связующее звено — *информационная платформа* (ИП), модель бизнеса, изначально нацеленная на создание двустороннего рынка, устраняющего посредников между потенциальным производителем и потребителем [13]. Они получают возможность взаимодействовать напрямую, используя программное обеспечение, предоставляемое информационной платформой.

Относительно невысокие затраты создания, универсальность сфер применения содействовали быстрому распространению этой институциональной модели ведения бизнеса, буму платформизации. Впечатление может произвести даже краткий перечень сфер их деятельности: платежные (PayPal, Web Money), финансовые (MetaTrader, SaxoTraderGO), рекламные (Microsoft Advertising, Google Ads, Facebook/Instagram Ads, Bing Ads, AdMob), торговые (eBay, Amazon, Alibaba), промышленные (GE — платформа Predix, Siemens — платформа Mind-Sphere), продуктовые (MyJohnDire, Shindler — платформа PORT), обучающие (Zoom, Coursera) туристические (Tripmydream, Amadeus Travel Platform), медицинские (HealthShare, CogniFit), коммуникационные (Twitter, Facebook), логистические (TradeLens, CargoSmart, Trans for Shippers), по оказанию госуслуг (iGov, Госуслуги). Впрочем, универсализм не исключает существенной дифференциации платформ по ключевому способу создания ценности: коммуникационные (Twitter, Facebook), транзакционные (eBay, Baidu, Tencent), инновационные (Intel, Microsoft, Oracle, SAP), инвестиционные (Priceline, Naspers, Softbank), интегрированные (Alibaba, Amazon, Apple); отношению к ресурсу создания стоимости: облачные (AWS, Salesforce), производственные (GE — платформа Predix, Siemens — платформа Mind-Sphere), бережливые (Airbnb, Uber), шеренговые (TaskRabbit, YouDo.com, PapaJobs); источникам и организации финансирования и получения прибыли: спонсируемые, условно бесплатные (при бесплатной базовой версии пользователь платит за дополнительный функционал — Яндекс Музыка), работающие на основе абонентской платы за предоставление пакета услуг — Science Direct, на основе взимания комиссии за предоставляемые услуги (eBay, Uber), дифференцирующие оплату для разных категорий пользователей — сайты знакомств, работающие на долевого основе; по степени самостоятельности в рамках сетевой структуры: первичные, производные; по географическому охвату: глобальные, национальные, локальные; по отраслевой специализации: универсальные, отраслевые, специализированные.

Соответствие информационных платформ потребностям, возможностям и духу современной экономики, экономики знаний [11] обеспечило этот успех. Там, где знания обретают значение ключевого фактора развития, оцифрованные данные превращаются в сы-

рье, ресурс, переработка которого открывает путь к созданию специфического инновационного продукта — нового знания. В свою очередь интернет позволяет избежать либо минимизировать затраты на «изобретение велосипеда» в случае, когда необходимые данные (потенциальные информация и знание) уже кем-либо получены и выложены в сети. Более того, он открывает возможность для несравненно более активной интеграции в рамках нового знания результатов, полученных в ходе разрозненных, независимых исследований, комплексного использования достижений разных научных школ, направлений, дисциплин.

Безусловно, уже первобытный человек отталкивался в своих реакциях, действиях в ответ на происходящие изменения от данных об окружающей среде. Но не режет ли слух попытка употребления в этой ситуации выражения «работа с данными»? Смысловое разграничение категорий «данные», «информация», «знания» обретает особую актуальность в условиях «цифровизации» экономики знаний. При этом уже само закрепившееся в литературе название объекта нашего исследования — «информационная платформа» — вносит дополнительную путаницу как в их разграничение, так и в понимание природы, сущности и потенциала этой новой институциональной формы ведения бизнеса.

Под знанием мы понимаем индивидуализированный продукт познавательной деятельности человека и общества в целом, отражающий в сознании индивида в субъективной форме объективные связи и отношения окружающего мира, преобразуемый и используемый в процессе сознательной деятельности. Термин «экономика знаний» акцентирует внимание на роли знаний как драйвера, ключевого фактора развития современной экономики. В свою очередь данные — это комплексы сведений, фактов, понятий, инструкций и т. п., представленных в форме, приемлемой для передачи, обработки, интерпретации человеком или информационной системой. Условием этого является их соответствие определенной системе формализации. Именно данные о различных составляющих внешней и внутренней среды ведения бизнеса, предоставляемые ИП, обеспечивают возможность оптимизации состава участников и порядка их взаимодействия, производственного процесса, самого продукта деятельности, его создания и продвижения, исследования трендов развития рынка.

В информацию данные превращаются лишь в процессе ознакомления, работы пользователей с ними. Информация — сведения, полученные потребителем в результате актуализации, восприятия и осмысления (переработки) данных. Информация — продукт взаимодействия человека с данными, их интерпретации, определения их смысла. Именно в результате такого взаимодействия данные актуализируются как информационное благо, товар.

Данные, получаемые, накапливаемые, перерабатываемые и предоставляемые потребителям, являются непосредственным продуктом работы ИП. Но, в отличие от традиционных библиотек, функции ИП не завершаются на передаче данных. Более того, предоставление данных — только отправной момент, точка отсчета, рабочий инструмент, при помощи которого ИП создает условия для осуществления своей задачи, миссии — формирования определенной реакции со стороны получателя. Для рекламной ИП это стимулирование совершения покупки, торговой — ее обеспечение, производственной — оптимизация процесса создания продукта, облачной — использование потребителем внешнего оборудования и программного обеспечения. Во всех этих случаях информация как результат ознакомления потребителя с данными стимулирует его ответную реакцию — новые данные, возвращаемые в экосистему ИП. Возможность многократной актуализации в рамках экосистемы всей совокупности данных, которыми располагает ИП, превращает их в сетевое информационное благо.

Информационные платформы выступают в качестве посредника между потенциальными поставщиками и потребителями различного рода данных. Они становятся местом их встречи. Роль связанного позволяет владельцу платформы получить доступ, регистрировать, собирать, а в дальнейшем анализировать, использовать и предлагать разнообразную информацию как о самих пользователях, так и о содержании, характере их поведения в сети, формировать на их основе аналитические данные о состоянии, перспективах развития, слабых местах, потенциальных конкурентных преимуществах. Так, Uber получает данные не только о водителях и пассажирах, но и о состоянии дорожного трафика, потребительских предпочтениях клиентов, действиях водителей.

Эти данные, прежде всего клиентская база, будучи результатом работы платформы, в дальнейшем становится исходной основой

развития бизнеса. Они формируют потенциал ее роста. От эффекта масштаба (наращивание количества потенциальных потребителей услуг платформы, которые уже имеют опыт обращения к ним и обеспечивают дальнейший их рост) к сетевому эффекту (чем больше удовлетворенных пользователей в сети, тем активнее они генерируют информацию для других потенциальных пользователей, тем больше доверие к сети, потенциал формирования эффекта нарастающего кома), синергетическому эффекту (когда наращивание количества потребителей, охваченных сетью, сопровождается насыщением и диверсификацией информационной базы, ростом ее информативности, полезности, эффективности и качества результатов обращения к услугам ИП).

Информационные платформы и экономика цифры

Опора на сетевые эффекты — характерная черта ИП. Горизонтальный характер взаимодействия участников, свобода входа, выхода и выбора аспектов взаимодействия, возможность мгновенной связи с неограниченным по количеству и географическому охвату партнеров по интересам делают сетевые платформы чрезвычайно привлекательными. Потенциальные потребители получают возможность выбора ИП, которые максимально соответствуют их интересам и потребностям; позволяют легко и быстро найти ответ на интересующие вопросы, удовлетворить максимально широкий спектр запросов; опробованные близкими и знакомыми; с наибольшей клиентской базой. Чем она шире, тем эффективнее потенциал поисковых алгоритмов ИП. Успех привлекает все новых и новых клиентов, порождает новый успех. Соответственно растет база данных информационной платформы. Именно такими являются истоки успешной истории Google и Facebook. Сетевые эффекты становятся основой монополизации деятельности информационных платформ, открывают доступ к глобальным рынкам, обеспечивают развитие темпами, принципиально невозможными для традиционных «конвейерных» производителей товаров и услуг. И это далеко не единственная предпринимательская особенность ИП.

Расширение клиентской базы ИП не требует пропорционального наращивания материально-технологической основы ее функционирования. Более того, развитие платформенной модели открывает

возможность использования оборудования облачных ИП, специализирующихся на такого рода услугах. Тем самым обеспечиваются условия для быстрого приспособления к рыночным изменениям. В обстановке ускоренного развития информационных технологий данные, с которыми работают ИП, и созданные ими клиентские сети приобретают значение основных фондов, а техническая инфраструктура превращается в легко заимствуемый капитал. По потенциалу своей мобильности ИП оказываются вполне сопоставимы с финансовыми корпорациями. Базы данных, хотя и уступают по ликвидности денежным знакам, но способны легко пополняться, перестраиваться, направляться на удовлетворение широкого спектра постоянно обновляемых потребностей различных групп потребителей, независимо от места их пребывания.

Информационная природа и виртуальный характер деятельности создают возможность использования широкого спектра инструментов сочетания монетизации бизнеса с привлечением новых и сохранением старых пользователей. Среди наиболее распространенных — перекрестное субсидирование; регулирование стоимости услуг рекламных подразделений; взимание фиксированной платы или процента от стоимости транзакций, совершенных благодаря ИП; скрупулезное формирование структуры цен за предоставляемые услуги и баланса между услугами, предоставляемыми бесплатно; дифференциация сервисов на базовый и премиум-уровень; продажа баз данных; сокращение собственных затрат на разработку программного продукта за счет привлечения приложений, создаваемых сторонними разработчиками в качестве комплементарных продуктов, предлагаемых платформой, при одновременном взимании с них комиссии за реализацию этих продуктов на платформе.

Сетевой характер бизнеса и горизонтальное взаимодействие в рамках экосистемы ИП вовсе не исключают и, более того, делают необходимым установление четких правил взаимодействия, контроля их соблюдения в контексте обозначенной миссии, продукта, целевых групп, перспективных направлений развития. Наиболее показательным примером может служить история становления Facebook. Процесс расширения круга участников осуществлялся постепенно, от ограничения сокурсниками, студентами других университетов Лиги плюща, их выпускниками, учащимися других учебных заведений [4,

200—202]. Показательной (в контексте степени регулирующего вмешательства ядра в работу экосистемы ИП) — альтернативной успеху Facebook — могут служить истории быстрого расширения сети и столь же быстрого провала таких ИП, как Myspace и Friendster. Причиной формирования «обратного сетевого эффекта» послужил именно либерализм в отношении регулирования поведения в сети пользователей. ИП в стремлении привлечь как можно больше пользователей на основе использования «преимуществ первого шага» и стратегии «роста любой ценой» отказались от систем четкого подтверждения личности пользователей и отслеживания социальной приемлемости выкладываемых ими материалов. В конечном итоге это сказалось на качестве платформы, ее способности создавать ценность для пользователя. Быстрый рост сменился таким же быстрым сокращением [4, 196—19]. Uber, в свою очередь, активно вмешивается в работу сети. Монопольное владение информацией позволяет ему заблаговременно регулировать стоимость услуг, даже вводить в заблуждение потребителей и конкурентов путем предоставления неправдивой информации о количестве автомобилей, предоставленных услуг, тем самым получая дополнительные преимущества перед конкурентами [3].

Особого внимания заслуживает вопрос о том, что именно получают потребители в результате деятельности информационных платформ — товар или услугу. Определение товара как продукта экономической деятельности, который имеет материально-вещественную форму и является объектом купли-продажи в рыночной экономике, а услуги как вида деятельности, в процессе которой происходит изменение характеристик получателя или уже существующего товара как блага, предоставляемого не в виде вещей, а в форме деятельности, основанной на рыночных отношениях, только осложняет определение природы этого явления. Ведь для потребителя первостепенное значение имеют сами данные, а не носитель, на котором он их получает. Покупает он именно их, хоть и оплачивает также и носитель (будь он в материальной или в электронном форме). В свою очередь, взаимодействие потребителя с данными — собственно информирование — вторичный процесс, он происходит после получения данных. В ходе такого взаимодействия данные превращаются в информацию. Услугой в этом случае можно считать именно предоставление данных, обеспечение возможности работы с ними. Уже в

дальнейшем — как результат информирования — проявляется функция ядра ИП как посредника, связывающего между собой потребителя и производителя.

Информационная природа платформ обуславливает неоднозначность в определении источника прибыли, создаваемой в результате их деятельности. Классическая политическая экономия предполагает в качестве такового труд человека. Он может носить как прямой, непосредственный, так и опосредованный в машинах и механизмах характер. В случае с информационными технологиями, на которые в своей деятельности опираются ИП, в опосредованном виде он воплощается в человеческих усилиях, вложенных в создание информационного оборудования (железо), программного обеспечения (мягкий софт), инфраструктуры передачи данных, собственно клиентской сети конкретной ИП. Однако подобный подход оставляет за пределами внимания специфику, связанную с ресурсом, на котором построена вся работа платформ, — данными, а они в этом случае играют решающую роль. Ведь наемный персонал с использованием указанных средств лишь собирает данные, формирует условия для их хранения, трансформации, ретрансляции, работы с ними. Это позволяет части исследователей приравнять данные к природным факторам производственного процесса, которые в обобщенном виде рассматриваются как фактор «земля».

Еще одно направление политэкономических исследований акцентирует внимание на роли участников сетей. Они для информационной платформы превращаются в своеобразных добровольных, бесплатных работников, по собственной инициативе создающих ценность для других клиентов ИП, обеспечивающую интерес к платформе. Причем принимают участие в ее создании как активные участники сетей, подобных Facebook, Twitter, Instagram, так и рядовые пассивные пользователи любой платформы. Признание этого факта находит отражение в высказывании: «Если ты не платишь за это, значит ты сам товар». Как побуждаемая, так и проявляемая ими активность в экосистеме ИП в дальнейшем превращается в источник данных — ресурс производства ценности для потенциальных потребителей и получения прибыли — монетизированного вознаграждения, присваиваемого платформой. Использование накопленных данных открывает возможность для извлечения ИП рентного дохода за счет монопольной позиции на созданном ею микрорынке и за счет

создания и распоряжения базами данных, представляющих коммерческий интерес для потенциальных внешних потребителей.

Информационные платформы в экономике цифры: заблудившиеся свобода и бесплатность

Круг замкнулся. ИП как инновационная институциональная форма, первоначально созданная фриланстерами для упрощения взаимодействия с потенциальными потребителями их услуг, превращается, в лучшем случае, в микромонополиста, создающего, контролирующего и эксплуатирующего собственный рынок. Закон концентрации рыночной власти в руках наиболее успешных экономических субъектов в условиях использования платформенной модели бизнеса проявляет себя еще более выражено, динамично. Достаточно вспомнить Facebook, Alibaba, Uber, Airbnb. Этим глобальным гигантам не понадобилось и десяти лет для достижения масштабов, превосходящих достижения наиболее успешных представителей ТНК, основывавших свой успех на «конвейерной модели». Аналогичные процессы происходят на национальном, региональном, отраслевом уровнях.

Парадокс заключается в том, что труд фриланстеров, обеспечивающих формирование контента, основу создания ценности упомянутых и многих других коммуникационных ИП, в лучшем случае вознаграждается лишь частично. Так, Uber, взимая комиссионное вознаграждение за оказываемую посредническую услугу, оставляет социальное и пенсионное страхование в компетенции самих водителей. Сиюминутная экономия в обществе с растущей долей самозанятых работников в случае кризисной ситуации оборачивается возрастанием рисков как для фриланстера, так и для общества в целом. Ситуация весны 2020 г. продемонстрировала это в глобальных масштабах.

Еще хуже обстоят дела с платформами, занимающимися посредничеством в сфере распространения результатов труда представителей креативных профессий. Более того, если правомерность вознаграждения ИП за предоставляемые посреднические услуги в большинстве случаев не ставится под сомнение, то с вознаграждением за контент, создаваемый участниками и предоставляемый на платформе, предопределяющий интерес к ней со стороны других пользо-

вателей, возникают огромные трудности. Они связаны как со спецификой носителя, на котором он предоставляется, так и с особенностями самого продукта.

В первом случае плохую шутку с создателями интеллектуальной собственности играет способность оцифрованных данных к неограниченному воспроизводству, дублированию и передаче на любые расстояния без потери качества. Достаточно один раз «оцифровать» продукт интеллектуального труда. Чем больше будет к нему интерес, тем потенциально больше усилий будет проложено независимыми пользователями к преодолению ограничений в его распространении. В данном случае ИП остаются лишь одним из широкого перечня инструментов такого распространения, хотя и наиболее эффективным.

Во втором случае проблема состоит в определении подхода к вознаграждению труда создателей интеллектуальной собственности, будь то музыкальное, художественное, литературное произведение, фильм, спектакль, игра, научный результат работы ученых, товарные знаки, технологические и управленческие секреты и многое другое. В случае с интеллектуальной собственностью, связанной с развитием технологий, попытка обеспечить финансовый выигрыш разработчика и владельца путем ограничения свободы их распространения выливается в конфликт «богатого Севера», перекрывающего доступ к ним, с «бедным Югом». Именно в доступе к интеллектуальной собственности просматриваются истоки зарождения в условиях формирования экономики знаний нового типа социального неравенства, стратификации общества и мировой экономики в целом на основе доступа к данным, информации, знанию [2, 421—437]. Этот же принцип неприятия ограничений на использование продукта интеллектуального труда, творческой деятельности подспудно либо открыто распространяется и на другие виды интеллектуальной собственности. Получает признание движение за «свободу» и «открытость» доступа к соответствующим ресурсам.

Показательным в контексте отношения к правам создателей интеллектуальной собственности выглядит сам термин, употребляемый в английском языке для обозначения свободы ее распространения, — «free». Ведь «free» одновременно имеет значение как свободный, так и бесплатный. Свободный доступ не только ассоциируется,

но и объединяется с бесплатным. В результате формируется парадоксальная ситуация, когда труд ИП-посредника, обеспечивающего контакт между создателем интеллектуального продукта и его потребителем легитимизируется как заслуживающий оплаты и имеет возможность монетизации результатов распространения интеллектуального контента, а труд создателя этого контента остается немонетизированным. А ведь именно труд создателей контента и обеспечивает ценность ИП для потенциальных потребителей. Показательным в этом отношении выглядит иск авторов ИП Huffington Post к бывшей владелице этой платформы. Они как создатели «свободного» контента, сделавшего популярным ИП, претендовали на часть суммы, полученной А. Хаффингтон в результате ее продажи (315 млн дол.) [12].

Абсолютного абсурда ситуация достигает в научной сфере, где создатель интеллектуальной собственности оказывается вынужден платить одновременно и за ее публикацию (размещение на платформе), и за доступ к аналогичным публикациям других исследователей. Наиболее наглядными примерами служат практика издательского дома Elsevier (база данных [Scopus](#)). Elsevier обеспечивает доступ к архивам научных статей для примерно 4500 организаций и университетов из 180 стран мира. Более 30 млн исследователей имеют доступ к данным, предоставляемым на платформе. Ежегодное количество загрузок статей измеряется сотнями миллионов. При этом средняя стоимость предоставления через интернет-сервисы Elsevier каждой статьи, при условии отсутствия подписки, превышает 30 дол. И в этом случае, и в случаях, когда подписка оформляется через научную организацию или национальное агентство, создатель научного контента в лучшем случае платит ИП или за его размещение, или за использование.

Ситуация только усугубляется тем, что индексы цитирования, рассчитываемые на основе баз данных, формируемых подобными платформами, превратились в основной инструмент определения эффективности научных исследований и рейтингования стран, научных школ, учреждений, занимающихся исследованиями, отдельных ученых, инструмент, подверженный манипулированию наукометрическими показателями [1]. Создатель научного знания оказывается в тройной зависимости от посредника, изначально скромно призванного содействовать распространению знаний, но на основе базы данных ИП, сформировавшей монопольный рынок.

Неудовлетворенность сложившейся ситуацией и поиск путей ее преодоления стимулировали развитие международного движения открытого доступа к научному знанию [5]. По инициативе его сторонников, в рамках научных программ ЕС были запущены в 2016 г. OA2020 Initiative (Берлин) и в 2017 г. План S (Брюссель). Впрочем, и они сосредоточены на вопросах обеспечения открытого доступа к научной информации и лишь частично решают проблему. Ответ на вопрос о возможности вознаграждения авторов научных публикаций, привлечших внимание читателей, остается без ответа.

Одним из вариантов решения проблемы может служить подход, предложенный корпорацией Amazon на издательской ИП Kindle, предполагающий определение потенциальной ценности для читателей предлагаемых произведений и соответствующее вознаграждение востребованных авторов.

Впрочем, и этот и другие подобные варианты лишь частично решают проблему, на системный характер истоков которой обращает внимание Ю.М. Осипов, когда говорит, что качественные перемены в современной экономике связаны с выраженным изменением онтологического значения и функциональной роли присущей экономике цифры [6, 17]. От экономики, в которой количественная рационализация была призвана обеспечить эффективность взаимодействия участников системы общественного воспроизводства, мир переходит к экономике цифры, в которой виртуализованные в цифре количественные характеристики воспроизводственного процесса приобретают приоритетное значение, подчиняют себе, делают вторичной саму реальность человеческого бытия.

Литература

1. *Жэнгра И.* Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать наукометрию. М.: НЛО, 2018.
2. *Иноземцев В.* За пределами экономического общества. М.: Academia-Наука, 1998.
3. *Лашински А.* Uber. Инсайдерская история мирового господства. М.: Изд-во Э, 2018.
4. *Моazed А., Джонсон Н.* Платформа: Практическое применение революционной бизнес-модели. М.: Альпина Паблишерс, 2019.

5. *Московкин В.* Открытый доступ к научному знанию. Голландский опыт для России // Троицкий вариант. 2019. 29 янв.: [Электронный ресурс]. URL: <https://trv-science.ru/2019/01/29/otkrytyj-dostup-k-nauchnomu-znaniyu/> (дата обращения: 23.04.2020).
6. *Осипов Ю.М.* Экономика и цифра: кто кого? // Философия хозяйства. 2018. № 2.
7. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
8. *Тощенко Ж.Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
9. *Флорида Р.* Креативный класс: Люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI, 2011.
10. *Хокинс Дж.* Креативная экономика. М.: Классика XXI, 2011.
11. Экономика знаний: Коллективная монография / Отв. ред. д.э.н., проф. В.П. Колесов. М.: ИНФРА-М, 2008.
12. *Huffington Post's Unpaid Bloggers Are Suing Arianna* // Yahoo! News: [Электронный ресурс]. URL: <https://news.yahoo.com/huffington-posts-unpaid-bloggers-taking-arianna-court-20110412-081829-782.html> (дата обращения: 22.04.2020).
13. *Rochet J.-C., Tirole J.* Platform Competition in Two-Sided Markets // Journal of the European Economic Association. 2003. Vol. 1. No. 4.

References

1. *ZHehngra I.* Oshibki v otsenke nauki, ili Kak pravil'no ispol'zovat' naukometriyu. М.: NLO, 2018.
2. *Inozemtsev V.* Za predelami ehkonomicheskogo obshhestva. М.: Academia-Nauka, 1998.
3. *Lashinski A.* Uber. Insajderskaya istoriya mirovogo gospodstva. М.: Izd-vo EH, 2018.
4. *Moazed A., Dzhonson N.* Platforma: Prakticheskoe primenenie revolyutsionnoj biznes-modeli. М.: Al'pina Pablishers, 2019.
5. *Moskovkin V.* Otkrytyj dostup k nauchnomu znaniyu. Gollandskij opyt dlya Rossii // Troitskij variant. 2019. 29 yanv.: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://trv-science.ru/2019/01/29/otkrytyj-dostup-k-nauchnomu-znaniyu/> (data obrashheniya: 23.04.2020).

6. *Osipov YU.M.* EHkonomika i tsifra: kto kogo? // *Filosofiya khozyajstva*. 2018. № 2.
7. *Stehnding G.* Prekariat: novyj opasnyj klass. M.: Ad Marginem Press, 2014.
8. *Toshhenko ZH.T.* Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu. M.: Nauka, 2018.
9. *Florida R.* Kreativnyj klass: Lyudi, kotorye menyayut budushhee. M.: Klassika XXI, 2011.
10. *KHokins Dzh.* Kreativnaya ehkonomika. M.: Klassika XXI, 2011.
11. EHkonomika znaniy: Kollektivnaya monografiya / *Otv. red. d.eh.n., prof. V.P. Kolesov*. M.: INFRA-M, 2008.

В.В. СЛЮСАРЕВ, Т.М. ХУСЯИНОВ

Человеческие ресурсы в условиях пандемии*

Аннотация. Делается попытка анализа трансформации рынка труда в условиях распространения в мире коронавирусной инфекции. Рассматриваются как основные изменения, связанные с повседневностью человека, так и то, что происходит в обществе в целом. Особое внимание уделяется тому, как технологии в условиях эпидемической угрозы получили возможность активно проникать в жизнь человека. Если раньше происходило постоянное взаимодополнение инноваторов и консерваторов, то в новых условиях позиция вторых уже не берется в расчет и технологии внедряются без долгих проверок. На этой основе рассматриваются изменения, которые претерпевает рынок труда, и его возможная дальнейшая динамика.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-011-00335 «Коэволюция естественного и искусственного как условие сохранения жизненного мира человека».

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М. Человеческие ресурсы в условиях пандемии // *Философия хозяйства*. 2020. № 3. С. 167—178.

Ключевые слова: коронавирус, пандемия, технологизация, человеческие ресурсы, рынок труда, трудовая деятельность, трудовые отношения, интернет-занятость, удаленная работа, инновации.

Abstract. In this article, the authors attempt to analyze the transformation of the labor market in the context of the spread of coronavirus infection in the world. We consider both the main changes associated with the everyday life of a person, and what is happening in society as a whole. Particular attention is paid to how technology, in the face of an epidemic threat, was able to actively penetrate human life. If earlier there was a constant clash of innovators and conservatives, then under the new conditions, the position of the latter is no longer taken into account, and the technologies are introduced without long checks. In the framework of this work, we consider what changes the labor market is undergoing, and what, possibly, awaits it in the future.

Keywords: coronavirus, pandemic, technologicalization, human resources, labor market, labor activity, labor relations, Internet employment, remote work, innovations.

УДК 1:316
ББК 87.6:60.56

Введение

Технологический прогресс стремителен. Общество, его потребляющее, инерционно. Технологии меняют мир. Культура, язык, традиции его сохраняют. Прогресс — свет цивилизации. Культура — темный уголок уюта и спокойствия. Развитие на нашей планете, в нашем мире долгое время происходило на основе взаимного дополнения этих противоречий. Технологии, «прогрессисты», инноваторы и их сторонники старались как можно быстрее изменить характер нашего мира и нашей жизни — сделать все эффективным, чистым, стерильным. Культура, консерваторы, приверженцы традиции, напротив, стремились сохранить все и вся из прошлого. Одни, стремглав неслись неведомо куда, порою сваливаясь в ямы, другие тащили за собой обоз из скреп и устоев, устаревших традиций и бессмыслен-

ных обрядов [2; 3]. Как бы каждый из нас не относился к этим направлениям, вместе они давали главное — соразмерное развитие. С одной стороны, технологии внедрялись в нашу жизнь постепенно, обдуманно, проходя длительный этап проверок, недоверия, исправления ошибок и корректировки курса. С другой — за всем этим сохранялись смысл, привычные правила и традиции, социальные контакты и этические нормы. Мир не стоял на месте, но и весь потенциал технологий и их развития не вступал в действие немедленно, без какой-то общественно-гуманитарной экспертизы. Так было на протяжении длительного времени, пока в конце 2019 г. над миром не нависла угроза в виде неизвестного вируса, получившего название COVID-19.

Появившись в Китае, он довольно быстро распространился по всему миру, поражая все большее число людей и еще большее число умов. Опасность эпидемии и масштаб информационного события потребовали принятия исключительных мер со стороны государств и общества, чтобы препятствовать распространению заболевания и снизить смертность от него, создать видимость контроля. В число принимаемых мер вошли карантинные меры, или принуждение к самоизоляции, контроль за перемещениями людей и личными контактами, ограничения работы предприятий и глобальный переход в дистанционные режимы жизни, работы и взаимодействия. Отдельно стоит отметить влияние социальных активистов, которые следят и всячески стремятся воздействовать на «нарушителей».

Введение особого режима оказало серьезное влияние на структуру экономической деятельности по всему миру. Многие предприятия столкнулись с тем, что не могут продолжать свою работу, так как не в состоянии обеспечить эпидемиологически безопасный способ перемещения своих сотрудников или клиентов и организацию рабочего пространства. Такие сферы, как туризм или индустрия красоты, оказались просто лишены средств производства своих услуг. Другие, например, работающие в сфере питания, вынуждены переориентировать свою концепцию из мест культурного досуга, общения и совместного приема пищи в простую «кулинарию на вынос» с доставкой. Третьи делают все возможное для того, чтобы максимально перевести свою деятельность в онлайн-режим и снизить зависимость от

посещения рабочего места сотрудниками, как поступили в образовательных учреждениях.

В результате подобных изменений происходят одновременно два важных, на наш взгляд, процесса. С одной стороны, в силу невозможности осуществления привычной, традиционной практики осуществления деятельности, консервативные направления терпят решительный крах. Все те, кто активно сопротивлялся внедрению новых технологий, сейчас оказались в безвыходной ситуации — они вынуждены либо эти технологии принять, либо попросту отказаться от любой деятельности в принципе. Если бы подобное случилось повсеместно (как и происходило в предыдущие эпохи в подобных ситуациях) — эффекта бы не было. Но сейчас те, кто откажется от деятельности, попросту будут выброшены за рамки экономики, так как большая часть эту деятельность продолжает. Таким образом, все оказались в некотором роде заложниками «диктатуры технократов». В то же время сам по себе человек как элемент экономики, производящий своим трудом добавочную стоимость, оказался в интересной ситуации. В ряде областей вся эта работа сводилась именно к обеспечению функционирования других «на местах»; в иных сферах — рабочие места сохранялись по инерции, в рамках традиционно сложившихся отношений. Но в современных условиях и тех и других заменяют алгоритмы, программы и терминалы самообслуживания — люди оказываются попросту не нужны. Так, по последним прогнозам Международной организации труда (МОТ), из-за последствий общественных трансформаций, вызванных COVID-19, рост безработицы в мире достигнет почти 200 млн человек [7] (или около 6% всего трудоспособного населения планеты), что станет беспрецедентным случаем в новейшей истории. Роль отдельного человека в экономике меняется, и представляет особенный интерес для исследования.

Исторические предпосылки и технологические гиперссылки

Мир не впервые сталкивается с эпидемиями. Пандемии, уничтожившие до четверти всего населения планеты, зафиксированы в мировой истории [8; 9]. Тем не менее современное положение дел несколько отлично от предыдущих. Прежде всего, современный мир отличается невиданной ранее плотностью коммуникаций. Если ранее новости преодолевали расстояние вместе с физическими объектами и

вдоль торговых путей, то сейчас это происходит со скоростью света и всесторонне. Более того, сами люди (наиболее опасный переносчик болезни) сейчас перемещаются со скоростями, близкими к скорости звука. Таким образом, мир был превращен в единую глобальную деревню (М. Маклюэн), слухи по которой распространяются с невиданной быстротой, а болезнь от них не слишком отстает [4]. Эти факторы порождают своеобразную цепную реакцию с неожиданными последствиями.

Мир узнал о распространении вируса практически мгновенно. Сам факт, подтверждающий его реальность, придет несколько позже, а случаи реального заражения — хоть и достаточно быстро в сравнении с прошлым — с определенной задержкой. Скорость распространения этих явлений можно сравнить с молнией (информационным сообщением) и громом (реальным вирусом). Но, как и следовало ожидать, в любой деревне слухам верят больше, чем реальному положению дел. Одновременно с распространением информации о вирусе за пределами первоначального очага в обществе стало нарастать напряжение. Нагнетание информационной обстановки породило необходимость предпринимать реальные действия — запастись продуктами, обеспечить изолированность, гарантировать собственную эпидемиологическую безопасность. Зачем, если реальность настойчиво нам говорит об отсутствии угрозы? Потому что подлинная реальность уже давно дополнена, а частично и замещена реальностью коммуникативной, цифровой, виртуальной. Повышенная активность граждан неизменно приводит к необходимости реакции власти. Будучи выборной, власть должна реагировать на настроения своего электората и деятельностью постоянно доказывать свою необходимость и состоятельность, гарантировать алиби в бытии социального.

Таким образом, получается ситуация, когда и общество, и власть реагируют на реальную угрозу превентивно. С одной стороны, это несет в себе невероятный плюс, так как способствует интенсивному и успешному сопротивлению эпидемиологической угрозе. С другой — появляются два неожиданных и достаточно интересных аспекта. Принимаемые меры требуют от людей соблюдать жесткие правила, идти на ограничения, регламентировать себя во вполне реальной повседневной жизни. При этом с угрозой как таковой они

сталкиваются исключительно в мире информационно. Это становится некоторым самооправданием для нарушения ограничений и подозрения в отношении властей. Возникает эффект «мальчика, который кричал: “Волки, волки!”» — в реальность угрозы никто не верит до тех пор, пока они не становятся самоочевидным и, увы, предпринимать меры уже поздно. Иными словами, чрезмерная превентивность, вызванная информационными процессами, оказывает обратный эффект.

Другим немаловажным аспектом является тот факт, что нынешняя пандемия глобальна не только в пространстве, но и во времени — в отличие от предыдущих случаев, когда один очаг заражения сменялся другим, двигаясь во времени, продолжая эпидемию и ухудшая ситуацию, в современности очагом заболевания фактически является весь мир в один момент времени. Как результат, это закладывает предпосылки для успешного и быстрого (в историческом масштабе) преодоления пандемии. Что, в свою очередь, приводит нас к наиболее важной и опасной угрозе кардинальных трансформаций в мире.

В ситуации любой пандемии прошлого были характерны как высокая смертность и ограничения на работу (сокращение рабочей силы), так и связанное с этим падение объемов производства. Однако по окончании эпидемии производство, обращаясь к новым технологиям, достаточно быстро восстанавливалось и, более того, переходило на новый уровень эффективности труда. В качестве примера можно проследить динамику роста стоимости зерна во времена «черной смерти» (пандемии чумы). При этом, нужно понимать, что высокая смертность приводила к формированию глубокой демографической ямы, преодоление которой было невозможно в горизонте целых столетий. Это приводило к росту цен на рынке труда — каждый отдельный человек ценился выше, чем до пандемии. В современной же ситуации время применения инструментария изменилось, сохранив при этом экономическую суть пандемии. Как и раньше, параллельно с распространением болезни происходят сокращение рабочей силы и спад производства. Однако новые технологии используются не после, а непосредственно во время бедствия. Благодаря этому, с одной стороны, нам скорее всего, удастся избежать больших жертв и обеспечить более плавный провал в производстве. Но, с другой, нас ждет

радикальное изменение рынка труда. Пандемия, как и раньше, вызовет рецессию экономики в целом, но при этом сохранится численность трудоспособного населения и изменятся средства производства, что приведет к масштабным социально-экономическим рискам.

Удаленная работа или удаление с работы

В этих условиях целый ряд предприятий, где по-прежнему основная работа выполнялась людьми или же их присутствие было необходимо, не может продолжать свою деятельность, в то время как для некоторых отраслей, которые связаны с борьбой с вирусом и жизнеобеспечением, а также для тех, которые завязаны на непрерывном производстве — выплавке металла, например, — данные ограничения отсутствуют. Даже обанкротившиеся предприятия, чья продукция необходима в условиях эпидемии, начинают активную деятельность, как это произошло с Орским заводом синтетического спирта [1]. Однако и для них это должно стать сигналом о необходимости развития дистанционного управления.

Все это значительно меняет структуру занятости, выводя на первые места те профессии, которые помогают в решении проблемы коронавируса, а также поддержании жизнеобеспечения в условиях самоизоляции. Приобретает большое значение деятельность, которая может реализовываться дистанционно, при этом пользуется спросом широкий спектр услуг: программирование и дизайн, так как аудитория в сети становится все больше, и это поле для новых интернет-проектов; сектор развлечения и спорта, так как люди проводят все больше времени дома, лишаясь привычных практик потребления; а также тех, кто может оказывать различные консультационные услуги. Подобный переход заставляет оптимизировать процессы, отчетливо показывая, кто и как непосредственно влияет на производственные процессы. Сами собой определяются те, кто продолжает формировать повестку дня, и те, чья работа сводится к простому присутствию.

Повышенный спрос на удаленную работу должен оказать влияние на отношение к работающим из дома, так как наблюдалось негативное отношение к такой форме профессиональной деятельности, как интернет-занятость, причем прежде всего со стороны родных. Они, как правило, не воспринимали то, что делается дома, как что-то

действительно значимое. Нередко подобные ситуации приводили к конфликтам внутри семьи [5]. Теперь же все возможные сферы деятельности переводятся на удаленный формат — образование, государственное управление, администрирование и проч. Вместе с этим меняется и отношение к удаленной работе, и все больше людей испытывают на себе новый формат. При этом те, кто не способен адаптироваться к новым цифровым условиям, сталкиваются с серьезной проблемой, вплоть до потери работы или ухода в неоплачиваемый отпуск. Если раньше они могли сослаться на отсутствие необходимости или неприемлемость процессов информатизации, в том числе противостоя им, теперь теряют возможность работать в своей сфере, так как эпидемия коронавируса позволила ворваться технологиям в самые консервативные сферы и институты, не оставляя возможности им сопротивляться.

Те, кто не готов перестраиваться, вынужден на время самоизоляции закрываться, и если государственные организации могут обеспечить своим сотрудникам гарантированную заработную плату на весь этот период, то негосударственные сталкиваются с проблемой оплаты труда.

Пока далеко не все руководители готовы к тому, чтобы переводить своих сотрудников на удаленную работу. Однако, как демонстрируют результаты опроса СПС «Гарант» (23 — 29 марта 2020 г.), 30% уже переведены на новый формат работы, еще 12% отметили, что сейчас изучаются правовые вопросы данного перехода. 4% участвуют в неотложных работах по борьбе с пандемией. Остальные респонденты отметили, что их руководство либо считает переход в удаленный формат невозможным, либо готово сделать это только в крайнем случае [10]. Работодатели, отказывающие своим работникам в возможности дистанционной работы, могут не только потерять их, так как все больше людей предпочитают заботиться о своем здоровье, но и потерпеть серьезные убытки. Планирование же в условиях эпидемии довольно проблематично, и разрешение работать сейчас не означает, что уже завтра не будет введен полный карантин с ограничением любой деятельности. Те же, кто уже столкнулся с ограничением своей деятельности, либо вынужден отправлять своих сотрудников в неоплачиваемый отпуск, либо настаивать на их увольнении.

В этих условиях значительный рост получают разного рода шеринговые сервисы и платформы, которые позволяют получать товары и услуги, не посещая магазины или получая их от других участников. В условиях ограничений на посещение заведений питания или ограничений перемещений по городу большой рост получили сервисы доставки еды или такси. При этом они также вводят специальные опции (бесконтактная доставка, дезинфекция салона автомобиля после каждого клиента и т. д.), чтобы защитить как своих сотрудников, так и клиентов, повышая лояльность к своему бренду и продолжая получать прибыль.

Несомненно, что после окончания эпидемии вновь откроются закрытые на период самоизоляции заведения, однако не все смогут вновь вернуться к работе, так как оказались не способны перестроиться и оптимизировать свои процессы, терпя убытки, не совместимые с продолжением деятельности.

При этом даже те, кто уже перешел на систему доставки, испытывают экономические проблемы, что приводит к активизации мало популярного в России феномена краудфандинга-софинансирования, в данном случае нацеленного на продолжение работы заведений питания, а следом за ними — индустрии красоты и т. д. Они предлагают своим клиентам вложить деньги в сохранение их бизнеса, приобретя сертификат, который после окончания режима самоизоляции можно будет потратить на заказ на большую сумму [4]. Таким образом, бизнес ищет пути снижения своих убытков, рассчитывая прежде всего на поддержку клиентов. Взаимопомощь и сотрудничества становятся важной ценностью, лежащей в основе экономики совместного пользования, которая также получает в существующих условиях новый толчок, как и все инновационное.

Заключение

Коронавирус уже оказал значительное влияние на мир и повседневность каждого человека. Создание новой повседневности в условиях пандемии привело к трансформациям в социально-трудовых отношениях. В то время как сферы, которые активно развивались и не испытывали серьезных экономических рисков, стали менее актуальны, организации вынуждены ограничить или прекратить свою деятельность до окончания режима самоизоляции, другие же, которые

ранее были на периферии или не получали должного внимания, стали актуальны. То же самое произошло и с организацией самого труда. Традиционные формы занятости, связанные с работой по графику в помещении, предоставленном работодателем, несмотря на постепенное сокращение все равно занимали значительную долю рынка труда, в один момент «сдались» атипичным (нестандартным) формам организации деятельности. Все большее число сотрудников переводится на удаленную работу. Огромный сектор образования, многие административные и деловые функции также реализуются по средствам сети. Все это показывает не только возможность и допустимость подобных преобразований, но и экономическую целесообразность некоторых из них, а также позитивное влияние на экологию.

Несомненны и негативные аспекты, связанные как с тем, что далеко не каждый способен работать в новых форматах, так и с тем, что не всякая деятельность может стать удаленной. Однако эпидемия дала значительный толчок развитию профессиональной деятельности и по форме, и по содержанию. Актуализировались платформы шеринговой экономики, предоставляющие как возможности получения каких-то товаров, так и услуг. Причем не только привычных, связанных с едой или транспортом, которые уже получили достаточное распространение, но и связанных с развлечениями, обучением, разными видами консультирования.

При этом на передний план вышла проблема автоматизация различных процессов, как промышленных, так и бытовых. Самоизоляция порождает большой запрос на возможность неучастия человека в деятельности. Это связано как с использованием роботизированных систем в производстве, так и с доставкой товаров посредством дронов, с целью исключить социальные контакты, а значит, и снизить вероятность распространения вируса.

Мир в ситуации «до» и «после» — это разные миры и разные меры. Сложившаяся в современности шаткая соразмерность технологичности и традиционности окажется окончательно нарушенной. Весь технологический потенциал, заложенный в науке, технике, прогрессе, наконец-то получил достаточный катализатор для резкого скачка. Для постсоветского пространства, да и коммунистического блока в целом, это знакомая ситуация резкой смены общественного и технологического уклада, через которую мы прошли в конце

1980-х — начале 1990-х гг. Это в некотором смысле вселяет надежду на нашу стойкость к переменам. Что же касается остального мира — очевидно, нынешнему поколению еще только предстоит узнать, насколько коварными и обманчивыми для каждого могут быть блага технологического прогресса. В целом, остается надеяться на здравомыслие тех, кто отвечает за сохранность нашей планеты от общемировой катастрофы, и радоваться тому, что пусть и временная приостановка человеческой активности способствует регенерации природы. А дальше — дальше время все расставит по своим местам...

Литература

1. Завод синтезспирта в Оренбуржье возобновил работу из-за коронавируса // ИА REGNUM: [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2912140.html> (дата обращения: 10.04.2020).
2. *Кутырёв В.А., Нилогов А.С.* Об экспансии высоких (пост-человеческих) технологий, ее перспективе, их творцах и жертвах // *Философская мысль*. 2014. № 1. С. 164 — 202.
3. *Кутырёв В.А.* Культура и технология: борьба миров: Монография. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 247 с.
4. *Маклюэн Г.М.* Понимание медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. 4-е изд. М.: Кучково поле, 2014. 464 с.
5. Сервис «Будем!»: [Электронный ресурс]. URL: <https://budem.tokenomica.com/> (дата обращения: 10.04.2020).
6. *Хусяинов Т.М.* Стигматизация самозанятых Интернет-работников: проблема восприятия атипичной занятости в обществе // *Актуальные проблемы социальной психологии*. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2017. С. 66 — 70.
7. ILO: COVID-19 causes devastating losses in working hours and employment // International Labour Organization (ILO): [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_740893/lang--en/index.htm (дата обращения: 10.04.2020).

8. *Herlihy D.* The Black Death and the Transformation of the West. N. Y.: Harvard University Press, 1997. 117 p.
9. *Rosen W.* Justinian's Flea: Plague, Empire, and the Birth of Europe. N. Y.: Penguin USA, , 2007. 367 p.
10. 70% респондентов пока не предоставлена возможность работать из дома // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/ia/research/1334560/> (дата обращения: 10.04.2020).

References

1. Zavod sintezspitra v Orenburzh'e vozobnovil rabotu iz-za koronavirusa // IA REGNUM: [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2912140.html> (data obrashheniya: 10.04.2020).
2. *Kutyryov V.A., Nilogov A.S.* Ob ehkspansii vysokikh (postchelovecheskikh) tekhnologij, ee perspektive, ikh tvortsakh i zhertvakh // *Filosofskaya mysl'*. 2014. № 1. S. 164 — 202.
3. *Kutyryov V.A.* Kul'tura i tekhnologiya: bor'ba mirov: Monografiya. M.; Berlin: Direkt-Media, 2015. 247 s.
4. *Maklyuehn G.M.* Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka / Per. s angl. V. Nikolaeva. 4-e izd. M.: Kuchkovo pole, 2014. 464 s.
5. Servis «Budem!»: [Электронный ресурс]. URL: <https://budem.tokenomica.com/> (data obrashheniya: 10.04.2020).
6. *KHusyainov T.M.* Stigmatizatsiya samozanyatykh Internet-rabotnikov: problema vospriyatija atipichnoj zanyatosti v obshhestve // Aktual'nye problemy sotsial'noj psikhologii. Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2017. S. 66 — 70.
7. 70% respondentov poka ne predostavlena vozmozhnost' rabotat' iz doma // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/ia/research/1334560/> (data obrashheniya: 10.04.2020).

Т.В. АЛЕКСАШИНА, В.И. СМАГИНА, И.И. СМАГИН

К вопросу о цифровой трансформации системы управления персоналом в транспортной сфере*

Аннотация. Под влиянием цифровизации содержание бизнес-процессов существенно трансформируется. Не исключением являются и кадровые процессы: часто в процессной бизнес-модели организации они не относятся к основным бизнес-процессам, но вместе с тем присутствуют во всех структурных подразделениях и в условиях цифровой трансформации берут на себя функцию ретрансляции информации от более высоких иерархических уровней управления. Представлен подход к концептуализации понятия цифровой нагрузки на примере HR-работников крупной транспортной компании и различных разрывов, сопряженных с характеристиками цифровой зрелости системы управления персоналом предприятия. В ходе анализа выявлены факторы работы HR-специалистов ОАО «РЖД» для определения тех из них, которые обеспечивают удобную цифровую среду для HR-специалистов и создают возможности перехода на более высокий уровень развития в условиях корпоративной цифровой трансформации как отдельного функционального блока, так и всей организации, способствуя высокому качеству HR-процессов и их существенному вкладу в показатели эффективности бизнеса.

Ключевые слова: цифровая трансформация, уровни цифровой зрелости, цифровая нагрузка, экономика железнодорожного транспорта.

Abstract. Under the influence of digitalization, the content of business processes is substantially transforming. HR-processes are no exception, often in the organization's process business model they are not related to the main business processes, but at the same time they are present in all structural divisions and, in the conditions of digital transformation, take over the function of relaying information from higher hierarchical

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Алексашина Т.В., Смагина В.И., Смагин И.И. К вопросу о цифровой трансформации системы управления персоналом в транспортной сфере // Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 179—190.

levels of management. The article presents an approach to the conceptualization of the concept of «digital workload» on the example of HR- workers of a large transport company, and various gaps associated with the characteristics of the digital maturity of the personnel management system of the enterprise. In the course of the analysis, the factors of the work of HR-specialists of Russian Railways OJSC were identified to identify those that provide a convenient digital environment for HR specialists and create opportunities for transition to a higher level of development in the conditions of corporate digital transformation of both a separate functional unit and the entire organization, contributing to the high quality of HR-processes and their significant contribution to business performance indicators.

Keywords: digital transformation, levels of digital maturity, digital load, railway economics.

УДК 656.073, 005.95
ББК 39.17, 65.291.6

Активную фазу внедрения и развития цифровых технологий в деятельности наравне с телекоммуникационными компаниями, банковской сферой демонстрируют железнодорожный транспорт [3] и ключевой игрок для данного сектора — ОАО «РЖД». По экспертным оценкам, экономический эффект от цифровой трансформации для компании составит 150 млрд р., а для экономики страны и партнеров положительные внешние экстерналии, по разным оценкам, — от 400 до 500 млрд р. [1]. Масштабы цифровой трансформации ОАО «РЖД» впечатляют. Стратегией предусмотрена реализация свыше 50 проектов, ориентированных на применение передовых отечественных инновационных разработок на базе таких цифровых технологий, как хранение и управление «большими данными», распределенные реестры, промышленный интернет вещей, квантовые вычисления и др. [2].

Наша гипотеза предполагает, что цифровая трансформация управления персоналом внутри предприятия проходит неравномерно и определяется уровнем развития цифровой зрелости кадровых бизнес-процессов, которые могут варьироваться на разных уровнях управления и зависят от уровня подразделения в структуре компании, что выражается в степени цифровой нагрузки HR-специалистов

и в точках разрыва, которые могут быть трансформирующимися или деструктивными и иметь неодинаковую силу воздействия.

В исследовании приняли участие 40 работников компании. Около 50% — респонденты в возрасте от 35 до 44 лет и со стажем работы десять и более лет — 59%. Более 80% опрошенных знакомы со Стратегией цифровой трансформации ОАО «РЖД» до 2025 г., у 25 % опрошенных уровень знания и понимания стратегических установок и корпоративных ценностей соответствует ожиданиям, 55% — понимают и принимают к действию данный документ; более 50% респондентов владеют цифровыми компетенциями, большая часть (75%) занимают руководящие должности. Стоит отметить, что присутствует значительное расхождение по этапам цифровизации в зависимости от занимаемой должности. Более подробно понимание целей цифровизации сотрудниками и уровень владения цифровыми компетенциями в разрезе их категорий представлены в табл. 1.

Таблица 1

Понимание целей цифровизации и владение цифровыми компетенциями в разрезе категорий сотрудников организации

	Специалист сектора/отдела службы управления персоналом, %	Руководитель сектора/отдела службы управления персоналом, %	Начальник службы управления персоналом, заместитель начальника линейного предприятия по социально-кадровым вопросам, %
<i>Знание и понимание стратегических установок и корпоративных ценностей</i>			
Не соответствует ожиданиям	20	29	0
Требуются улучшения	65	57	17
Соответствует ожиданиям	10	14	33
Превосходит ожидания	5	0	50

Продолжение табл. 1

<i>Владение цифровыми компетенциями</i>			
Уровень понимания	80	29	0
Базовый уровень	5	43	67
Средний уровень	10	7	17
Сильный уровень	5	21	17

Источник: составлено авторами.

Распределение мнений респондентов, связанных с характеристикой кадровых бизнес-процессов в разрезе определения цифровой зрелости системы управления персоналом предприятия, представлено на рис. 1.

На первом месте, ожидаемо, кадровые бизнес-процессы характеризуются регламентацией основных функциональных блоков и концентрацией принятия решений на верхнем уровне. В меньшей степени, но наблюдается переход к сервисной модели управления персоналом. Интересно, что если сравнивать с теоретическими подходами и исследованиями других ученых [4] и синхронизировать полученные результаты с типами цифровой зрелости, нельзя однозначно выделить этап цифровой зрелости компании.

Тенденцию изменения объема нагрузки в сторону увеличения в рамках реализации концепции цифровой трансформации управления персоналом отметили 87,5% опрошенных работников. Цифровую перегрузку респонденты связали со следующими характеристиками, которые стоит рассмотреть подробнее в разрезе категорий респондентов (табл. 2).

Мы видим, что высокий уровень цифрового перегруза наблюдается на всех рассматриваемых уровнях в компании, однако наибольшие значения — у руководителей секторов и отделов, а не на более высоком уровне управления. Отчасти это результат неравномерности проявления цифровизации кадровых процессов на различных уровнях. Вместе с тем специалисты функциональной подсистемы управления персоналом, находясь на более низком этапе цифровизации, еще не успели испытать на себе цифровой «перегруз».

Рис. 1. Характеристика кадровых бизнес-процессов Компании, %: составлено авторами

Таблица 2

Характеристики цифровой перегрузки в разрезе категорий сотрудников

Характеристики цифровой перегрузки	Распределение ответов респондентов по категориям		
	Специалист сектора/отдела службы управления персоналом, %	Руководитель сектора/отдела службы управления персоналом, %	Начальник службы управления персоналом, заместитель начальника линейного предприятия по социально-кадровым вопросам, %
Постоянная включенность в рабочий процесс (режим 24x7)	65	92,9	83,3
Большой объем информационного шума и отвлекающих факторов	65	57,1	50
Среднее арифметическое значение	65	75	67

Источник: составлено авторами.

Изучение факторов, связанных с цифровой нагрузкой в профессиональной деятельности у кадровых работников, вовлеченных в цифровизацию управления персоналом компании, дало следующие результаты. (Ранжированный список выборов респондентов по этому вопросу представлен в табл. 3.)

Таблица 3

**Факторы, связанные с цифровизацией,
и частота возникновения на рабочем месте**

	Факторы, связанные с цифровиза- цией, %	Часто возни- кают на рабочем месте, %	Отклоне- ние, %
Дублирование информации, например, необходимость ведения совмещенного учета на бумаге и в автоматизированной системе	83	85	-3
Упрощение выполняемых процедур	70	70	0
Постоянная «включенность» в рабочий процесс	68	80	-13
Множество автоматизированных систем управления, неинтегрированных в общую информационную систему	65	70	-5
Минимизации ошибок в результате человеческого фактора	65	55	10
Простота и точность получения информации	63	60	3
Большой объем неструктурированных данных, например, индивидуальных неалгоритмизированных запросов от пользователей	63	68	-5
Множество каналов связи	60	55	5
Длительный процесс получения информации и бюрократизация процессов	60	75	-15

Продолжение табл. 3

Расширение возможностей планирования и контроля	58	63	-5
Отсутствие нужных программ и приложений	55	50	5
Отсутствие понятных инструкций для выполнения задачи	55	50	5
Увеличение организационных разрывов (узких мест в деятельности структурных подразделений)	53	53	0
Проявление поведения «усталость от изменений/нововведений»	53	63	-10
Отсутствие видения и понимания процессов цифровизации в компании на моем уровне	48	50	-3
Падение личной производительности (результативности) труда	48	33	15
Слабое взаимодействие между подразделениями	45	55	-10
Отсутствие нужных данных для выполнения задач	43	53	-10
Частые поломки оборудования	38	40	-3
Напряженные отношения в коллективе	38	45	-8
Свободное время для более творческих задач	35	40	-5
Усиливающаяся вероятность поиска нового рабочего места	30	50	-20

Источник: составлено авторами.

Для максимального положительного отклонения характерно, что у респондентов цифровые факторы в рабочем процессе появляются не часто, а отрицательное отклонение совместно с негативным последствием фактора говорит о факторе риска торможения перехода к более высокому этапу цифровой зрелости организации.

Респонденты почти единогласно (83%) связывают процесс цифровой трансформации на предприятии с дублированием информации. Наблюдается 25% повторов от разных адресатов, ситуация осложняется необходимостью ведения совмещенного документооборота на бумаге и в автоматизированной системе.

Большинство параметров цифровой нагрузки связаны и с информационный перегрузом работников, но в различной степени, наибольший же разрыв — в снижении личной производительности. Вместе с тем 70% опрошенных не связывают цифровые процессы и вероятность поиска нового места работы. Это может быть скрытым сигналом для компании снижения лояльности сотрудников и, как следствие, проявления оппортунистического поведения.

Таким образом, неопределенность цифровой трансформации в большей степени связана с барьерами организационно-управленческого характера, и в меньшей — с социальным фактором.

Таблица 4

Выбор цифровых кадровых сервисов по частоте востребованности

Цифровые кадровые сервисы	Доля респондентов по частоте востребованности		
	Часто (раз в неделю и чаще), %	Редко (раз в месяц и реже), %	Никогда, %
Работа с сервисным порталом	64	31	5
Использование электронного документооборота	87	10	3
Работа в АСУ	12	28	60
Обучение на электронной платформе	33	62	5
Работа с карьерным порталом	13	38	49
Формирование HR-дашбордов (HR-отчетности)	33	26	41
Использование автоматизированных инструментов оценки персонала	49	28	23

Источник: составлено авторами.

В ходе проведенного исследования выявлена неравномерность осуществления цифровой трансформация управления персоналом внутри предприятия, связанная в первую очередь с неопределенностью требований и ожиданий. Сохраняется несоответствие субъективной оценки уровня цифровых компетенций и понимания стратегических целей и задач цифровизации в организации.

Первая точка разрыва — это уровень структурного подразделения компании: среди рядовых сотрудников часто отсутствует понимание целей цифровизации и конкретных требований к навыкам. Наблюдается и несоответствие субъективного уровня компетенций и понимания целей и задач цифровизации в организации на линейном уровне: часть линейных руководителей не знакомы со стратегией цифровой трансформации компании, вместе с тем почти половина из них заявляет о наличии требуемых цифровых компетенций. Для сравнения — на уровне дирекций знание стратегии и соответствие компетенциям выполняются полностью. Среди специалистов подавляющее большинство не знакомы со стратегией, не видят у себя и не понимают содержания требуемых цифровых компетенций, причем здесь нет линейной зависимости от стажа и возраста. Опровергнуто мнение, согласно которому руководители в большей степени вовлечены в процессы цифровой трансформации HR, чем рядовые сотрудники, которые не связывают профессиональную деятельность лишь с исполнением задач и заданий от руководителей.

Второй точкой разрыва является разброс по элементам цифровых сервисов. Не востребованы большей частью три группы показателей цифровых кадровых сервисов: формирование HR-дашбордов (HR-отчетности), работа на карьерном портале, работа в АСУ (автоматизация управления движения сотрудников и мотивацией). Часть сотрудников с различной частотой используют данные сервисы, а часть говорит об отсутствии возможностей доступа к ним (табл. 4).

Основные факторы цифрового перегруза в работе связаны с дублированием бизнес-процессов. Практически отсутствуют заявления о поломках оборудования и о необходимости в дополнительных программах и приложениях, что может сигнализировать о том, что уровень автоматизации пройден. О точках роста и возможностях повышения уровня цифровой зрелости в компании говорит наличие в работе большого объема неалгоритмизированных данных и автома-

тизированных систем управления, не интегрированных в общую информационную систему. Вместе с тем необходимо дополнительное изучение влияния социальных факторов внутри организации, на которые, по мнению сотрудников, цифровизация повлияет не в силах (вероятность поиска нового рабочего места, проявление поведения «усталость от изменений/нововведений» и отсутствие свободного времени для творческих задач) и которые могут сигнализировать о высоком уровне эмоционального выгорания (что требует дополнительной проверки в рамках дополнительных исследований). Также для перехода на более высокую степень цифровизации системы управления персоналом требуется внимательное изучение выявленных организационно-структурных особенностей, с которыми часто сталкиваются сотрудники: слабое взаимодействие между подразделениями и длительный процесс получения информации.

Литература

1. Бахур В. В России утвержден план строительства «цифровой железной дороги» // CNEWS (издание в сфере корпоративных информационных технологий). 21.03.2019: [Электронный ресурс]. URL: https://cnews.ru/news/top/2019-03-21_rzhd_poluchila_plan_stroitelstva_tsifrovoj_zheleznoj (дата обращения: 11.04.2020).
2. Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 22.11.2008 № 1734-р (ред. от 12.05.2018) // СПС Консультант Плюс: [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82617/ (дата обращения: 11.04.2020).
3. Пять факторов, влияющих на развитие транспортно-логистической отрасли // Обзор тенденций развития транспорта и логистики в 2019 году. Международная консалтинговая компания PricewaterhouseCoopers (PWC): [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.ru/ru/transportation-logistics/assets/obzor-tendentsiy-razvitiya-transporta-i-logistiki-v-2019.pdf> (дата обращения: 11.04.2020).
4. Digital Maturity Audit // Urban Sky Digital: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.urbansky.digital/> (дата обращения: 11.04.2020).

References

1. *Bahur V.* V Rossii utverzhden plan stroitel'stva «cifrovoj zheleznoj dorogi» // CNEWS (izdanie v sfere korporativnyh informacionnyh tehnologij). 21.03.2019. [Jelektronnyj resurs] URL: https://cnews.ru/news/top/2019-03-21_rzhd_poluchila_plan_stroitelstva_tsifrovoj_zheleznoj (data obrashhenija: 11.04.2020).
2. Ob utverzhenii Transportnoj strategii Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda: Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 22.11.2008 No. 1734-r (red. ot 12.05.2018) // SPS Konsul'tant Pljus: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82617/ (data obrashhenija: 11.04.2020).
3. Pjat' faktorov, vlijajushhih na razvitie transportno-logisticheskoy otrasli // Obzor tendencij razvitija transporta i logistiki v 2019 godu. Mezhdunarodnaja konsaltingovaja kompania PricewaterhouseCoopers (PWC): [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.pwc.ru/ru/transportation-logistics/assets/obzor-tendentsiy-razvitiya-transporta-i-logistiki-v-2019.pdf> (data obrashhenija: 11.04.2020).

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

А.А. ТАРАСОВ

NBIC-вирус пандемического контроля: quo vadis?*

Аннотация. Коронавирус (COVID-19) эпохи NBIC- (нано-био-инфо-когно) технологий «конвергенции» — это первый в истории NBIC-вирус, т. е. не только биологический, но одновременно нано-инфо-когно-вирус. Все фазы «конвергенции» готовили почву для его появления. NBIC-технологии и NBIC-вирус являются порождением так называемого инновационного режима (по сути сциентистского) функционирования науки. Текущая пандемия — следствие того, что люди оказались лишены истории, в результате чего та возвращается к ним в облики вируса. Одна из важнейших причин этого — торжество тейлоризма, вызывающего эпилепсию общественного сознания. Более конкретным его механизмом сегодня становятся системы социального кредита (рейтингования), связанные с трансформацией менеджмента в так называемый контроллинг. Тем самым причина заболевания оказывается «главным лекарством», панацеей! В более фундаментальном смысле все это — следствие подмены «антропоцентрического» мировоззрения «антропоморфическим».

Ключевые слова: коронавирус (COVID-19), NBIC-вирус, инновационный режим, конец истории, тейлоризм и эпилепсия, радикальный инкрементализм, системы социального кредита (рейтингования), конвергенция как метонимия, сциентизм, контроллинг, антропоморфизм/антропоцентризм, корпоративный сенсориум, Паноптикум/паноптизм.

Abstract. The coronavirus (COVID-19) of the era of NBIC- (nano-, bio-, info-, cogno-) «converging technologies» is the first ever NBIC-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20 — 011 — 00173.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Тарасов А.А. NBIC-вирус пандемического контроля: quo vadis? // Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 197—207.

virus. Not only a biological one, but also a nano-info-cogno-irus. All phases of «convergence» prepared the ground for its appearance. NBIC-technologies and the NBIC-virus are the products of the so called innovation mode of science functioning (in fact, scientific). The current pandemic is the result of people being deprived of history, which returns to them in the guise of a virus. One of the most important reasons for this is the triumph of taylorism, which causes epilepsy of the public consciousness. Social credit (rating) systems related to the transformation of management into so called controlling are becoming a more concrete mechanism of this process. Thus, the cause of the disease turns out to be the «main remedy», nostrum, or panacea! In fundamental sense, all this is a consequence of replacing the «anthropocentric»worldview with the «anthropomorphic» one.

Keywords: coronavirus (COVID-19), NBIC-virus, innovation mode, end of history, taylorism and epilepsy, radical incrementalism, social credit (rating) systems, convergence as a metonymy, scientism, controlling, anthropomorphism/anthropocentrism, corporate sensorium, Panopticon/panopticism.

УДК 101.1
ББК 87.5, 87.6, 60.83

[Спойлер: я вовсе не считаю, что коронавируса нет... (А.А. Тарасов)]

Уникальность угрозы, с которой сегодня столкнулись люди, заключается в том, что этот самый коронавирус (COVID-19) — первый в истории не только и не столько биологический вирус, но одновременно и, может быть, даже в первую очередь, информационный, когнитивный, нано-вирус. Если в условиях 4-й промышленной революции говорят о NBIC- (нано-био-инфо-когно) технологиях конвергенции, то сегодня мы соответственно имеем дело с NBIC-вирусом, действующим одновременно во всех четырех сферах, формах, ипостасях (N-B-I-C). И еще не факт, что именно био-ипостась здесь самая главная... Тогда о болезни какого «тела» нужно говорить? Оказывается, не столько биологического тела индивидуумов, хотя людей, разумеется, жалко, сколько о корпоративном теле бизнеса, государства, общества и т. д. Этот новый NBIC-вирус поражает, прежде

всего, информационно-нано-когнитивную проекцию человека (человечества, человечности). Источник цепных (= вирусных = вир(т)уальных) реакций — NBIC-технологии, порождающие NBIC-вирусы, с которыми предлагается бороться с помощью NBIC-технологий и т. д. по замкнутому контуру. Это и есть конвергенция!

Первым о «технологиях конвергенции» говорил еще Анри Сен-Симон в 1814 г. в своей работе «Реорганизация европейского общества» — об их применении с целью создания на территории Европы «единого бессмертного тела» — «корпорации», управляемой инженерами из Политехнической школы Парижа. Эту идею перенял у него Огюст Конт и все приверженцы социальной инженерии, а затем, с начала XX в., — Фредерик Тейлор и «научный менеджмент», в котором, как известно, научного — почти ничего, зато максимальная концентрация «сциентизма» (его кульминация!). Неслучайно все эти процессы резко ускоряются именно с конца XIX в., когда социология и все бихевиористские науки перестраиваются по образцу эпидемиологии в ответ на стремительное развитие капитализма и демократии.

Совершенно неслучайно, что две науки — социология и биология — получили свои названия практически одновременно (от Огюста Конта и Жана Ламарка соответственно) — в начале — первой половине XIX в., поскольку являются двумя сторонами одной медали, или зеркальными отражениями друг друга. *ОРГА*Низм (биология) и *ОРГА*Низация (социология) — однокоренные слова! Конвергенция «*ОРГА*Низма» и «*ОРГА*Низации», когда первые становятся искусственными, вторые — оживают, есть метонимия — замена целого и простых элементов, сознания и бессознательного.

Далее, как известно, следует идея о конвергенции капитализма и социализма, первоначально высказанная Питиримом Сорокиным в 1944 г. И опять же главным основанием сближения двух противоборствующих систем был (сформулированный в абсолютно троцкистском духе) именно «третий (менеджерный) класс» с его идеалом «перманентной революции».

В этой историко-идеальной последовательности нередко из поля зрения выпадает одна важная фигура — Уоррен Уивер (Warren Weaver), который в первую очередь известен как один из соавторов

теории информации, наряду с Клодом Шенноном, но также и молекулярной биологии, науки, идущей, по словам ее создателя, «по краю неопределенности» (edge of uncertainty) — между живым и неживым, сознательным и примитивным. Как известно, болезнь — это как раз состояние на «краю неопределенности». И одновременно, что такое вирус? Вирус определяется (!) как часть живой, но также и неживой природы. Вирус есть конвергенция живого и неживого, реального и виртуального!

NBIC-технологии и NBIC-вирусы являются порождением так называемого инновационного режима функционирования науки. Ведь что такое инновация? Все сегодня об этом говорят, но мало кто пытается разобраться. Инновация — все то, что вызывает стремительный рост стоимости, прибыли. В сфере науки это стало общим местом с переходом «пальмы первенства», статуса парадигмальной науки от физики к биологии и более конкретно — к биотехнологиям. Как известно, существуют две основные стадии развития любого живого организма: 1) эмбриональная и 2) постэмбриональная. При их сравнении, грубо говоря, 99%, «львиная доля», подавляющее большинство изменений — по объему, масштабу и скорости протекания — приходится на эмбриональную стадию, когда происходит «большой взрыв», при котором из одной единственной клетки возникает протоорганизм, тогда как на постэмбриональной соответственно практически ничего не происходит, в лучшем случае — оптимизация и адаптация к конкретным условиям. Но именно здесь, на постэмбриональной стадии, формируемся мы, люди, как личности, уникальные и сознательные существа. Инновационный режим ради максимизации прибыли предлагает удерживать развитие только на эмбриональной стадии, а все постэмбриональное выкидывается, отбрасывается, поскольку не имеет никакой ценности. При этом все сводится к горизонтальному переносу генетического материала, при устранении вертикального, под которым следует понимать, прежде всего, половое размножение, когда есть родители (папа и мама) и соответственно потомство, т. е. дети [5]. Но если остается только горизонтальный перенос, что тогда мы, люди, при этом получаем, особенно если иметь в виду, что горизонтальным переносом в классической медицине и биологии считается, вообще говоря, патология, инфекция? Ответ неутешительный, поскольку уже далеко не редкостью

являются мысли о том, что вирус или раковая опухоль — умнее, эволюционно «продвинутое» и «приспособленнее» нас. Достаточно вспомнить идею трансгуманизма о том, что микробы и вирусы — наши главные друзья и союзники. И вот почему во всем мире в университетах уже почти нет гуманитарных факультетов, департаментов или кафедр — их изгоняют, преследуют, зажимают, репрессируют (обычно как «неэффективные»), зато плодятся и расцветают всякого рода *post-humanities*. «Быть человеком» — это болезнь, диагноз. От этого нужно «лечить» [7, 121 — 143].

«...Существование в вакууме, бывшее до сих пор привилегией бактерий и микроорганизмов в лабораториях, но постепенно становящееся нашим существованием... Потому что человек, такой, как он есть, со своими настроениями, страстями, смехом, полом, секретами, сам являет собой лишь маленький, грязный зародыш, иррациональный вирус, нарушающий гармонию вселенской прозрачности» [1, 90]. Мы и есть этот вирус! Нано- био-инфо-когнитивный. NBIC, nbic... Это «трансфашизм»: мы все одновременно оказались «террористами» — и лечат нас от нас самих!

Главным фактором нашей совместной, коллективной жизни оказывается примитивная форма жизни — вирус (то ли являющийся частью живой природы, то ли нет). Вовсе не реальные общественные проблемы (неравенство, эксплуатация, несправедливость, упадок и обнищание медицины, низкая массовая культура населения, манипуляция общественным сознанием и т. д.), а какой-то там вирус?! Еще раз: мы сейчас строим (построили) такое общественное здание, которое легко может разрушить (вот так просто — бам! — и катастрофа...) примитивный вирус. Разве мы хотим жить в таком «доме», который трещит по швам от самого элементарного удара?

То, что мы наблюдаем, — это и есть «конец истории», как бы ни возражал Френсис Фукуяма. История стала полностью бессознательной. Сегодняшние попытки зафиксировать историю (всякого рода разговорами о «коллективной памяти» и прочих эрзацах и симулякрах) — не более чем констатация того факта, что люди лишены истории. Не подлежащая пересмотру (и точка!) история возвращается к нам в облики вируса как главного ее «агента». Отсутствие реальных изменений порождает вир(т)уальное изменение.

Тот, в чьей жизни не происходит изменений, погибает от этого. «Мертвое» — это то, что уже не может измениться самостоятельно. И не важно, является ли коронавирус частью живой или неживой природы, даже естественным или искусственным (сфабрикованным), спланирована ли пандемия кем-то (в стиле теории заговора) или это дело случая. Потому что «никто не в состоянии контролировать цепные реакции... Любой несчастный случай или природная катастрофа могут быть истолкованы как террористический акт и наоборот... Вирусы начинают распространяться, как только для них образуется свободное пространство. Это патология 3-го типа» [1, 91].

Вир(т)уальность захватывает тело, сеть или систему, когда они избавляются от всех своих «негативных элементов» и разлагаются в комбинацию простых элементов. Тейлоризм и эпилепсия вместо «капитализма и шизофрении»: 1) «Странная болезнь, поразившая много лет назад кипарисы, была одним из видов вируса, который начал неконтролируемое развитие вследствие минимальной разницы температур зимы и лета, тесному соседству врем е н года» [1, 95]. 2) Нацисты, которые в свое время ввели программу более «эффективного» использования лесов, в рамках которой уничтожили все «бесполезные» растения и деревья, оставив только «нужные», получили двухгодичный «прирост», но уже на третий год реализации леса погибли, потому что не бывает «мусорных» (junk) растений — все они нужны, чтобы был «лес», а не только «деревья». 3) В основе эпилепсии заложен тот же самый механизм: когда все нейроны в мозге возбуждаются одинаково — одновременно и единопнаправленно — происходит мгновенная цепная реакция и случается припадок, коллапс. Это и есть главный механизм и эффект «инновационного режима» — удерживать все в узком диапазоне изменений.

В самом широком смысле можно выделить три основные, универсальные схемы развития (природы, общества, науки, культуры): 1) эволюция (соответствующая ей наука — история) — медленная непрерывная цепная реакция; 2) революция (соответствующая ей наука — социология, от чего и связь с социализмом) — единовременное взрывное системное изменение; 3) инновация (соответственно «менеджмент») — конвергенция первого и второго (эволюции и революции), т. е. взрывная системная цепная реакция. Эволюция и ре-

волюция — вертикальное движение (от простого к сложному, от низшего к высшему, от примитивного к сознательному и т. д.), которому соответствует определенная логика развития. Инновационному режиму с его горизонтальным движением присуща уже только логистика развития. Отсюда и господство универсального тейлоризма с его логистической последовательностью элементарных процессов. От сознательного к бессознательному, от живого к неживому и т. д., поскольку «успешнее других правит тот, кто может упростить систему ценностей до минимума» [3, 173].

Что такое конвергенция эволюции и революции? «Революционизированная эволюция», или «радикальный инкрементализм» (от англ. *Incremental* — постепенный, пошаговый, поэтапный), или все та же «перманентная революция», что на более понятном сегодня языке легко понять как «computation», т. е. эволюционный алгоритм в действии, поскольку «компьютация», т. е. исчисление, изначально является «лабораторной формой» эволюции, экспериментальной искусственной эволюцией — АЕ (artificial evolution), «сжатой эволюцией». Эволюция — это и есть «универсальная машина Тьюринга». Очевидно, что сознательная часть человека, самая интересная для философии и других форм общественного СОЗНАНИЯ (!), в нас не от эволюции, а, наоборот, из противостояния ей, но именно она здесь и исключается из рассмотрения, «выносятся за скобки», поскольку не поддается «исчислению».

Вирус всегда использует слабости в репродукции высших форм жизни. Пока этих слабостей нет — у него нет шансов. Они появляются, когда высшие формы сами себя ставят под сомнение, ослабляют, подрывают свою сознательную жизнь, вследствие чего мы, люди, превращаемся во всего лишь биоту корпоративного тела! Мы и есть «инфекция», против которой направлена, например, новая форма «корпоративного иммунитета» — системы социального кредита (рейтингования). Мы имеем дело с «аутоиммунным» заболеванием, «эпидемией согласия», «политической лейкемией и упадком, от невидимого, но очевидного влияния Государства» [3, 97 — 98].

Системы социального контроля (рейтингования) репрезентируют собой энергичные попытки изменить правовой аппарат, заменив его «правосудием по заслугам», просто повысив эффективность

контроля, рационализировав его. Здесь подходит знаменитое высказывание Франсуа Вольтера, которое можно перефразировать: системы социального кредита (рейтингования) распахивают двери тюрем, чтобы загнать туда весь мир! Это системы «преступления и наказания», ориентированные не на то, чтобы изменить людей, обращаясь, взывая к их сознанию, совести и т. д., но без всяких промежуточных звеньев ориентированные, прежде всего, на электронно-статистическое управление (программирование) всем населением. Поскольку, «будь сеть покрепче, а ячейки помельче, в нее попала бы значительная [его] часть» [3, 171]. Здесь все сводится к простой попытке идентифицировать неуправляемые группы и найти способ ими управлять, что особенно актуально в условиях господства социальных медиа. (Совершенно неслучайно Китай использовал историю с коронавирусом, чтобы усмирить Гонконг. К тому же, его власти уже предупредили население, что после отмены карантина, когда «все вернется на круги своя», ему придется работать и по субботам-воскресеньям, чтобы наверстать упущенное за время простоя. Осторожно, тейлоризм!) И даже в обыденной жизни эти и подобные им системы, основанные в том числе, например, на электронном распознавании лиц, абсолютно беспрецедентны: разве мы, люди, строим свои социальные, межличностные, правовые отношения на основании того, «у кого что на лице написано»? Нет! Напротив, нас интересуют чувства и мысли, сознательные состояния и установки, ценности человека, его реальные действия. В противном случае получается «тотальное НЛП!» (= новое «язычество») То есть еще одна из форм сциентизма, а вовсе не науки!

Прямым западным (а значит, и более «продвинутым») аналогом («завтрашним днем») китайских и индийских «систем социального кредита (рейтингования)» является так называемый контроллинг (controlling) — термин, который сегодня де-факто уже заменил, вытеснил устаревший «менеджмент». Это понятие прямо указывает на то, что главная характеристика управления сегодня — не то, какие цели оно ставит, а то, как оно их формирует. «Контроллер» (двусмысленное «словечко», поскольку одновременно отсылает и к «контролеру», и к устройству ввода информации в электронной и компьютерной технике и программах) производит не цели, а техники установления целей (рис. 1).

Рис. 1. Переход от менеджмента к контроллингу

Главная идея здесь в том, что классические для менеджмента функции — планирования, организации, мотивации и контроля — поглощаются одной доминирующей функцией «контроля», который должен быть настолько детализированным (тотальным), чтобы мог автоматически заменить собой, вытеснить все остальные. Например, нужно собрать столько контрольной информации, сконцентрировать на этом все усилия, чтобы после этого планировать уже вообще больше не потребовалось, в результате чего должен возникнуть «замкнутый контур». А если что-то идет не так, значит, детализация контроля недостаточна, и нужно дальше разбивать все на части и элементы. Если коротко, то: контроллинг = менеджмент + кибернетика (их конвергенция!). Контроллинг — следующий этап тейлоризации (тейлоризм 2.0) эпохи 4-й промышленной революции.

Sapere aude! Нужно «осмелиться знать», заглянуть еще глубже, чтобы понять суть происходящего сегодня. Для этого обратимся к одному из самых фундаментальных различий (вечной борьбе, противостоянию), сопровождающих человеческую культуру и цивилизацию на протяжении всей истории — между антропоцентризмом и антропоморфизмом. На первый взгляд, различие не очень большое или непринципиальное, в действительности же производящее две абсо-

лотно разные реальности. Проще всего его понять, если сформулировать в религиозных терминах, поскольку антропоморфизм соответствует языческому, мифологическому, кармическому, пантеистическим религиям, включая постмодернистский атеизм, а антропоцентризм — монотеистическим религиям. Итак: 1) в основании антропоморфизма лежит идея о том, что «мир и боги созданы по образу и подобию человека» (отсюда представление о том, что живым является все — и камни, и вода, и деревья, и вся Земля, и весь Космос, и даже вирус и раковая опухоль и т. д.); 2) в основании антропоцентризма лежит знаменитая формула «*imago Dei*», согласно которой «человек (и только человек) создан по образу и подобию Бога (одного и только одного)», а значит, это не только возможность раскрыть свой «божественный» потенциал (хочу — раскрываю, не хочу или не могу — не раскрываю), но прямая и самая главная обязанность человека.

Антропоморфизм «познает» мир по аналогии с человеком, сравнивая его с ним, и постоянно находит подтверждения несовершенства этого «образца» по сравнению с животными, микробами, космическими и просто природными силами, что заставляет видеть в нем какое-то убогое животное, песчинку, даже аберрацию. Здесь человек зафиксирован. Это «вульгарный» гуманизм. Для «улучшения» человека, в рамках этого мировоззрения, нужно чтобы он перестал быть человеком. Напротив, в антропоцентризме человек является «проекцией» Бога. Но мы не знаем, что такое Бог. Ключом к этому знанию является человек, через которого, посредством его духовного (а не просто вульгарно-материалистического, как в техно-транс-гуманизме) совершенствования, мы должны, обязаны, «сформировать» этот образ, постепенно, шаг за шагом приближаясь к нему. Для этого надо создавать условия, очеловечивая природу и мир вокруг нас (опять же, не в вульгарно-материалистическом смысле, а в духовном), для чего люди изобрели много инструментов, в том числе и институциональных.

Речь, например, идет о корпорациях, каковыми в Средневековье были монастыри, университеты, гильдии, государства (!), а позднее к ним присоединились торговые, или, как говорят сегодня, бизнес- и транснациональные корпорации, ассоциирующиеся в наши

дни с корпорациями в первую очередь. Первоначальным же и главным смыслом и целью их существования было «бессмертие», но не вульгарно-материалистическое, как это делает современный технотранс-гуманизм, но духовно-институциональное. Ведь если человек — *imago Dei*, то в нем уже есть «божественный», т. е. бесконечный потенциал, который нужно просто увидеть, разглядеть, поспособствовать тому, чтобы он мог проявиться и реализоваться, перейти из «виртуального», «потенциального» состояния в реальное. В том числе посредством определенных «духовных» и «морально-аскетических» техник, но также и создания социально-институциональных условий, «рамок» для развития человека. Отсюда и смысл слова «корпорация» — от латинского «*corpore*», что значит «тело». (Достаточно вспомнить «Левиафан» Томаса Гоббса и менее знаменитое его сочинение, в котором излагаются по сути те же самые идеи — «*De corpore*».)

Корпорация — это тело, состоящее из отдельных людей, но к ним и их интересам не сводимое. Наоборот, они сами примыкают к нему. Как клетки в нашем организме — появляются и погибают, а им на смену приходят другие — при этом тело (его «идентичность», как модно говорить сегодня) остается то же самое. Это воплощение идеи бессмертия. Как индивиды мы не можем быть бессмертными, но социально — да, подключаясь к таким «телам», «искусственным личностям». И для этого мы должны отбросить свои партикулярные, частные интересы. Поэтому в университете вступительные экзамены и строгий порядок получения знаний, испытаний на лояльность, приверженность «бессмертной» идее (получения, развития и распространения знаний). Особенно, например, в медицинском, поскольку здесь добавляется еще одна «антропоцентрически бессмертная» цель — служение здоровью людей! Далее, в монастырь, как известно, «со своим уставом не ходят». На государственной службе тоже целая система отбора, ценза и т. д. Таким образом, человек отказывается от личного, сиюминутного, «вульгарного», или на философском языке — абстрактного, но взамен получает доступ к «бессмертию», подключается к нему (опять же, если говорить по-философски, — к «конкретному»). В социально-духовном плане. Это и есть духовный, антропоцентрический «(транс)гуманизм». В этом смысле настоящий гуманизм — всегда немного «транс». Это, в том

числе, и ответ на вопрос: в чем заключаются сверхчеловеческие возможности людей в социуме? Или, можно ли говорить, что социология и трансгуманизм своими целями взаимосвязаны? А также, почему, например, в действительности, философия науки — частный случай социальной философии, а не наоборот? Потому что, как мы видим, «клеточная теория» существовала в социально-гуманитарной сфере задолго до биологии, только была сформулирована в религиозных терминах.

В русской религиозной философии эта идея противоречия языческого, пантеистического «антропоморфизма» (космотеизма) и монотеистического «антропоцентризма» выражается в форме радикального антагонизма «Человекобожия» (mangodhood), или поклонения «антихристу» и соответственно «Богочеловечества» (godmanhood), или веры в Христа. Сегодня в этой связи достаточно взглянуть на церковь и беспрецедентное «онлайн-православие»: все растворяется до «данных» и «информации»...

Отсюда же становятся и более понятными смысл и источник всех нано-инфо-когно-технологий, которыми мы все сегодня окружены (будь то смартфон, персональный компьютер, нетбук, любые датчики или сенсоры). Все эти медиа, электронные и компьютерные технологии являются «корпоративным сенсориумом». Для понимания этого достаточно вспомнить такую малоизвестную и непереверенную на русский язык работу духовного отца неолиберализма Фридриха фон Хайека «The Sensory Order» [8], в которой он описывает «сенсорный аппарат» — нет, не человека! — но «корпоративного тела». Но здесь уже не мы познаем, а нас познают! Причина такой ситуации — все та же самая «инверсия», метонимия, «мимикрия», когда «корпорация» как антропоцентрическое тело, т. е. орган, «производящий» в нас «человека», начинает использоваться антропоморфически уже для производства чего-то другого из нас самих, из людей, на нашей основе, паразитически. Негативная диалектика!

Одной из принципиальных ошибок управленцев любого уровня (государственных чиновников, ректоров, топ-менеджеров и пр.) в ситуации дистанционной работы, обусловленной карантином,

было бы прямое дублирование, перенос административных процессов и структур в «онлайн» среду. Что, напротив, требуется — воспользоваться ситуацией, удобным, уникальным моментом для того, чтобы, наоборот, избавиться от них [9, 9 — 15]. Если людей сегодня беспокоит опасность возникновения тотального контроля со стороны власти, значит, нужно «перевернуть» отношение и направить все эти «системы социального кредита (рейтингования)» на абсолютную прозрачность, транспарентность самой власти. Нужны «очеловечивание», «антропоцентризация» государства, науки и медицины.

Многие критикуют сегодня знаменитый проект «Паноптикум» Джереми Бентама, забывая, что столь одиозным он стал благодаря Мишелю Фуко, который в действительности искажил изначальный замысел. «Паноптикум» — универсальный проект устройства любого общественного учреждения, но (!) в первую очередь — государственных учреждений, где не власть следит за гражданами, а граждане имеют возможность из любой точки наблюдать за властью. Мишель Фуко поставил все «с ног на голову». Идея Джереми Бентама — «Паноптикум», у Мишеля Фуко мы видим нечто принципиально иное, даже прямо противоположное, — паноптизм, отличие, прямо соответствующее антагонизму науки и сциентизма [4]. (Не случайно, NBIC-технологии еще называют Public Relations (PR) науки [6, 111].)

Один из вариантов критерия отличия настоящей науки от ненастоящей, собственно науки от сциентизма, т. е. «науки за пределами науки», как известно, в свое время предложил Макс Вебер (1864 — 1920) в своей знаменитой лекции и соответственно работе «Наука как призвание и профессия» [2]: настоящий ученый — тот, кто исследует, прежде всего, себя, рискует самим собой; а тот, кто рискует не собой, а кем-то или чем-то другим — не настоящий ученый, поскольку в первом случае ставка проведения исследования или эксперимента высока — собственная жизнь, судьба, ученый ставит на кон все, что у него есть, тогда как во втором случае всегда можно легко «выйти из игры», просто сказав, что «все или что-то пошло не по плану», и почти без последствий. Если человек не готов рисковать собой и всем, что у него есть, но только чужими судьбами (тем более судьбами миллионов людей) и средствами (тем более гигантскими, каких требует современная техно-наука), значит, это не «наука». Без-

условно, в этом критерии Максом Вебером заложена попытка вернуть науке человеческое лицо, облик, сделать ее вновь «человекомерной», антропоцентрической.

Удивительно, но можно считать, что Макс Вебер своей собственной жизнью и смертью подтвердил то, что сам предписал настоящему ученому: он умер ровно 100 лет назад, 14 июня 1920 г., от знаменитой испанки. История повторяется почти точь-в-точь уже в 2020 г., когда от коронавируса умирает другой подвижник — китайский врач Ли Вэньлян (Li Wenliang), который заговорил о смертельной угрозе всему человечеству еще в ноябре — декабре 2019 г., после чего китайское правительство запретило ему распространять «панические слухи», хотя он продолжил работать в очаге заражения (г. Ухань), за что заплатил собственной жизнью 7 февраля 2020 г.

P.S. Главное, что мы должны понять (или вспомнить, как учил Платон), даже не по итогам пандемии, а для того, чтобы по-настоящему справиться с ней: что такое человек; что значит быть человеком; что нужно в первую очередь, чтобы быть им, чтобы была возможность стать им, а не чем-то иным. Кто-то скажет: главный вопрос — как лечить людей» А вот и нет! Потому что мы не сможем ответить на него без предварительного ответа на антропоцентрический вопрос: зачем мы (вообще) лечим людей? Без этого медицина обречена... Нужно выйти из (проснуться от) замкнутого антропоМОРФического круга (сна)!

Литература

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: «Добросвет», «Издательство “КДУ”», 2009. 387 с.
2. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707—735.
3. Кристи Н. Контроль над преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГу западного образца. СПб.: Алетейя, 2012. 208 с.
4. Brunon-Ernst A. Beyond Foucault: New Perspectives on Bentham's Panopticon. L.: Ashgate Publishing, 2012. 230 p.
5. Cooper M. Life as Surplus: Biotechnology and Capitalism in the Neoliberal Era. Seattle: University of Washington Press, 2008. 222 p.

6. *Fuller S.* Humanity 2.0: What it Means to be Human Past, Present and Future. L.: Palgrave Macmillan, 2011. 265 p.
7. *Hauskeller M.* Mythologies of Transhumanism. L.: Palgrave Macmillan, 2016. 225 p.
8. *Hayek F.A.* The Sensory Order. An Inquiry into the Foundations of Theoretical Psychology. Chicago: The University of Chicago Press, 1952. 209 p.
9. *Žižek S.* Pandemic! COVID-19 Shakes the World. N. Y., L.: OR Books, 2020. 115 p.

References

1. *Baudrillard J.* The Transparency of Evil. Moscow: «Dobrosvet», KDU Press, 2009. 387 p.
2. *Weber M.* Science as a vocation and profession // Weber M. Selected Works. Moscow: Progress, 1990. P. 707. 735.
3. *Christie N.* Crime Control as Industry. Towards GULAGs, Western Style. Saint Petersburg: Aletheia, 2011. 208 p.

Ф.И. ГИРЕНОК

Коронавирус: свобода или судьба?*

Аннотация. Исследуется ситуация, сложившаяся в мире в результате развития пандемии коронавируса. Анализируются взгляды на пандемию ведущих западных философов. Подробно рассматривается система социального доверия, придуманная в Китае для решения цивилизационных проблем. Автор статьи приходит к выводу о том, что пандемия ускорила процесс перехода политического и технологического лидерства с Запада на Восток, от США к Китаю. В

* В сокращенном варианте положения статьи представлены на сайте: http://zavtra.ru/blogs/koronavirus_svoboda_ili_sud_ba.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гиренок Ф.И. Коронавирус: свобода или судьба? // Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 207—222.

статье подчеркивается противоречивое положение России в мировой политике.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, экономика, хозяйство, человек, дигитальная философия, спекулятивный капитал, глобализм, социальное доверие.

Abstract. The article examines the situation in the world as a result of the development of the coronavirus pandemic. The author analyzes the views of leading western philosophers on the pandemic. The system of social trust, invented in China to solve civilizational problems, is considered in detail. The author of the article concludes that the pandemic accelerated the process of transition of political and technological leadership from the West to the East, from the United States to China. The article highlights the contradictory position of Russia in world politics.

Keywords: pandemic, coronavirus, economy, society, human, digital philosophy, speculative capital, globalism, social trust.

УДК 123, 303, 327
ББК 65в, 66.4, 87

Что обнаружила пандемия коронавируса? То, что цивилизационная пленка человека очень тонкая, и она легко протыкается пандемией. Что за этой пленкой? Ничего. Пустота. За ней не оказалось того, что достигается трудной работой человека быть человеком. Мы не знаем, что нам делать с собой. Мы растеряны, и это пребывание в недоумении вновь заставляет нас поставить вопрос: неужели культура — это просто привычка, общество — бюрократия, а человек — принципиально асоциальное существо?

Люди — не термиты

Одно несомненно: общество — все-таки не организм. Если бы общество было организмом, то его могли бы инфицировать вирусы. Но общество не чихает, у него не бывает простуды. Общество возникает не на пересечении линий человека и природы. Если бы оно возникло на этом пересечении, то было бы непонятно, чем оно отличается от природы, ибо социальное непременно включало бы в себя и нечеловеческое. И тогда идеалом приспособления человека к обществу были бы, как говорил Н. Кольцов, муравьи или термиты. Любое

общество мечтает людей превратить в термитов, а люди сопротивляются.

Но общество — это и не некоторое множество людей, но не потому, что оно включает в себя домашних животных и птиц, т. е. актантов, не имеющих человеческой формы. А потому, что общество возникает на пересечении того, что существует, с тем, что не существует. Что существует? Природа. Что не существует? Призраки, галлюцинации и странные объекты. В чем их странность? В том, что их нет, но к ним относятся как к тому, что есть.

Что же такое общество? То, что подчиняет существующее несуществующему. Общество — некоторое множество связанных между собой институционализированных галлюцинаций. Что такое галлюцинация? Это человеческое в человеке, то, чего нет, но что дано. А что такое тело человека? Это нечеловеческое в человеке. Только свое тело мы чувствуем, а не свое не чувствуем. В обществе то, что существует, должно соответствовать тому, что дано. Странных объектов нет в природе, но они есть в любом обществе. Вирус существует в живой клетке. Странные объекты, как вирусы, существуют в обществе. В нечеловеческом обществе призраки не существуют. Что показала пандемия? Что наши социальные институты — не институты, а согласованные галлюцинации. Что наши ценности — не ценности, а призраки, общественно необходимые иллюзии. Мысль о том, что люди меняются, а институты остаются, является опасным заблуждением. Человек не меняется, меняются галлюцинации, т. е. институты.

Странные объекты

Игнорирование странных объектов погубило социологию и социальные науки. Чтобы их спасти, Бруно Латур придумал акторно-сетевую теорию [1]. Но эта теория оказалась бесполезной. Почему? По двум причинам. Во-первых, в ней странность объектов была понята как нечеловеческая форма, т. е. как природа. Во-вторых, социология социального отражала пик в развитии Запада. Но этот пик был пройден, и социальные науки ушли в прошлое. Теперь они никому не нужны. Все это Латур понял еще до всякого коронавируса. Что он понял? Что социальные науки — это не науки, а символ превосходства Запада над Востоком. Но Восток вдруг приобрел силу, и эта сила

обессилила силу Запада. Что делать в этой ситуации? На этот вопрос у интеллектуалов Запада существуют разные ответы.

Бадью ругает китайскую антисанитарию и мечтает о третьей стадии коммунизма. Хотя все знают, что их всего две. А третья — уже китайская. Нанси помогает Агамбену понять, чем коронавирус отличается от обычного гриппа. Агамбен, в свою очередь, вспоминает средневековую чуму и не одобряет решительное действие властей Италии, полагая, что это тоталитарное действие только сеет панику. Жижек говорит о пандемии, которая всех нас толкает к коммунизму. Жижек — юридивый. Он говорит правду, а над ним смеются. Жижеку не нравится китайский коммунизм. Он ждет глобального коммунизма через наделение исполнительными функциями Всемирной организации здравоохранения. Харари мыслит мир после пандемии бинарно: либо тотальная слежка за каждым, либо расширение прав граждан; либо изоляция, либо глобализм. Латур, начитавшись Пастера, считает, что после коронавируса везде будут санитары. Я, говорит социолог из Франции, сыт по горло таким положением вещей, при которых оказываюсь заперт в языке. «Я хочу, — пишет Латур, — получить доступ к самим вещам, а не только к тому, как они нам являются». Ему надоела социология, которая сконструирована вокруг одного социального. Латур жаждал прихода второй половины социального: природного. Мы ждем, говорит Мейясу, когда вернется Великое внешнее. И они дождались. Коронавирус вернул им Великое внешнее. Он дал им возможность доступа к вещам самим по себе. И многие поняли, что только смерть может вернуть человека из мира воображаемого в мир природы. Но Латур понял еще и другое. «Осознав внезапное новое ослабление старого Запада и стараясь понять, как ему подальше продержаться в будущем и сохранить место под солнцем, мы, — пишет Латур, — должны установить такие связи с другими, которые, вероятно, не удержатся в коллекторах “природа-общество”. Или, пользуясь еще одним неоднозначным термином, нам, возможно, придется включиться в космополитику» [1, 359—360]. Латур включился в геополитику, чтобы Запад сохранил свое место под солнцем. Для этого он стер границу между обществом и природой, заставив человека обмениваться свойствами с нечеловеческим.

Смена лидера

В вопросе о коронавирусе важен не вирус, а реакция на него политико-интеллектуальной элиты. Вирус хорошо знаком эпидемиологам. По своей сути он должен быть проблемой для ветеринаров. А он превратился в глобальную проблему цивилизованного мира. Коронавирус показал нам также изъяны всех существующих систем здравоохранения. А это значит, что он показал изъяны всех социальных систем — как демократических, так и недемократических, как либеральных, так и нелиберальных. Но не только эти изъяны интересуют нас сегодня. Нам интересно узнать, от чего запаниковало политическое сознание Запада и России. Почему никто из интеллектуалов свободного мира не обеспокоен вопросом о том, что если изменение климата, или Великое внешнее, возвращается в нашу цивилизацию, то куда нам из нее бежать?

Коронавирус, сам того не ведая, стал символом завершения одной цивилизации и начала другой. Мир вступил в ситуацию с коронавирусом во главе с Америкой, а выходит из нее во главе с Китаем. А весь остальной мир — между Америкой и Китаем, не понимая, что делать, куда податься, к кому прислониться.

За несколько месяцев произошла смена мирового лидера, и с этим теперь нужно считаться всем политикам и философам. Считаться с чем? С тем, что великая страна не может воровать маски и аппараты ИВЛ, которые производит ее конкурент. Америка уходит. Приходит Китай. В чем разница между ними? США стояли во главе мира, в основе которого лежат спекуляция и свобода. Китай возглавил мир, в основе которого лежат число и необходимость. В основе западного мира лежал миф о бытии, в основе нового числового мира лежит миф о судьбе. Бытие можно было обмануть. Судьбу обмануть нельзя.

Финансовый капитал

Что такое спекуляция? Спекуляция — это расширение реальности посредством мнимости. Западному миру эта мнимость известна как симулякр, как странный объект. Что такое мнимость? Это то, чего нет, но что существует, если к нему произвольно или произвольно относятся как к чему-то действительно существующему. Самая известная мнимость — это деньги.

Зачем нам мнимости? Затем, чтобы расширять реальность. А зачем нам расширять реальное? Затем, чтобы от него не зависеть. А зачем нам независимость? Затем, чтобы дать плоть своим грезам. Каким способом? Например, торговлей фьючерсами. Человек есть единственное во Вселенной существо, у которого есть чувство реальности и, следовательно, у которого есть то, что мы привычно называем просто реальностью. Реальность у человека изменчива, пластична, ибо в основе ее лежит чувство. Западная цивилизация использовала это чувство для того, чтобы посредством воображаемого расширить границы реального и посредством этого расширения открыть поле для практически бесконечного движения такого странного объекта, как капитал. Это движение спекулятивно. И не потому что капитал жульничает, покупая товар по низкой цене и продавая по высокой, хотя он и мошенничает, а потому, что его товар — деньги, т. е. мнимости, посредством которых он добивается независимости. От чего? От производства реальных товаров и услуг. США нам показали, что производство товаров — хотя и важный, но не необходимый элемент движения капитала. Эффективно то производство, где деньги делают деньги, без обращения к труду рабочих, без машин, без станков и прочего устаревшего материала. Деньги делают деньги посредством расширения реальности, за пределами того, что требует наличного существования, присутствия в пространстве. Спекулятивный капитал потребляет само время. Для того чтобы быть, ему требуется только сознание человека. Ему не нужен сам человек. И это основное противоречие спекулятивного капитала, которое он не смог разрешить. Запад стал торговать символами товаров. Китай — товарами.

Западный мир в лице Трампа это понял и попытался реформировать спекулятивный капитал, вернуть его к реальности, к экономике, которая процветает в цехах, а не на бирже. Но этот возврат к великому внешнему, к натуральному, для капитала уже невозможен. Западная экономика под руководством финансового капитала может только галлюцинировать. Она не реформируема. И практически не может ответить на вызовы даже со стороны коронавируса. Поскольку Трамп ослабляет могущество спекулятивного капитала перед лицом нового числового порядка, постольку судьба Трампа незавидна. Рано или поздно Америка им пожертвует во имя символического обмена воображаемым и ради сделок с призрачным бытием.

Число или спекуляция?

С чего начинается история человека? С взрыва галлюцинаций. Чем заканчивается цивилизованная история человека? Рассеиванием внутреннего, схлопыванием субъективного и объективного в числе. Цивилизация, основанная на спекуляции, готова отказаться от роли человека в экономике, но она не может отказаться от той субъективности, которая открывает необходимость действия через свободу. Почему не может? Потому что не может отделить сознание от человека. Не может задать его на каком-то другом материале.

Судьба как новый числовой порядок отделяет человека от сознания. Что значит отделить человека от сознания? Это значит поместить его в общество, которое состоит из набора алгоритмов. Лишить внутреннего. При этом не важно, выполняет человек частичную функцию или он разнообразит исполнение своих функций. Человека можно дрессировать посредством профессионализации, превращая в биологического робота. Общественные отношения — это отношения человека к алгоритму. Человек либо послушен алгоритму, и тогда следует награда, либо он не исполняет судьбу, и тогда следует наказание. «Мое отношение к моей среде, — говорит Маркс, — и есть мое сознание». И Маркс был прав, заявляют авторы системы социального доверия (кредита) в Китае. Только наша среда, уточняют они, это не какая-то природа в обыденном смысле слова. Это набор алгоритмов. В 2014 г. в Китае стали составлять этот набор. В 2020-ом должна завершиться его реализация. И все в Китае почувствуют дыхание своей судьбы.

Америка — это капитализм. Китай — это социализм. Коронавирус — это судья. И этот судья сегодня на стороне Востока. Число одолело спекуляцию Запада. Социализм победил капитализм. Что теперь ждет человека? Социалистическая переделка.

Социалистическая переделка человека

Впервые переделывать человека начали в СССР. В 1922 г. появилась статья В.С. Выготского «Социалистическая переделка человека». О чем эта статья? О темной стороне человеческого существования. Что это за сторона? Все сущностные силы человека, говорит Выготский, следуя за Марксом, опредмечиваются. Но есть в нем еще

и несущественные силы, которые не опредмечиваются. Что это за несущественные силы, Выготский не говорит. В 1924 г. он в докладе «Психология в нашей школе...» выражается яснее. На его взгляд, человек — это «биологический недоносок, заболевший мыслью и не нашедший для себя органического равновесия». Но мы сегодня можем догадаться, что речь идет о способности воображения, которое никаким обществом ни под каким предлогом не может контролироваться. В свою очередь, образы, равно как и внешние раздражители, могут быть причиной действия человека, могут определять его поведение. Поведение, определяемое внутренними образами, по самому своему существу не является социальным. Как лишить человека воображаемого? Нужно ли для этого его скрещивать с обезьяной? Или достаточно применить к нему генетическую редакцию? В Китае пошли иным путем. Человека решили вписать в «систему социального доверия» (кредита). Можно его туда вписать? Можно. Ведь что такое профессионал? Это определенным образом выдрессированная сила природы. И об этом знают не только философы Китая, но и философы Запада. Об этом знали Спиноза и Выготский.

Что говорил Спиноза? Он говорил в «Этике», что человека нужно переделать так, чтобы между нами и новым человеком было такое же сходство, как между псом, лающим во дворе, и созвездием Пса на небе. А что говорил Выготский? Человек возьмет самого себя, мечтал Выготский, в обработку, в ступу, в реторту химика. Человек взглянет на себя как на сырой материал, как на физический и психический полуфабрикат. И создаст из себя сверхчеловека. У Ницше сверхчеловек принадлежит биологии. У Выготского он принадлежит социуму. Принадлежать социуму — это значит быть сделанным как бы из стекла, стать прозрачным. Зачем человеку навязывают прозрачность? Чтобы человек еще не успел подумать, а в точке наблюдения за ним его мысль была уже уже видна. Возможен еще один вариант. Сделать так, чтобы человек вообще перестал думать.

Выготский говорил, что человек получает возможность развития не в воображении, а в коллективе. «Только в коллективности получает индивид средства, дающие ему возможность всестороннего развития задатков». И далее: «Только в коллективности возможна личная свобода». Когда человек вне коллектива, уверен Выготский, свобода ему не нужна. А поскольку мыслить человек может только наедине с собой, вне коллектива, постольку Выготскому не совсем

понятно, что нужно делать с мыслью. Выготский полагает, что ошибочно соединять свободу и мысль. Нужно научиться соединять не свободу и мысль, а мышление и работу. Мыслить — это значит работать. Все равно, кем.

Социалистическая переделка в Китае связывается с «социальным доверием». Антропология сверхчеловека исходит из того, что человек не последний и не высший этап развития, что он должен быть преодолен. «Социальное доверие» не желает преодолевать человека. Оно исходит из того, что люди по природе своей не равны. А коллектив — это то, что делает людей равными. Что мешает людям сделать равными? Желание быть не как все. Способность воображения. Социальное доверие полагается не на воображение, а на культуру, на приведение всех к норме. Норма не принадлежит ни природе, ни коллективу. У теории нормативной коллективности есть одна проблема. Если из коллектива убрать разъединяющие людей различия, то что остается в коллективе? Посредственность. То есть сам по себе нормирующий коллектив редуцирует высшее к низшему. В коллективе общество вырабатывает чувствительность, принципом которой является подчинение развитого неразвитому. Что это значит? Это значит, что коллектив равняется на самого неразвитого. Рассуждая в «Диалектике мифа» о гении, А. Лосев писал: «Раз искусство, значит — гений. Раз гений, значит — неравенство. Раз неравенство, значит — эксплуатация. К чему это ведет?». К капитализму. Что должен делать социализм? Искоренить искусство. Отказаться от человека-художника. Но, говорит Лосев, если мы отказываемся от религии, то нужно отказаться и от искусства. А если оставляем искусство, то нужно оставить и религию. То есть Лосев сомневался в плодотворности принципа коллективности. Китайской «системе социального доверия» еще, видимо, предстоит решить, что ей делать с гениями.

В 1920-е гг. в СССР была создана «Лига времени». В это объединение входили многие, в том числе Троцкий и Выготский. Для чего была создана лига? Для того чтобы решить одну проблему. Какую? Выяснилось, что русские не ценят время. У них нет сознания ценности времени, из-за этого русские склонны к своеволию, к неподчинению порядку. Они думают, что вздумается, приходят и уходят, когда хотят. Для искоренения этого недостатка стал издаваться журнал «Время».

В России и до Революции очень трудно приживался протестантский лозунг «время—деньги». Почему? Потому что мы живем в православной стране. Нелегко было приучить русского крестьянина вовремя приходить на работу, не ходить по газонам, не пить в рабочее время, не сквернословить, слушать мастера. Мерой переделки крестьянской натуры были штрафы. На штрафы русские рабочие отвечали забастовками. Похожие проблемы в современном Китае пытаются решить другими методами. Цифровыми — посредством «системы социального контроля», в которых меру доверия выражают баллы.

Система социального доверия

Китай изобрел не только порох и бумагу. Он изобрел еще и «систему социального доверия». Что это за система? Внешне она напоминает идеологию русской крестьянской общины. Нельзя быть в общине и одновременно быть свободным от общины. За все нужно платить. И за доверие человеку со стороны общества тоже. Эту общину в России разрушил Столыпин, освободив пространство для фермерского хозяйства.

Чем была нехороша община? Тем, что в ней коллективная ответственность не позволяла развернуться личной инициативе. А чем она была хороша? Тем, что она не позволяла выталкивать людей из общины. Она их аккумулировала в себе. Ведь что такое массы? Это крестьяне, покинувшие деревню. Община мешала появлению бесформенной массы людей. Она закрывала возможность для формирования новых социальных структур, т. е. идеологии пролетариата.

В Китае давно уже действовала система баоцзя, придуманная Шан Яном. Что он придумал? Взаимное наблюдение людей друг за другом и коллективную ответственность за преступления. Для удобства он разделил крестьянские дворы на 10, 100 и 1000 дворов. В 1949 г. эту систему отменили. Но с 2014 по 2020 г. система социального доверия, вбирая в себя конфуцианскую этику, вновь стала реализовываться как политическая программа элиты Китая. Что хочет элита Китая? Переделать людей. С какой целью? С целью просвещения. Для чего? Для того, чтобы люди научились жить культурно, по закону, который им дает государство.

Жунчэнь

Всем жителям города Жунчэнь система социального доверия выделила по 1000 баллов. Не убрал житель во дворе за собакой — система списывает с него 5 баллов. Проехал на красный свет, она еще вычитает 5 баллов. Плюнул на пол — еще списывается 5 баллов. Десять раз плюнул — списывается 50 баллов. Изменил жене — лишился еще 5 баллов. Вышел на улицу пьяным — еще один вычет. Прошел по газону, проехал без билета, и вот ты уже изгой, гражданин под литерой Д. А делаешь добрые дела, не ругаешь власть, поднял бумажку с пола, заботишься о родителях, прочитал Маркса — все это повышает рейтинг. Если у тебя будет 1200 баллов, то ты станешь гражданином с тремя буквами А. Если кредитор слышит, как стучит твой молоток, он, как говорит Вебер, будет спокоен. Если компания «Алибаба» увидит, что ты по 10 часов играешь в компьютерные игры, она посчитает тебя неблагонадежным.

Что мешает переделке?

У каждого человека есть свой мир. Этот мир внутренний. Он-то и мешает переделке. И для общества было бы лучше всего от него избавиться. Но это невозможно. И обществу с этим нужно смириться. Никакое всеобщее око этому не поможет. О внутреннем нельзя судить по внешнему миру. В своем мире можно думать, но в нем нельзя жить. Живут в общем для всех мире. Этот общий для всех мир называют обществом. Для чего нужно общество? Для того чтобы сохранить внутренний мир людей. То есть общество нужно человеку не для экономической эффективности внешней жизни, а для создания условий для религиозной, художественной и философской жизни. То есть Богу богово, кесарю кесарево. Если не будет внутренней жизни в общине, то не будет оснований и для существования общества.

О неравенстве

Все люди по своей природе неравны. Наша природа — это грезы. У каждого человека свой путь из мира грез в общий для всех мир. Человек непрозрачен для любого общества. Нет такой социальной точки, из которой бы просматривалось воображаемое человека. Поэтому очевидно, что равным полагается равное, а неравным — неравное. Таков путь справедливости, которая превыше любого права.

Что говорит система социального доверия? «Оправдаввшие доверие пользовались бы всеми благами, не оправдаввшие не могли сделать ни шагу». А это значит, что послушным — благо, а непослушным — остракизм. Послушных система ведет, а непослушных тащит.

Пангалины

С чего началась пандемия? С того, что чиновники не позволили врачам назвать вещи своими именами: наличие в Ухане массового заражения коронавирусом. Чиновники оказались вне системы социального доверия. Значит, их нужно вернуть туда, где они должны быть. Где началось путешествие коронавируса? На рынке, где животные продаются на мясо живыми. На рынке встречаются разные популяции. Летучие мыши, говорят вирусологи, резервуар для коронавируса. Они выделяют его с мочой, слюной и фекалиями. Промежуточным хозяином нового коронавируса стали пангалины, зверьки из красной книги. Мясо этих зверьков очень ценится. Они ловятся нелегально где-то в Африке и попадают на рынок в Ухане. Килограмм мяса, как говорят знатоки криминального рынка, стоит 300-400 дол. Началась ли пандемия с того, что кто-то съел летучую мышь, или с того, что кто-то съел мясо пангалина, знает, наверное, только «Алибаба». Почему? Потому что она контролирует торговлю через интернет и знает о китайцах очень много. Система социального доверия запретила китайцам после пандемии коронавируса есть летучих мышей, собак, кошек и других животных.

Система социального доверия — это 600 млн камер, наблюдающих за гражданами Китая, электронные идентификаторы с 18-рядным кодом у каждого гражданина, интегральные центры обработки информации по технологии big data. Системе социального доверия достаточно трех секунд для распознавания образа. Что это значит? Это значит, что чем лучше общество, тем в нем меньше общества. Чем лучше человек, тем хуже общество. Небо, как говорят в Китае, видит все. Оно видит, кто купил летучую мышь, кто продал ее и кто ее съел. Проблема состоит в том, что небо видит все, что открыто. Может ли система социального доверия увидеть то, что скрыто? Можно ли по внешнему судить о внутреннем? Не является ли общество вообще тюрьмой для человека?

Паноптикум Бентама

В XVIII в. не было ни умных домов, ни умных вещей, соединенных через интернет с сервером своей компании. Никто лучше тебя не знал, как ты относишься к своему здоровью, к детям, к родине. Человек был закрыт для постороннего взгляда. Как его можно было раскрыть, придумал С. Бентам, который считал, что общество и есть тюрьма для человека.

Екатерина II подарила Потемкину усадьбу в Могилевской губернии. Ее управляющим стал англичанин Бентам, который понял, что лучше всего руководить людьми, когда они не знают, наблюдают за ними или нет. Наблюдающий всех видит, а его никто не видит. Поэтому он даже может не наблюдать за работниками, ибо они все равно будут думать, что за ними наблюдают. Об этом С. Бентам рассказал своему брату И. Бентаму, который позднее написал книгу «Паноптикум». В чем состоит идея этой книги? В том, что человек, как пластилин, из которого общество может лепить, что угодно. Что это значит? Это значит, что неважно, добр человек сам по себе или не добр. Важно его заставить делать вид, что он добрый. А после этого обществу будет все равно, добр он на самом деле или нет. Общество нужно устроить так, чтобы оно и недобродетельного человека заставляло делать добро. Важен не человек, а место, которое он занимает. Маркс назвал Бентама «гением буржуазной глупости». Почему глупости? Потому что Бентам не понял, что в экономические отношения включается и сознание этих отношений.

Око власти

Общество, в котором люди действуют посредством свободы, не может быть прозрачным. Бентам пытался общество превратить в тюрьму. Фуко хотел тюрьму превратить в общество. Что это значит? Это значит, что власть сегодня не приурочена к какому-либо лицу. Она отделена от индивида. Власть — это всегда группа, сообщество. В сообществе наблюдают друг за другом и делятся на множество более мелких сообществ. Никто никому не доверяет. Все пишут доносы друг на друга. У машинерии власти нет владельца. В ней есть места, которые могут быть решающими. Фуко в работе «Око власти» описывает анонимную работу машинерии власти при помощи состояния

сознаваемой видимости. Сознаваемая видимость основана на анонимности действия власти. На то у человека и сознание, чтобы власть действовала анонимно, безлико. Не нужно никакого внешнего наблюдения, каждый наблюдает за всеми, а все — за каждым. Для системы социального доверия в Китае вполне подходит машинерия власти, замеченная Фуко. Она способна, как в «Приглашении на казнь» Набокова, подружить жертву и палача.

Поручение

В повести Дюрренматта «Поручение, или О наблюдении за наблюдающим за наблюдателями» описывается существование рефлексивной системы. Сознание, которое не осознает своего отличия от мира, не перестает быть сознанием. Сознание без восприятия отличного от себя мира перестает быть сознанием, перестает относиться к миру, ибо оно и не было сознанием.

Повесть Дюрренматта состоит из 24 предложений. В 5-м предложении высказывается мысль о том, что человек нуждается в наблюдении. Они, говорит логик, герой повести, наблюдают за мной в бинокль, я за ними — в телескоп. Заметив телескоп, они убирают бинокли. Дух системы социального контроля выражается формулой Дюрренматта: «каждый чувствует, что наблюдаем каждым, и сам наблюдает за каждым». Если за тобой не наблюдают, то ты никто, и у тебя нет имени. Если за тобой наблюдают, то ты в значимой иерархии, у тебя есть статус.

Человек, говорит Дюрренматт, наблюдает за природой. Природа защищает себя от наблюдения новыми вирусами. В 20-ом предложении повести утверждается, что Бог, подвергающийся наблюдению, уже не Бог. Свобода Бога выражается в его скрытости.

Торжество

Система социального контроля победила пандемию быстро и четко. Ухань взорвался салютами и фейерверками. Социализм с китайской спецификой торжествовал, поставляя лекарство и медицинские аппараты в страны когда-то передового Запада. Только бывшая столица спекулятивного капитализма Нью-Йорк была все еще некоторое время завалена трупами и задыхалась от пандемии нового ко-

ронавируса. Лидер нового числового мира готовил самолеты с бригадами медицинской помощи для уставшего Трампа. Запад готовил Китаю информационную войну.

Новый числовой порядок

Когда говорят, что человеческая жизнь бесценна, то имеют в виду, что она от Бога. Что значит от Бога? Это значит, что нет в природе причин для того, чтобы человек был, а он есть. Что есть? Есть его грезы. Человек — это видения, то, что ни природа, ни экономика не делают. Экономика — это внешняя жизнь человека. Люди живут внутренней жизнью. Внутреннее — не то, что внутри материального. У материи нет внутреннего. У нее есть только поверхность. Материю нельзя вывернуть. Ее можно только свернуть. И тогда внутри нее появится пустота. Внутреннее существует без присутствия, без локализации в качестве наличного. Внутреннее существует у того, кто относится к себе. Относиться к себе — значит грезить.

Что выявила пандемия? Что внешняя жизнь безмерно расширилась, а внутренняя жалко сузилась. Что люди пусты. Они боятся одиночества. Им не о чем говорить с собой. Привычка нам заменяет нашу самость. Мы забыли, что молчание — это адекватный способ существования человека. Радикальное изменение цивилизации узнается по изменению повседневности. И это изменение произошло. Посредством коронавируса мы вошли в новый числовой порядок. Что это за порядок? Внешняя жизнь — для роботов, внутренняя жизнь — для человека. Экономика эффективна, если она дает возможность заниматься собой максимальному числу людей.

Университеты уже ушли в интернет, в виртуальную реальность. Теперь это место бесконтактного общения преподавателей и студентов. Непосредственный контакт студентов и преподавателей возможен в дальнейшем посредством конкурса между студентами. При этом решающее слово при отборе студентов должно быть не у администрации, а у преподавателя. Учителя и ученики остаются в реальности школы. Школа — заповедник реальности. В ней учитель и педагог совпадают в одном лице. Очевидно, что здравоохранение должно получить полное финансирование. Врачам — зарплату телеведущих, телеведущим — зарплату врачей и систему социального доверия. Ученым — зарплату футболистов, спортсменам — среднюю по стране. Сотрудники офисов должны остаться там, где они

сейчас находятся, — дома, в удалении от места работы. Работа в офисах — алгоритмам, а не человеку.

Резюме

После пандемии следующие принципы наблюдения за наблюдателями должны стать незыблемыми: меняться должны не люди, а институты. Бюрократии — алгоритм, народу — общину. Чиновникам — «систему социального доверия», народу — мораль. Богатым — налоги, труженикам — хозяйство. Числу — равенство, человеку — природное неравенство. Массе — социальные перегородки, элите — самоограничение и дисциплинированный энтузиазм. Справедливость — благо, которое выше любого права. Не человек для общества, а общество для человека.

Литература

1. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. 382 с.

References

2. *Latur B.* Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu. M.: Izd. Dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2014. 382 s.

В.В. БАТАЛОВ

Антиэнтропийный характер времени и концептуальное поле исчезновения, прекращения и распада*

Аннотация. Энтропия играет заметную роль в целом спектре наук и теорий — от логики до квантовой космологии. В философии времени понятие энтропии появляется благодаря логическому пози-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Баталов В.В. Антиэнтропийный характер времени и концептуальное поле исчезновения, прекращения и распада // Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 222—232.

тивизму (Г. Рейхенбах, Л. Склар и др.), связавшему время и его асимметрии с основаниями термодинамики и статистической механики. Вместе с этим концептуальное измерение физикалистской редукции течения времени к градиенту энтропии не сводится к выявлению физических истоков темпоральности и неизбежно включает в себя перифразу традиционного метафизического утверждения о времени как источнике небытия: в границах редукции градиент энтропии неотличим от «градиента распада», который и становится глубинной структурой изменения. В статье показывается, что понятие распада, взятое в предельном смысле и фундированное вторым началом термодинамики, не только не дает представления об общей структуре времени, но и искажает его негативный аспект, связанный с прекращением, уничтожением и смертью.

Ключевые слова: онтология времени, энтропия, термодинамическая асимметрия, направление времени, темпоральная негативность.

Abstract. Entropy plays a prominent role in the whole spectrum of sciences and theories — from logic to quantum cosmology. In philosophy of time, the concept of entropy appears thanks to logical positivism (H. Reichenbach, L. Sklar, and others) linked time and its asymmetries with the foundations of thermodynamics and statistical mechanics. However, the conceptual dimension of the physicalistic reduction of the passage of time to the entropy gradient cannot be reduced to identifying the physical origin of temporality and inevitably includes the paraphrase of the traditional metaphysical assumption about time as a source of nonbeing: within the limits of reduction, the entropy gradient is indistinguishable from «the gradient of decay», which turns out to shape the deep structure of change. The author shows that not only does the concept of decay, taken in the ultimate sense and supported by the second law of thermodynamics, not give an idea of the general structure of time, but also distorts its negative aspect associated with cessation, destruction and death.

Keywords: ontology of time, entropy, thermodynamic asymmetry, direction of time, temporal negativity.

УДК 115
ББК 87.1

Характерной чертой динамических концепций в философии времени является понимание темпоральности как имеющей особое, «выделенное», «привилегированное» направление, существование которого отличает время от пространства. Понятие направления времени призвано объяснить асимметрический характер темпорального универсума: например, невосприимчивость прошлого к воздействию на него, проявляющуюся в его фиксированности и неизменности и отличающую его от будущего; присутствие в настоящем следов прошлого, но не будущего; принципиальное различие характера знания о прошлом и знания о будущем (а также методов его получения)¹; необратимость макроскопических процессов и т. п.

Одной из возможных стратегий философского осмысления направленности времени является понимание времени как энтропии. Энтропия играет заметную роль в целом спектре наук и теорий — от логики, биологии и теории информации до экономики и квантовой космологии [7]. При этом энтропийная интерпретация времени физикалистична, укоренена в основаниях термодинамики и статистической механики. *Mutatis mutandis*, физическая энтропия — «термодинамическая стрела» — оказывается в рамках этой интерпретации универсальным экспланансом времени и его асимметрий. Лоуренс Склар писал, что, как отношение «вверх — вниз» становится осмысленным, эксплицируется в терминах гравитации (различие между верхом и низом задается направлением локального градиента гравитационного поля), так отношение «раньше — позже» — в терминах возрастания энтропии [10]. Стало быть, на вопрос: «Куда течет река времени?» следует ответить: «В направлении градиента энтропии». Эта редукция к физическому понятию энтропии и связанному с ним принципу ее возрастания, редукция к градиенту энтропии, должна придать точность и строгость отличающемуся неопределенностью и

¹«...”Будущее неизвестно, тогда как прошлое известно”. ...Очевидно, что такое определение ошибочно. Некоторые будущие события, такие как астрономические, или тот факт, что осенью состоятся общие выборы, нам хорошо известны. В то же время многие события прошлого неизвестны. Если бы они были известны, тогда задача геологов и историков была бы более простой. Различие между прошлым и будущим заключается не в различии между знанием и незнанием, а в различии методов, с помощью которых мы получаем это знание» [3, 37].

размытостью интуитивному представлению о времени как протекании, прохождении, «движении некоторой объективной сущности, которое мы воспринимаем и непрерывное течение которой мы не можем предотвратить» [3, 35]. Как будет видно, в границах редукции градиент энтропии неотличим от «градиента» распада. Я попытаюсь показать, что ни в качестве процесса, ни в качестве завершающего его состояния окончательной, необратимой дезинтеграции, т. е. состояния максимальной энтропии, понятие распада, взятое в предельном смысле и фундированное вторым началом термодинамики, не только не раскрывает общей структуры времени, но и искажает ее негативный аспект, связанный с прекращением, уничтожением и смертью. Речь будет идти о смысловом пространстве предельной и постоянной темпоральной негации — об абсолютном, уже-не-существующем прошлом, которое «никогда не возвращается», о стирании следов и безвозвратной утрате предикатов в потоке времени.

Мой способ обоснования конструктивного характера необратимости не требует обращения к понятию неустойчивости термодинамического равновесия, анализ которого представлен в работах Ильи Пригожина и Изабель Стенгерс и с которым связаны обнаружение позитивной роли необратимости в физикоцентричной философии времени и становление нелинейной неравновесной термодинамики. Кроме того, лежащий в основе этой статьи тезис об антиэнтропийном характере времени имеет еще несколько существенных методологических ограничений: он не предполагает ни углубления в проблему физических истоков термодинамической асимметрии; ни приоритизации процессов убывания энтропии; ни утверждения о существовании анти-термодинамических процессов, т. е. процессов, в ходе которых взаимодействующие системы не стремятся к состоянию равновесия или же, достигнув его, могут с большой вероятностью и самопроизвольно снова из него выйти и т. п., вопреки второму началу термодинамики; ни отрицания собственной негативности времени. Энтропийная теория времени как таковая и ее вариации, например, концепция Ганса Рейхенбаха, будут поставлены под вопрос лишь в той мере, в какой неизбежное для этих теорий отождествление протекания времени с распадом, исчезновением и утратой — иными словами, с темпоральной негативностью — оказывается несостоятельным.

Первоначально, в эпоху становления термодинамики, понятие энтропии ограничивает *возможные* процессы в адиабатически замкнутых системах процессами, которые характеризуются неубыванием энтропии (второе начало термодинамики). Тепло течет от более горячего тела к более холодному, но никогда наоборот, запах кофе наполняет всю комнату, распространяясь по всему доступному пространству, но никогда наоборот и т. п. [6]. Термодинамические процессы протекают от состояний неравновесия к состояниям, более близким к равновесию, но не в обратном направлении. Другими словами, более близкое к равновесию состояние самопроизвольно не переходит в более отдаленное от равновесия — от неизменности во времени термодинамических переменных, характеризующих макроскопическое состояние системы (температура, давление, объем и т. д.) [6; 7]. Впоследствии второе начало получает статистическую формулировку. Оказывается, что спонтанное стремление к равновесию представляет собой не что иное, как осуществление гораздо более вероятного состояния [9]. Иными словами, самопроизвольное, спонтанное отклонение («флуктуация») от равновесия, т. е. состояния неизменности, является не невозможным, а крайне маловероятным. Однако речь все еще может идти о видимости необратимости и однонаправленности: «...Для вселенной оба направления времени неразличимы, так же как в пространстве не существует верха и низа. Но так же, как в определенной точке земной поверхности направление к центру земли определяется как направление книзу, живое существо, находящееся в определенной фазе времени $\langle \dots \rangle$, будет определять направление времени к менее вероятным состояниям иначе, чем противоположное направление (первое — как прошлое, начало, второе — как будущее, конец)...» [2, 526].

Проблема направления термодинамической стрелы сводится к тому, что энтропия с огромной вероятностью возрастает как в направлении будущего, так и в направлении прошлого — *необратимые* макропроцессы основаны на подчиняющихся фундаментальным динамическим законам, а значит, *обратимых* микропроцессах. Как согласовать обратимые уравнения движения частиц с «вытекающими» из них необратимыми уравнениями термодинамики? Другими словами, что является «источником» термодинамической асимметрии? Тема происхождения термодинамической стрелы является

центральной для современной философии термодинамики. Считается, что ее происхождение должно быть связано или с начальными и граничными условиями системы, или с динамическими законами. В первом случае возрастание энтропии в направлении будущего, но не прошлого объясняется низкоэнтропийностью начального состояния системы. Этот постулат охватывает все термодинамические системы и подсистемы в прошлом, настоящем и будущем, потому что низкоэнтропийным полагается начальное состояние Вселенной (The Past Hypothesis — «Гипотеза [низкоэнтропийного] прошлого», предложенная Дэвидом Альбертом [4]) [6; 9]. Во втором случае исходят из асимметричности самой фундаментальной структуры физического мира, что, в свою очередь, требует соответствующих — инвариантных относительно обращения времени — динамических законов. Некоторые современные философы физики, включая упомянутого выше Д. Альберта, полагают, что необратимые уравнения движения можно обнаружить в одной из теорий объективного коллапса волновой функции в квантовой механике, а именно — в теории Гирарди — Римини — Вебера (Ghirardi — Rimini — Weber theory) [6; 9]. В описании эволюции квантового состояния в рамках теории ГРВ «обоюдоострый» характер стрелы энтропии, по-видимому, исчезает: «ГРВ приписывает вероятности различным возможным будущим волновым функциям, в которые текущая волновая функция системы может коллапсировать. <...> Теория не приписывает вероятности различным возможным прошлым волновым функциям, исходя из текущей волновой функции системы. <...> Затем утверждается, что разные вещи могут происходить в противоположных временных направлениях: волновые функции могут коллапсировать в соответствии с законами вероятности в направлении будущего, но не прошлого» [9, 333].

Следующий логический шаг, который можно совершить, имея в виду сказанное выше, нетрудно предугадать. Грубо говоря, ничто в физическом универсуме и описывающих его законах физики настолько выпукло и наглядно не соотносится с течением времени, с качественными, топологическими, свойствами времени, как их сформулировал Рейхенбах (см.: [3]), как *необратимый* характер термодинамических процессов и его обоснование в виде второго начала термодинамики, — фундаментальная структура этого универсума, как известно, описывается динамическими законами, *обратимыми* во

времени, инвариантными относительно обращения времени. По словам Джилл Норт, исключительное положение термодинамики обусловлено, во-первых, большим разнообразием охватываемых ею феноменов, которые соотносятся с нашим опытом времени: начиная с распространения газа и вплоть до остывания чашек кофе и таяния мороженого; во-вторых, ее способностью тематизировать необратимость в рамках физики, которая только и может дать ответ на вопрос, имеет ли само время направление и является ли различие между прошлым и будущим объективным, присущим времени самому по себе различием: «Мы не можем непосредственно наблюдать, имеет ли время эту структуру. И явлений, какими бы асимметричными они ни казались, недостаточно, чтобы это подтвердить. Вещи распределены в пространстве асимметрично, но из одного этого мы не делаем вывод, что само пространство асимметрично» [9, 342]. Таким образом, «термодинамика, охватывающая настолько широкий диапазон обычных явлений нашего опыта — включая, возможно, тот факт, что мы имеем воспоминания о прошлом, а не о будущем, — является ключом к объяснению времени и основой темпоральности нашего опыта» [9, 343].

В Оксфордском компендиуме по философии времени читаем: «Мы взглянули на мир сквозь окно, открытое Вторым началом [термодинамики], и увидели голую бесцельность природы. Глубинная структура изменения — это распад; весна изменения во всех его формах — это разложение качества энергии, по мере того как она распространяется хаотически, необратимо и бесцельно во времени. Всякое изменение, [равно как] и стрела времени, указывает в направлении распада. Опыт времени — это связь электрохимических процессов в наших мозгах с бесцельным погружением в хаос, по мере того как мы приближаемся к состоянию равновесия и смерти» [5, 98].

Предположим, что проблема направления термодинамической стрелы каким-то образом разрешена и указывающая «в направлении распада» стрела времени обращена в будущее. Распад — это и процесс, и его прекращение. В концептуальном поле распада как неубывания энтропии его прекращение или остановка совпадает с предельным состоянием рассеяния, состоянием утраты всех определений, со-

вершенной дезинтеграции, бесследного исчезновения. «Прошлое никогда не возвращается»², не только потому, что «течение времени происходит в линейном направлении, которое нигде не пересекается с самим собой», но и потому, что под натиском распределения вероятностей³ прошлое оказывается раз и навсегда оторванным, отъединенным от настоящего и будущего, как след на песчаном берегу, исчезнув, перестает принадлежать поверхности, частью которой он был. Прошлое — переставшее изменяться — перестает принимать участие в становлении, в настоящем и будущем, и оказывается просто совокупностью остановившегося и навсегда остающегося «позади», по ту сторону непреодолимой границы, прочерченной градиентом энтропии, распада и рассеяния. Прошедшее останавливается — и выпадает из движения времени. Однако такое выпадение из временного порядка, из времени вряд ли возможно. Полное и бесследное исчезновение в этом смысле означает утрату всех темпоральных определений — *нечто* становится *ничем*, исчезая в прошлом и выпадая из временной связи в результате, если угодно, инверсии становления. Это означало бы, что бывшее рано или поздно становится небывшим, что невозможно, сколь бы отдаленным во времени оно ни было. Абсурдное выпадение из времени, конечно, никогда или, как будет видно дальше, почти никогда напрямую не эксплицируется — в общем случае, из-за размытости и нечеткости интуитивного представления о негативных аспектах течения времени, в рамках же энтропийного подхода к темпоральности, стремящегося к неразмытости понятий, этот парадокс оказывается попросту невыразимым в границах физикалистской редукции, несмотря на то, что он неизбежно присутствует в ее концептуальном измерении. В его пределах энтропийная концепция сближается с презентистскими онто-

² Такую формулировку имеет у Г. Рейхенбаха одно из определений свойств времени: «Оно (данное свойство времени. — В.Б.) выражает тот факт, что течение времени происходит в линейном направлении, которое нигде не пересекается с самим собой и может, таким образом, рассматриваться как прямая линия, простирающаяся от отрицательной бесконечности к положительной» [3, 36].

³ Ср.: «Необратимость основана исключительно на законах вероятности» (А. Эйнштейн) [6]. При этом «эмпирический материал свидетельствует о том, что статистическая механика дает нам правила для вывода заключений только о будущем, но не о прошлом» [9, 338].

логиями, с утверждением, что течение времени — это трансформация еще-не-существующего в уже-не-существующее посредством прохождения через момент «теперь». Прошлое, которое «никогда не возвращается», не существующее прошлое, стирание следов и бесследное исчезновение, растворение во времени — элементы одного и того же концептуального поля.

Противоречивый характер распада как необратимого стирания следов можно прояснить в терминах возможных миров. Допущение необратимого стирания следов и в результате выпадения из времени ведет к парадоксальному тождеству миров, имеющих различное прошлое. Наш мир является миром, в котором произошла битва при Ватерлоо. Согласно нашему допущению, в некоторый момент своей истории этот мир не будет иметь никаких признаков, свидетельствующих о битве при Ватерлоо, а значит, будет неотличим от возможного мира, в котором никогда не было битвы при Ватерлоо. Точнее, если в некоторый момент t в нашем мире больше нет никаких следов битвы, он неотличим от мира, имеющего другое прошлое, в котором битва никогда не произошла [8]. А значит, это один и тот же мир (принцип тождества неразличимых), в котором битва и была, и не была.

Эта аргументация затрагивает как энтропийную интерпретацию протекания времени как распада, так и динамические онтологии презентизма, особенно если они являются последовательными, т. е. соотносят динамику времени не только с изменчивостью настоящего, но и с отрицанием неизменности прошлого. Последователен тезис Александра Михайловича Анисова о несостоятельности «распространенного представления о неизменности прошлого» [1, 17]. В концепции Анисова становление прошлым означает не просто изменение темпоральных позиций (прошлое становится прошлым прошлого и т. д.) — погружение объекта в прошлое выражается в утрачивании им предикатов: «В чем состоит атомарный временной переход? Либо в потере, либо в приобретении предикатов находящейся в потоке времени вещи. ...По мере ухода в прошлое, происходит только безвозвратная утрата ранее имевшихся предикатов»; «Прошлое меняется, поскольку следы однажды бывшего постепенно, с каждым тактом времени, теряются, исчезают. Если же следы исчезли полностью, то полностью растворилось во времени и событие» [1, 17]. Это ведет к тем же самым затруднениям, которые вытекали

из убеждения, что основой времени является термодинамическая необратимость. Если речь идет не только о нашем знании прошлого, но и о самом прошлом, о самих вещах в прошлом, а речь, по-видимому, идет именно о них, то тезис Анисова ошибочен. Например, в 2020 г. мы не знаем, начинал ли Цезарь переходить Рубикон с правой или же с левой ноги, но это не значит, что первый шаг Цезаря не был сделан ни правой, ни левой ногой или что этот шаг и был, и не был, — а именно такой абсурдный вывод соответствует прошлому, следы которого безвозвратно стираются. Реальной утраты предикатов не происходит. На самом деле, правильнее было бы сказать, что становление прошлым, коль скоро оно конституируется утрачиванием предикатов (в эпистемическом, но не в онтологическом смысле), является не линейным, а ветвящимся процессом, и что как будущее, так и прошлое можно описывать в терминах возможных миров.

Прошлое не является неизменным не потому, что становится с течением времени все более неопределенным или все менее реальным, постепенно утрачивая связь с актуальным настоящим в процессе необратимого градуального ослабления своего бытия, а потому, что присутствует и пребывает в изменяющемся настоящем и будущем или сосуществует с ними, не переставая быть определяющим их и определяемым ими; прошлое открывается, реактуализируется, переосмысливается в памяти и истории (ср. феномен «обретенного времени»).

Энтропия по многим причинам не подходит на роль субстанции или сущности времени. Доводя до крайности представление о распаде как о «глубинной структуре изменения», энтропийная интерпретация времени оказывается лишь перифразой традиционного метафизического утверждения о времени как источнике небытия. С не меньшим успехом можно сказать, что время — это скорее длительность, персистенция, присутствие, память, нежели прохождение, исчезновение, отсутствие, забвение.

Литература

1. Анисов А.М. Свойства времени // Логические исследования. Вып. 8. М.: Наука, 2001. С. 5—25.
2. Больцман Л. Лекции по теории газов. М.: Гос. изд-во технико-теоретической литературы, 1953. 555 с.

3. *Рейхенбах Г.* Направление времени. М.: Едиториал УРСС, 2003. 360 с.
4. *Albert D.* Time and Chance. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. 192 p.
5. *Atkins P.W.* Time and Dispersal: The Second Law // The Nature of Time / R. Flood, M. Lockwood (eds.). Oxford: Blackwell, 1986. P. 80—98.
6. *Callender C.* Thermodynamic Asymmetry in Time // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2016: [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/time-thermo/> (дата обращения: 31.03.2020).
7. *Frigg R., Werndl Ch.* Entropy: A Guide for the Perplexed // Probabilities in Physics / C. Beisbart, S. Hartmann (eds.). N. Y.: Oxford University Press, 2011. P. 115—143.
8. *Mozerky J.M.* Presentism / Callender C. (ed.) The Oxford Handbook of Philosophy of Time. New York: Oxford University Press, 2011. P. 103—120.
9. *North J.* Time in Thermodynamics // The Oxford Handbook of Philosophy of Time / C. Callender (ed.). N. Y.: Oxford University Press, 2011. P. 312—353.
10. *Sklar L.* Up and Down, Left and Right, Past and Future // The Philosophy of Time / R. Le Poidevin, M. McBeath (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 99—117.

References

1. *Anisov A.M.* Svoistva vremeni // Logicheskie issledovaniya. Vyp. 8. M.: Nauka, 2001. S. 5—25.
2. *Bol'tsman L.* Lektsii po teorii gazov. M.: Gos. izd-vo tekhniko-teoreticheskoi literatury, 1953. 555 s.
3. *Reikhenbakh G.* Napravlenie vremeni. M.: Editorial URSS, 2003. 360 s.

IV

АКТУАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Г.С. ШИРОКАЛОВА

Коронавирус и «служебные люди»*

Аннотация. Коронавирус актуализировал проблему выбора будущего развития человечества. В статье анализируются позиции либералов, государственников и сторонников социализма. Автор приходит к выводу, что будет реализована либеральная программа, а коронавирус создал условия для ее скорейшего осуществления. Технологии управления большими массами людей и каждым в отдельности отработаны настолько тщательно, что позволяют решать задачи, противоречащие интересам большинства. Создание подвида «служебный человек» — услуги для элиты — прописано поэтапно. Потребительское общество превратило человека в биосоциальное существо, для которого возможность удовлетворения сиюминутных потребностей «ниже пояса» стала решающей при выборе образа жизни. В России нет социальной базы, способной отстаивать собственные права даже дня сегодняшнего, не то что сравнительно отдаленного будущего. Социальная солидарность осталась в советском прошлом, ностальгия о котором дает психологическую защиту от реальности, но не служит ориентиром для личных стратегий.

Ключевые слова: коронавирус, либерализм, социализм, коммунизм, служебные люди.

Abstract. Coronavirus updated the problem of choosing the future development of mankind. The article analyzes the positions of liberals, statesmen and supporters of socialism. The author concludes that a liberal program will be implemented, and the coronavirus has created the conditions for its speedy implementation. The technologies for managing large masses of people and each individual are so thoroughly worked out that they allow solving problems that are contrary to the interests of the majority. The creation of a subspecies of the «service man» — servants for the elite is spelled out in stages. Consumer society has turned a person into a

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Широкалова Г.С. Коронавирус и «служебные люди» // Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 235—252.

biosocial creature, for whom the ability to meet immediate needs «below the belt» has become crucial when choosing a lifestyle. In Russia there is no social base capable of upholding the rights of today, not that of a relatively distant future. Social solidarity remained in the Soviet past, nostalgia about which provides psychological protection from reality, but does not serve as a guide for personal strategies.

Keywords: coronavirus, liberalism, socialism, communism, service people.

УДК 316
ББК 60.56

Коронавирус активизировал обсуждения проблемы будущего Российского государства. Каждая из сторон пытается использовать ситуацию как аргумент правоты своей позиции, а исполнительная власть тем временем реализует свой сценарий.

Традиционный подход к социальной сущности государства представлен в публикациях А. Бузгалина и А. Колганова. Будущее страны, социальной группы/класса, индивида определяются классовой природой государства. Первая ипостась — «государство как власть бюрократического аппарата, используемое для присвоения чиновниками административной ренты как легальными, так и теневыми способами (государство-бюрократ). Вторая — государство как аппарат по управлению делами господствующего класса, регулирующий в его интересах условия воспроизводства всего общественного капитала и к тому же представляющее собой особый крупный капитал, выступающий самостоятельным игроком как на финансовом рынке, так и в реальном секторе экономики (государство-капитал). Третья — государство как актер, обеспечивающий реализацию общенародных интересов и, в частности, некоторый набор социальных гарантий, безопасность, решение экологических проблем и т. п. (государство-общество)» [1, 4]. Не будем дискутировать по поводу того, к первой или второй группе относится российское государство, очевидно — что не к третьей. Таково мнение и у большинства населения страны, как показывают материалы социологических опросов, о которых речь пойдет ниже. Можно говорить о степени либеральности курса правительства за последние три десятилетия, но нельзя отрицать очевидное.

Дал ли шанс коронавирус ускорить реализацию давних целей всем силам политического спектра? По нашему мнению, борьба концептов продолжается, как и прежде, на теоретическом уровне, на практике же правительство проводит либеральный курс. Рассмотрим, каковы основные ориентиры.

Либеральную парадигму развивает Комитет гражданских инициатив — организация, включающая в свои члены настоящих и бывших чиновников высокого уровня, ученых и представителей СМИ либеральной ориентации. Эксперт КГИ А. Колесников, руководитель программы Московского центра Карнеги, член международного научного совета Финского института международных отношений, задает вопрос: «За счет чего государство будет столь вольготно располагаться в экономике после пандемии? Парадоксальным образом, единственный выход для него — это уйти из экономики, заняться дерегулированием и превращением себя в арбитра — такая идеальная либеральная ситуация». И далее: «...когда правительство уходит из экономики, она начинает чувствовать себя лучше после кризиса. Мы сейчас тоже войдем в эпоху, которая будет посткризисной» [8]. Как видим, мантра в аргументации все та же: только свобода предпринимательства избавит население от нищеты.

Устойчивость сословной/кастовой сущности рыночного государства придадут изменения в системе образования. По мнению вице-президента корпорации «Российский учебник» А. Галиева, массовый переход школьного и высшего образования на дистанционные форматы, произошедший в марте 2020 г., дал возможность «воспользоваться этим кризисом как шансом для переосмысления роли и места самого института школы в нашем обществе». Точнее: увеличить «степень самостоятельности школ — во всем, включая выбор учебников и других образовательных инструментов, а также структуру расходов. Самостоятельность в данном случае является синонимом ответственности. Только самостоятельная и ответственная школа способна быстро и адекватно реагировать на изменение любых обстоятельств, включая чрезвычайные» [2]. Опыт последних лет привел к разрушению социального государства, что особенно явно проявилось в сельской местности, но либеральная цель оправдывает средства.

Эти предложения вписываются в Образовательный Форсайт 2030, разработка которого началась в 2007 г. [19]. В 2013 г. был издан Доклад «Будущее образования: глобальная повестка», в создании которого участвовали Агентство стратегических инициатив при Президенте РФ, ВШЭ, Сколково и др., что позволяет рассматривать Доклад как государственный заказ [12].

Неявная политическая цель Доклада — создание сословного/кастового общества — в полной мере обеспечивается прописанной там реформой образования.

«1. Обучение будущего будет высокостратифицированным и будет определяться возможностями доступа (в том числе стоимостью этого доступа) к уникальным носителям компетенций ”гуру” и сообществам практик.

2. Массовые знания и навыки будут передаваться в первую очередь за счет автоматизированных решений (на первых этапах за счет гибридных онлайн/оффлайн форматов, как в *blended learning*, а далее в работе с полностью автоматизированными системами — наставниками.

3. “Живое” обучение будет сравнительно более дорогим и, как следствие, будет носить “премиальный” характер... Содержание этого обучения будет сосредоточено не на передаче общедоступной информации и отработке рутинных упражнений, а на выработке сложных надпредметных компетенций, связанных с творческим мышлением и поддерживающим его психофизическим “настроением”. Важной частью такого живого обучения должна также быть работа с ценностями и предельными смыслами» [12, 10].

Что касается государства, то его основной задачей станет управление гражданской идентичностью, которая достаточно эфемерна, поскольку лояльность глобальных элит сообществу выше, чем лояльность странам. Трансформация государственной инфраструктуры произойдет через несколько десятков лет, так как «должны вырасти и занять свои места в общественной элите люди, для которых мысль об исчезновении государства и замене его другими механизмами координации будет вполне естественной» [12, 15].

Социальная база таких преобразований (игроки «ЗА») — прогрессивные университеты («оседлать тренд»), НКО (реформаторы),

регуляторы (образование как инструмент политики), «сознательные» родители, внеуниверситетские и молодые исследователи, крупный бизнес (развлечения, медицина, детские товары). Игроки «ПРОТИВ» — организованные религии, академическая элита, регуляторы (внутренняя политика), преподавательско-учительский корпус, родители-консерваторы. Неопределившиеся игроки: «лишние люди» (жертвы прогресса), работодатели, новые мировые лидеры (Китай, Индия) [12, 53].

Государственники в этой статье представлены экспертами Московского экономического форума (МЭФ), созданного как альтернативная площадка Гайдаровскому форуму в 2013 г. председателем Совета директоров группы компаний «Новое содружество», председателем Федерального Совета ВПП «Партия Дела» К.А. Бабкиным. Видение будущего России изложено в документе «Принципы стратегии экономического развития России до 2025 г.» [18].

17 марта 2020 г. прошла специальная сессия МЭФ-2020: «Новый Курс. Время действовать. Деньги в Россию!». Оценивая ситуацию в стране, Бабкин заявил: «Либеральная модель перестала быть продуктивной» и нужна иная «четкая идеологическая линия». «...Наша задача на современном этапе сделать так, чтобы наше общество... рассматривало нашу страну как самодостаточную цивилизацию. ...мы должны добиться того, чтобы политика правительства была целостной и была нацелена на усиление нашей экономики, усиление нашей цивилизации». Для этого нужны: стимулирующие отечественное реальное производство налоговая политика, денежно-кредитная политика и разумная внешнеторговая политика. «Мы хотим, чтобы государство, общество регулировало рынок, направляло деятельность участников в созидательное русло, а не на спекуляции и на вывод денег из страны». По мнению Бабкина, некоторый отказ от либерализма, проявившийся в Национальных проектах, последовал в том числе благодаря работе МЭФ [16].

Путь достижения цели — вовлечение широких масс творческих людей в процесс разработки образа будущего и убеждение правительства в необходимости поворота на новый курс созидания и развития [22]. Необходимость выхода из экономического кризиса, совпавшего с пандемией, дает шанс отказаться от идеологии либерализма.

Доклады на сессии развивали общую установку, заданную в выступлении К.А. Бабкина. Причины неэффективности государственной экономической политики, по мнению С.Ю. Глазьева в том, что «за любой экономической политикой стоят чьи-то интересы», в данном случае — интересы банков, которые имеют большую маржу на валютных операциях, чем на кредитовании развития реального сектора экономики. Отсюда необходимость усиления влияния государства на финансовый сектор с целью кардинального изменения его политики. Наиболее жестко охарактеризовал состояние страны М.Г. Делягин: государство является самым эффективным управленческим механизмом в истории человечества, весь вопрос в том, кому оно служит. Оно может быть «врагом народа», а может «служить народу», модернизируя инфраструктуру [16].

Критика политики государства, звучащая на всех площадках МЭФ с 2013 г., справедлива и конструктивна. Понятна и установка на поиск социальной базы изменений — вовлечение широких масс творческих людей в процесс разработки образа будущего и убеждение правительства в необходимости поворота на новый курс созидания и развития [22]. Только слишком мала информационная площадка МЭФ. Игнорирование МЭФ со стороны СМИ напрямую влияет на число просмотров/подписчиков их сайтов. Форумы важны — знакомство с единомышленниками придает уверенность, но это ли социальная база, которая сможет переориентировать политику государства?

Кроме того, представление о будущем не проработано в документах, а следовательно, и в выступлениях руководства Партии Дела. Что означает следующая фраза: «Вместо того чтобы трудиться качественно на творческих рабочих местах, вкусно кушать и хорошо пахнуть, наши люди оказываются мало востребованы, экономят каждую копейку, что совершенно недопустимо в такой потенциально богатой стране, как наша»? Это оговорка по Фрейду, описывающая круг потребностей, интересов и место большинства населения в будущей «самодостаточной» российской цивилизации? Или констатация необратимых процессов изменения менталитета россиян, произошедших в обществе потребления? История доказывает, что народ «поко-

ряет вершины», когда есть великая общая цель. Качественный творческий труд ради хорошей еды и дорогого парфюма такой не назовешь.

Искреннее уважение вызывает последовательная работа команды К.А. Бабкина, когда в условиях «а Васька слушает, да ест...» она отстаивает свою позицию в самых разных формах. Но ее настойчивость или угрозы окончательной утраты суверенитета, а следовательно, перераспределения собственности в пользу иностранного капитала заставили власть принять Национальные программы. При этом, конечно, учитывалась и пропагандистская цель: обещания — удобное средство снижения социальной напряженности. Отсутствие же ответственности за несоответствие провозглашенных целей реальным результатам доказывает, что финансирование Программ определяется уровнем риска интересов олигархического капитала, в том числе зарубежного. Есть он — финансирование идет, нет — перераспределяется в пользу «строителей» Олимпиад, Универсиад и футбольных команд...

Пандемия спровоцировала появление мнения, согласно которому мир должен будет полеветь. *Социалистическое крыло* представим статьей директора Института социэкономки Московского финансово-юридического университета А.В. Бузгалина, участника многих МЭФ. Подписчикам сайта «Альтернатива» 2 апреля 2020 г. была разослана его статья «Коронавирус рождает импульс коммунизма» [23]. Оценивая ситуацию, автор провозглашает неизбежность двух альтернатив: либо коммунизм, либо варварство, вплоть до коричневой чумы. С таким прогнозом могу согласиться. Признаками первого варианта Бузгалин называет тот факт, что в условиях пандемии «впервые после ухода “реального социализма” миллионы людей всерьез задумались о важности иных, нежели деньги, бренды и тренды, ценностей». Задумались, потому что «борьба всех против всех и невидимая рука рынка не могут решить проблем пандемии — для борьбы с ней требуются по преимуществу нерыночные меры ...государственное регулирование и общественная инициатива, взаимопомощь, самоограничение, подчинение своего “эго” решению общей проблемы». Опыт показал, что в странах, где слаб общественный сектор и государство ориентировано на интересы олигархов, пандемия сильнее. Государство должно социализировать, т. е. взять

под общественный контроль здравоохранение, социальное обеспечение, инфраструктуру, энергетику и связанные с ними производства. Реализация этой задачи зависит «и от граждан, от того, насколько внятно, последовательно и активно мы потребуем этого от власти». «Средства на преодоление пандемии должны дать миллионеры и миллиардеры, ограничив не инвестиции, а личное потребление». «В массах зреет понимание того, что этих надо заставить, как минимум, поделиться». Это начинает понимать и государство. «Принцип неприкосновенности частной собственности и интересы максимизации прибыли должны отойти на второй план».

Действительно, административные решения, ресурсы, выделяемые на борьбу с пандемией, можно рассматривать как активизацию социальных функций государств. Но причина этого не в проснувшемся человеколюбии: оказалось, что «элита» и «средний класс», во-первых, в силу своей мобильности в большей степени подвержены заражению, во-вторых — без «прислуги», «вареных овощей», «совков», «нищобродов» им не обойтись... Особенно, если «затянув их пояса» можно восстановить выпадающие доходы.

Да, есть и добровольчество: пение с балконов, видеообращения, транспортная помощь медикам... Что ж в любой популяции рождаются альтруисты, это генетически заложено для ее выживания. Под влиянием социальных факторов их число может увеличиваться или уменьшаться за счет других групп, но это ситуативное явление. Когда Россия выиграла право на сочинскую Олимпиаду, в докладе на Этнографическом конгрессе директор Института этнологии и антропологии В.А. Тишков заявил, что ее итогом будет единая российская идентификация, общество осознает себя как единая нация и привел в пример Норвегию, «забыв» про массу других объективных постоянно действующих факторов, не позволяющих проводить аналогии. Потом была Универсиада, мост во Владивостоке на остров Русский, Чемпионат мира по футболу, мост в Крым... а «Германна все нет...». В России нет социального мира. Расслоение по всем позициям будет нарастать. Гражданское общество не формируется на «территории обмана», который «воспроизводим мы сами. Он стал стилем жизни на работе, в семье, в дружбе. Мантра «Все сейчас так живут» снимает нравственные ограничения и психологическое напряжение за счет распада сознания» [24, 170 — 171].

Заголовок статьи Бугалина обещал, по меньшей мере, призыв к национализации природных ресурсов, но все свелось к требованию к государству и олигархам ограничить брендовое потребление под давлением масс. Это не упрек автору — уверена, он понимает, что социальной базы даже под такие минимальные требования в России нет. Но когда чувствуешь угрозу фашизма, будешь искать любые факты, чтобы убедить себя и других, что возможна альтернатива — коммунизм.

То же можно сказать и о КПРФ. Напомним, из 15 поправок к Конституции вторым (не первым!) было требование «Зафиксировать принадлежность природных недр России ее народу, гарантировать всем гражданам страны достойную долю дохода от добычи полезных ископаемых [17]. В конце 1980-х у КПРФ был ложный лозунг — против продажи сельскохозяйственных земель. Ложный потому, что не менее разрушительна для социального государства продажа земель любых категорий. Сейчас же из всех природных ресурсов выбраны только недра. Напомним, согласно Гражданскому кодексу, к природным ресурсам относится не только то, что *под* землей, но и то, что *на* ней и *над* ней. Как тут не вспомнить продавца воздуха...

У России нет перспективы возвращения не только к социализму, но и к социальному государству. Нет субъекта для такого тренда. Хотя, казалось бы, результаты исследований свидетельствуют об обратном. Опросы Левада-центра фиксируют рост желающих решительных перемен в стране за последние два года с 42 до 59%. За стабильность режима — 8%. Более половины респондентов полагают, что реформы возможны при условии серьезного изменения политической системы, а на перемены с сохранением существующей системы согласны 34% [14].

Осенью 2019 г. самыми острыми проблемами назывались рост цен и безработицы, коррупция, недоступность медицинского обслуживания и образования, обнищание населения [10]. Но вера в борьбу с коррупцией у населения тает: аресты коррумпированных чиновников более 50% считают переделом сфер влияния и отвлечением населения от более насущных проблем, лишь четверть оценивают их как реальную борьбу с ней [11].

В Конституции РФ Россия названа социальным государством. Не считают страну таковой даже 64% либералов, противоположное мнение у 11% [21].

Другое исследование Левада-центра подтверждает, что внятного представления о будущем государственном устройстве у населения нет. О распаде СССР жалеют 65% и считают советскую эпоху лучшей в истории страны 75%, но вернуться на прежний путь согласилось бы — 28%. Сторонников особого пути — 58%, европейского варианта — 10% [15]. Борьбаться против падения уровня жизни готовы через участие в митингах протеста — 27%, в протестах с политическими требованиями еще меньше — 20% [20]. Но это лишь вербальная готовность. Российский народ утратил свою субъектность после распада СССР.

Каков же постпандемический сценарий? Субъект социального действия не обязательно должен быть многочисленным. В современных условиях важнее, у кого административная власть, поскольку разработаны принципиально новые технологии управления массами. Следовательно, неизбежно усиление либерализма с уклоном вправо. Конечно, от того, какой именно либеральный клан придет к власти, зависят нюансы политики. Именно нюансы.

Сценарий будущего России убедительно описал со ссылками на соответствующие официальные факты директор «Курчатовского института» М.В. Ковальчук, выступая еще в 2015 г. с докладом в Совете Федерации РФ. Сегодня можно утверждать, что реализация этого сценария не только неизбежна, но и ускорится благодаря пандемии. Под прикрытием коронавируса отрабатываются новации в виде тотальной слежки из-за угрозы новой волны пандемии, массового психоза, нагнетаемого СМИ, атомизации общества в ожидании повторения 1990-х, расширения полномочий силовых структур.

Но вернемся к докладу Ковальчука. Пожалуй, впервые публично перед органами высшей законодательной власти вопрос был сформулирован предельно четко: какова ее позиция в отношении вызова создания человеческого подвида — «служебного человека» [3]. Благодаря трансляции с заседания, он широко разошелся по социальным сетям. Большинство комментариев сводилось к тому, что теория заговора уже порядком надоела. А радио «Свобода» раскритиковало докладчика за «*конвергентные технологии*» и «*трансгуманизм*», якобы отброшенные западной наукой десяток лет назад. Сегодня они «не имели бы ни в Европе, ни в Соединенных Штатах никаких шансов быть услышанными» [4].

Для нас последний аргумент неубедителен: часто замалчивается именно то, что раскрывает тайные стратегические планы. А потому процитируем положения, вызвавшие столь ожесточенную полемику.

Примечательно уже само начало сюжета о «служебных людях»: «Мир был устроен очень просто: некая элита всегда пыталась весь остальной мир поставить себе на службу. Сначала был рабовладельческий строй, потом был феодальный, потом был капитализм в том или ином виде, фактически, но каждый раз это заканчивалось сменой формации. Почему? Потому что люди, которых элита пыталась превратить в обслугу, этого не хотели по двум причинам: они, во-первых, были биологически такими же людьми, как те, кто их хотел превратить в обслугу, а во-вторых, у них выросло, по мере развития, самосознание, и они сами хотели, так сказать, стать элитой. И вот весь этот круговорот происходил. А теперь получается следующее: сегодня возникла реальная технологическая возможность вмешаться в процесс эволюции человека. И цель — создать принципиально новый подвид *Homo sapiens* — “служебного человека”».

Итак, причины создания «служебного человека» Ковальчук обозначил достаточно четко, затем перечислил механизмы выведения подвида: ограничение самосознания через абсолютизацию свободы; слом системы базовых моральных принципов; управление размножением через социальные и психологические предпосылки для якобы стихийного снижения рождаемости; дешевый корм (генно-модифицированные продукты).

И дальше: «у вас толпы людей, которые борются друг с другом и легко управляются извне. И это есть мощнейший инструмент. И еще очень важная вещь: ну фактически замена вот этого организованного сообщества взаимодействующих и защищенных государством людей совокупностью просто, ну как бы, популяции управляемых отдельных индивидуумов».

И вывод: «Значит фактически, сегодня уже возникла реальная технологическая возможность выведения служебного подвида людей. И этому помешать уже не может никто, это развитие науки, это по факту происходит, и мы с вами должны понимать, какое место в этой цивилизации мы можем занять».

Подытожим: выведение служебного подвига людей — единственный надежный способ сохранить сословность общества, сформировавшуюся за последние десятилетия. Кто из тех, перед кем выступал Ковальчук, не поддержит такую стабильность для сохранения социального статуса для своих детей? Не было ни вопросов, ни ответов на риторический вопрос: какое место Россия должна занять в этом процессе. Риторический по сути, тактический в частностях — «служебного человека» мы создаем, но нужно или нет «ускорение»?

В качестве методологического девиза возьмем мудрость из «Нового завета»: «По плодам их узнаете их» (Мф. 7: 15—20). А потому не будем особо останавливаться на очевидном — механизмах интенсивности и эффективности процесса слома системы базовых моральных ценностей через систему образования, здравоохранения, культуру. Они создали и психологические предпосылки снижения рождаемости, реформирования отношения к семье. Поколение Y выросло на «первом в стране телешоу о любви и сексе “Про ЭТО”» с Еленой Хангой [5]. Теперь уже не плюют: поколение Z выросло на «Доме—2».

Эксперимент, направленный на смену ментальности, показал, как быстро человека из социобиологического существа можно превратить в биосоциальное. Так, лишь 8,9% респондентов из московской молодежи считают, что любовь должна быть бескорыстной, 19,4% — любящий несет ответственность за любимого человека, 22,5% — постоянен в отношениях. Сексуальная гармония важна для 38,9%. Около 80% называют секс очень значимой и значимой ценностью. Налицо отказ от традиционного понимания любви и семьи [7, 63, 88]. Секс и агрессивность в *иерархии ценностей* ныне занимают самые почетные места, причем секс становится потребительской ценностью и способом заполнения пустоты [6].

Конечно, СМИ это не единственные механизмы снижения ценности семьи, детей, появления движения чайлдфри. Материальные факторы не менее значимы: согласно исследованию РАНХиГС, семьи с детьми значительно чаще имеют экономические трудности. В целом домохозяйства с детьми составляют более 60% от численности малоимущих домохозяйств в России. 20,9% детей проживают в домохозяйствах, имеющих из-за нехватки средств задолженность по оплате услуг ЖКХ, аренды или кредитов, в то время

как аналогичный показатель для всего населения РФ составляет только 14%. В то же время 18,4% детей проживают в семьях, которые с трудом сводят концы с концами — т. е. им не хватает даже на обязательные повседневные расходы [13, 20, 40–41].

Рабочий день, превышающий официальный трудовой день, конкуренция, неуверенность даже в ближайшем будущем — исследований этих объективных факторов также немало и не стоит приводить дополнительные примеры.

Наконец, дешевая еда, полученная благодаря ГМ-технологиям. Пока в СМИ можно встретить по ее поводу самые разные точки зрения, но принятие законодательства, ограничивающего ГМ-продукты в странах Запада, а затем и в России, свидетельствует о ее негативном влиянии на организмы человека и животных — на болезни и уменьшение продолжительности жизни.

Ковальчук прав: в мире действительно отработаны технологии подавления способности человека к критическому мышлению. Некоторые из них широко известны и успешно используются. В 2014 г. была опубликована статья о более опасных технологиях, дающих возможности тотального управления — Универсальной электронной карте (УЭК) и ее аналоге — электронном чип-паспорте [25, 107–111]. Но разве ускоренная цифровизация под угрозу коронавирусу не приближает это светлое будущее?

Среди тех, кто выступает против формирования «постчеловечества», наиболее активен д.ф.н. В.А. Кутырёв [9]. Его работы известны профессионалам, но насколько осознается проблема обычными людьми, погруженными в ежедневные хлопоты элементарного выживания, тревожит ли их угроза стать подвидом «служебный человек»?

Реакция на выступление Ковальчука представлена в интернете. Однако при всей распространенности социальных сетей подобные сайты посещают немногие наиболее обеспокоенные проблемами «всего человечества». В рамках учебного курса я показала выступление студентам-заочникам. Четко структурированная информация Ковальчука не вызвала шока; в той или иной степени большинство знает/догадывается об этих процессах и свыклось с их неизбежностью. В своем большинстве люди осознают направленность, а неко-

торые и неизбежность представленного Ковальчуком результата. Однако сознание вытесняет негативную информацию ради комфортности здесь и сейчас.

Есть ли социальные силы, которые способны остановить процесс формирования «служебного подвида» людей, что по сути и есть процесс фашизации? По нашему мнению — нет. Можно солидаризироваться с В.А. Кутырёвым, что максимум, чего можно желать — лишь замедлить процесс биороботизации. Но даже для этого нет реального социального субъекта ни в мире, ни в России. Социальная беспомощность «низов» — знаковая болезнь общества потребления. Комфортней синдром самооправдания, в чем любой человек всегда очень талантлив.

Литература

1. Бузгалин А., Колганов А. Государство в экономике XXI века: политико-экономическая интерпретация // Альтернативы. 2020. № 1.
2. Галиев А. Вирусный кризис: уроки на будущее: [Электронный ресурс]. URL: <https://komitetgi.ru/news/news/4193/> (дата обращения: 25.03.2020).
3. Глава «Курчатовского института» М. Ковальчук выступил на заседании СФ в рамках «Времени эксперта»: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PgBq7oOI8Hk> (дата обращения: 30.09.2015).
4. Добрынин С. Служебные люди Михаила Ковальчука. 26 января 2016: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/27511650.html>.
5. Елена Ханга: «Мне плевали в лицо за мое шоу “Про это...”»: [Электронный ресурс]. URL: www.segodnya.ua/lifestyle/showbiz/elena-hanga-mne-plevali-v-l.
6. Жмуров В. Психиатрия. Энциклопедия: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.ru/search?tbm=bks&hl=ru&q=места+секса+в+иерархии+ценностей>.
7. Киреев Е., Красниковский В., Сазонов А., Сазонова А. Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития: монография / Под ред. А.А. Сазонова. М.: Издательский Дом «Наука», 2013. 286 с.

8. Колесников А. Государство после пандемии: дай ему уйти: [Электронный ресурс]. URL: <https://komitetgi.ru/news/news/4196/> (дата обращения: 31.03.2020).

9. Кутырев В.А. Деконструкция мужской и женской субъектности как род(к)овой фактор возникновения на Земле безжизненного постчеловека // Философия хозяйства. 2019. № 5.

10. Левада-центр»: больше всего россиян волнуют рост цен, бедность и коррупция: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4103563> (дата обращения: 5.09.2019).

11. Левада-центр»: россияне не считают аресты высокопоставленных чиновников борьбой с коррупцией: [Электронный ресурс]. URL: <https://pasm.ru/archive/232874/> (дата обращения: 07.05.2019).

12. Лукиа П., Песков Д. Будущее образования: глобальная повестка: [Электронный ресурс]. URL: <https://vbudushee.ru/upload/iblock/f47/f47425d3a3e0b4d37ce157f622aea.pdf>.

13. Малева Т.М. Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность / Т.М. Малева, Е.Е. Гришина, Е. А. Цацура; РАНХиГС при Президенте РФ. М.: Дело, 2019. 52 с.

14. Мухаметшина Е. Почти 60% россиян выступают за решительные перемены в стране: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/11/05/815494-pochti-60-rossiyan>.

15. Мьельников П. Три четверти россиян (75 процентов) считают советскую эпоху лучшей в истории страны: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/три-четверти-россиян-считают-эпоху-ссср-лучшей-в-истории-страны/a-52894313> (дата обращения: 24.03.2020).

16. МЭФ 2020: специальная сессия «Новый Курс. Время действовать. Деньги в Россию!»: [Электронный ресурс]. URL: <http://meforum.ru/media/events/mef-2020-spetsialnaya-sessiya-novyy-kurs-vremya-de/>.

17. Предложения КИРФ по изменению Конституции: [Электронный ресурс]. URL: <http://kprf-saratov.ru/wp-content/uploads/logo.png> (дата обращения: 14.02.2020).

18. Принципы стратегии экономического развития России до 2025, в которой залог успеха — политика государства, направленная

на развитие реального сектора экономики: [Электронный ресурс]. URL: <https://partyadela.ru/upload/iblock/c62/c62dfb7df719adfc46aa58766f2560e2.pdf>.

19. Реинжиниринг фьючерсов (rf group) — технологический форсайт на базе Москвы и Сан-Франциско think-and-do-tank: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.refuture.me/>.

20. Ромашенко С. Опрос: Треть россиян не верит во вмешательство Запада в протесты в Москве: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/опрос-треть-россиян-не-верит-во-вмешательство-запада-в-протесты-в-москве/a-50266687> (дата обращения: 03.09.2019).

21. Социального государства в России нет, коммунисты и либералы согласны: опрос: Опрошено более 85 тысяч человек из различных регионов России. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/society/2764626.html>.

22. Теперь официально: МЭФ возобновил свою работу: [Электронный ресурс]. URL: <https://partyadela.ru/blogs/blog-konstantina-babkina/11006/> (дата обращения: 17.03.2020).

23. Фрагмент статьи: «Литературной газете» 1 апреля 2020 г. (Бузгалин А.В. «Петух клюнул»): [Электронный ресурс]. URL: <https://lgz.ru/article/-13-6731-01-04-2020/petukh-klyunul/>.

24. Широкалова Г.С. Что происходит в социальной структуре российского общества? // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 3. С. 165 — 172.

25. Шульдинина А.Б. УЭК — очередной троянский конь для граждан РФ (?) // Вестник Российского философского общества. 2014. № 3(71).

References

1. *Buzgalin A., Kolganov A.* Gosudarstvo v ehkonomie XXI veka: politiko-ehkonomicheskaya interpretatsiya // *Al'ternativy*. 2020. № 1.

2. *Galiev A.* Virusnyj krizis: uroki na budushhee: [Электронный ресурс]. URL: <https://komitetgi.ru/news/news/4193/> (дата обращения: 25.03.2020).

3. Glava «Kurchatovskogo instituta» M. Koval'chuk vystupil na zasedanii SF v ramkakh «Vremeni ehksperta»: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PgBq7oOI8Hk> (дата обращения: 30.09.2015).

4. *Dobrynin S.* Sluzhebnye lyudi Mikhaila Koval'chuka. 26 yanvarya 2016: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.svoboda.org/a/27511650.html>.

5. *Elena KHanga:* «Mne plevali v litso za moe shou «"Pro ehto..."»»: [EHlektronnyj resurs]. URL: www.segodnya.ua/lifestyle/showbiz/elena-hanga-mne-plevali-v-l.

6. *ZHmurov V.* Psikiatriya. EHntsiklopediya: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.google.ru/search?tbm=bks&hl=ru&q=mesta+seksa+v+ierarkhii+tsennostej>.

7. *Kireev E., Krasnikovskij V., Sazonov A., Sazonova A.* Molodezh' Moskvy: tsennostnye priority, strategii povedeniya i perspektivy razvitiya: monografiya / Pod red. A.A. Sazonova. M.: Izdatel'skij Dom «Nauka», 2013. 286 s.

8. *Kolesnikov A.* Gosudarstvo posle pandemii: daj emu ujti: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://komitetgi.ru/news/news/4196/> (data obrashheniya: 31.03.2020).

9. *Kutyrev V.A.* Dekonstruksiya muzhskoj i zhenskoj sub"ektnosti kak rod(k)ovoj faktor vozniknoveniya na Zemle bezzhiznennogo postcheloveka // Filosofiya khozyajstva. 2019. № 5.

10. Levada-tsentr»: bol'she vsego rossijan volnuyut rost tsen, bednost' i korruptsiya: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4103563> (data obrashheniya: 5.09.2019).

11. Levada-tsentr: rossiyane ne schitayut aresty vysokopostavlennykh chinovnikov bor'boj s korruptsiej: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://pismi.ru/archive/232874/> (data obrashheniya: 07.05.2019).

12. *Luksha P., Peskov. D.* Budushhee obrazovaniya: global'naya povestka: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://vbudushee.ru/upload/iblock/f47/f47425d3a3eeae0b4d37ce157f622aea.pdf>.

13. *Maleva T.M.* Sotsial'naya politika v dolgosrochnoj perspektive: mnogomernaya bednost' i ehffektivnaya adresnost' / T.M. Maleva, E.E. Grishina, E.A. TSatsura; RANKHiGS pri Prezidente RF. M.: Delo, 2019. 52 s.

14. *Mukhametshina E.* Pochti 60% rossijan vystupayut za reshitel'nye peremeny v strane: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/11/05/815494-pochti-60-rossijan>.

15. *Myl'nikov P.* Tri chetverti rossijan (75 protsentov) schitayut sovetkuyu ehpkohu luchshej v istorii strany: [EHlektronnyj resurs]. URL:

<https://www.dw.com/ru/tri-chetverti-rossiyan-schitayut-ehpokhu-sssr-luchshej-v-istorii-strany/a-52894313> (data obrashheniya: 24.03.2020).

16. MEHF 2020: spetsial'naya sessiya «Novyj Kurs. Vremya dejstvovat'. Den'gi v Rossiyu!»: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://me-forum.ru/media/events/mef-2020-spetsialnaya-sessiya-novyy-kurs-vremya-de/>.

17. Predlozheniya KPRF po izmeneniyu Konstitutsii: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://kprf-saratov.ru/wp-content/uploads/logo.png> (data obrashheniya: 14.02.2020).

18. Printsipy strategii ehkonomicheskogo razvitiya Rossii do 2025, v kotoroj zalog uspekha — politika gosudarstva, napravlennaya na razvitie real'nogo sektora ehkonomiki: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://partyadela.ru/upload/iblock/c62/c62dfb7df719adfc46aa58766f2560e2.pdf>.

19. Reinzhiniring fyuchersov (rf group) — tekhnologicheskij forsajt na baze Moskvy i San-Frantsisko think-and-do-tank: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.refuture.me/>.

20. Romashenko S. Opros: Tret' rossiyan ne verit vo vmeshatel'stvo Zapada v protesty v Moskve: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.dw.com/ru/opros-tret'-rossiyan-ne-verit-vo-vmeshatel'stvo-zapada-v-protesty-v-moskve/a-50266687> (data obrashheniya: 03.09.2019).

21. Sotsial'nogo gosudarstva v Rossii net, kommunisty i liberaly soglasny: opros: Oprosheno bolee 85 tysyach chelovek iz razlichnykh regionov Rossii. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://regnum.ru/news/society/2764626.html>.

22. Teper' ofitsial'no: MEHF vozobnovil svoyu rabotu: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://partyadela.ru/blogs/blog-konstantina-babkina/11006/> (data obrashheniya: 17.03.2020).

23. Fragment stat'i: «Literaturnoj gazete» 1 aprelya 2020 g. (Buzgalin A.V. «Petukh klyunul»): [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://lgz.ru/article/-13-6731-01-04-2020/petukh-klyunul/>.

24. SHirokalova G.S. CHto proiskhodit v sotsial'noj strukture rossijskogo obshhestva? // Vestnik Instituta sotsiologii. 2019. T. 10. № 3. C. 165 — 172.

25. SHulyndina A.B. UEHK — ocherednoj troyanskij kon' dlya grazhdan RF (!) // Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshhestva. 2014. № 3(71).

С.В. СИНЯКОВ

Законы общества, синергетика и зигзагообразное развитие Украины*

Аннотация. В статье рассматривается дискуссия о законах общества и детерминантах развития, длившаяся в европейской философии, истории, социологии и экономической науке с середины XIX в. до начала XXI в. На основе анализа неомальтузианской теории экономико-демографических циклов, концепции диффузионных волн, порожденных технологическими открытиями, закона информационного воздействия, принципов неопредетерминизма и нелинейного развития осмысливается природа современного исторического процесса. Особое внимание в исследовании уделяется Украине, ее современному состоянию, поворотам, колебаниям и зигзагам развития.

Ключевые слова: законы общества, неомальтузианская теория экономико-демографических циклов, концепция диффузионных волн, закон информационного воздействия, неопредетерминизм, нелинейное развитие общества.

Abstract. The article examines the discussion on the laws of society and the determinants of development, which lasted in the European philosophy of history, sociology and economic science, starting in the middle of the 19th century and ending with the latest economic and sociological concepts of the late 20th century — the beginning of the 21st century. Based on the analysis of neo-Malthusian theory of economic and demographic cycles, the concept of diffusion waves generated by technological discoveries, the law of informational impact, the principles of neo-determinism and non-linear development, the nature of the modern historical process is comprehended. Particular attention in the study is paid to Ukraine, its current state, turns, fluctuations and zigzags of development.

Keywords: laws of society, neo-Malthusian theory of economic and demographic cycles, the concept of diffusion waves, the law of information impact, neo-determinism, non-linear development of society.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Синяков С.В. Законы общества, синергетика и зигзагообразное развитие Украины // Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 253—269.

УДК 11/33
ББК 87:65

Обращение к теме исследования законов поступательного движения общества, его природы и детерминант исторического процесса вызвано желанием использовать современные теоретико-методологические методы для выяснения того, на каком этапе развития находится Украина, почему она там находится и каковы внутренние и внешние причины этого? Сегодня важно представлять себе и понимать смысл и перспективы пути, которым идет Украина, в контексте концепции нелинейного развития, а также осмыслить результаты социального эксперимента, проведенного над страной и плачевно оканчивающегося подрывом экономики и обеднением людей.

Актуален ли сегодня спор об объективных законах развития человечества? На первый взгляд, представляется, что той остроты, которая была в разгар противостояния двух общественно-политических систем, «холодной войны», уже нет. Тогда это была не только научная, но и идеологическая дискуссия, онтологическими основаниями которой являлись колоссальные общественные и политические процессы, происходившие в XX столетии.

Например, в официальной советско-марксистской политической идеологии времен Л.И. Брежнева утверждалось, что наша цель — коммунизм, а компасом на этом пути являются объективные общественно-экономические законы [1]. В книге одного из самых известных критиков марксистской философии истории и коммунистической идеологии К. Поппера «Нищета историцизма», напротив, в конце 1940-х гг. утверждалась противоположная точка зрения. Автор сообщал, что посвятил свой труд памяти людей всех взглядов и убеждений, наций и рас, павших жертвами фашистской и коммунистической веры во времена неумолимых законов Исторической Судьбы [5, 1]. Между этими противоположными точками зрения сформировалось множество компромиссных вариантов решения вопроса о существовании и статусе объективных общественных законов.

Классический позитивизм Конта, Милля, Спенсера, по аналогии с природными процессами и на основе экстраполяции элементов биологического и физического знания в сферу общественной науки, пришел к оптимистическому выводу, что такие законы существуют, но их открытие будет задачей будущей науки.

Марксистская философия предложила ряд социально-экономических законов в разных сферах жизнедеятельности людей: законы базиса и надстройки, соответствия производственных отношений уровню развития продуктивных сил, социальной революции, смены общественно-экономических формаций, диктатуры пролетариата и др.

Неокантианская философия и методология истории в лице Виндельбанда, Риккерта, Дильтея сделала вывод о неприменимости понятия закона к описанию общественных процессов и исторических феноменов. Главным аргументом в пользу такого решения являлся тезис о невозможности сочетания принципа свободы воли, с одной стороны, и закона, с другой стороны. История есть сознательная деятельность людей, и люди как сознательные существа имеют разум, волю, совесть, цели, мотивы, т. е. действуют в соответствии с поставленными задачами. Р. Арон и другие приверженцы этой линии категорически отвергали существование законов общества. «История — это поле единичных, ничем не связанных событий, здесь все уникально и неповторимо», а «объективные законы являются либо иллюзорными, либо недоказуемыми» [2, 91].

Советская социальная философия пошла по пути поиска компромиссов между противоположными позициями. Ее представители стремились примирить идею свободного исторического творчества людей с идеей существования объективных законов общества, найти линию взаимодействия субъективного и объективного в историческом процессе. В концепции социальных законов для этого было сформулировано несколько предпосылок и условий, главными из которых являлись следующие. Сознание не есть самостоятельная сущность, оно отражает основные условия существования человека. Объективные условия жизни определяют содержание мотивов, целей деятельности людей, поэтому последние не возникают случайно, а воспроизводят в сознании реальные условия бытия человека. Следовательно, человек не свободен, даже если он обладает активным сознанием, поскольку его действия избирательны и он вынужден организовывать свою деятельность, учитывая существующие реальности. Как только человек приходит к осуществлению своих замыслов и целей, он попадает в жесточайшую зависимость от имеющихся средств выполнения своих планов.

Таким образом, признание существования объективных законов общества в советской науке аргументировалось фактом объективной детерминации деятельности людей. Несмотря на реализацию сциентистского подхода к исследованию законов общества, дефиниция научного закона прямо не экстраполировалась в область общественных наук, а корректировалась с учетом предметной специфики. Справедливо утверждалось, что, в отличие от динамических законов физики, законы в общественном знании носят вероятностный характер, являются законами-тенденциями, статистическими закономерностями, законами больших чисел и т. д. Так выполнялась важная задача адаптации традиционного для естественных наук понятия закона к особенностям процесса познания в социально-экономических науках.

С абстрактно-теоретической точки зрения представленная методология познания общественных законов выглядела убедительно, но результаты ее применения были скромными. Какие же законы были открыты при помощи этой методологии? Только социологические законы, жестко ограниченные пространственно-временными рамками, которые не были универсальными и динамическими, а были лишь вероятностными, статистическими, ситуационными. В качестве иллюстрации можно привести следующие образцы законов: закон социальной балансировки (соответствие людей какому-либо статусу, их социальное и профессиональное место в обществе), закон социальной мобильности, закон урбанизации и, как следствие, сокращение сельскохозяйственного населения, закон взаимосвязи бракоразводных процессов с экономическими колебаниями, закон концентрации красивых женщин в княжестве Монако (центре игорного бизнеса) в результате присутствия там больших капиталов и др. Все эти законы, хотя они и описывают реально существующие и повторяющиеся связи между явлениями, но их объяснительная сила ограничена локальными ситуациями. Часть из них можно отнести к статистическим закономерностям, которые формируются в массовом процессе при достаточном числе элементов совокупности и проявляются при большом количестве единиц одного типа.

При всем достигнутом прогрессе в конструировании социальных «минизаконов» научная мысль двигалась дальше, стремясь нащупать исторические закономерности, охватывающие всю мировую историю и имеющие большую объяснительную силу. Они были

найлены и сформулированы с помощью общественных и экономических наук, и это было логично в связи с тем, что не существует особой предметной области, на основе которой можно сформулировать специфические исторические законы. Любая историческая деятельность в то же время является деятельностью экономической, политической, демографической, психологической, научно-технологической и т. д. Но если у исторических законов как законов науки нет особого предметного содержания, то вопрос существования общественных закономерностей становится в таком случае эпистемологической проблемой. Речь идет о построении различных моделей объективных законов истории, отражающих те или иные стороны, тенденции, элементы реальных социальных связей и общественного взаимодействия в целом. В этом же аспекте следует понимать историческую закономерность как результат пересечения экономических, социологических, культурологических, этнографических, психологических и других законов, взятых в динамическом срезе.

В современной научной литературе существует и другая точка зрения, согласно которой нужно отойти от модели закона, принятого в классической и неклассической науке. Аргументируется это тем, что они основаны на принципах «детерминистского инвариантного, регулярно действующего исторического закона» [6, 210], и предлагается переформулировать его в духе постнеклассической науки. Один из выразителей такой точки зрения А.В. Халапсис предлагает создать «новое» представление об историческом законе, как «гносеологической формализации нелинейной необходимости социокультурных процессов» [6, 210]. Но такого рода дефиниция, описывающая историческую необходимость, которая пробивает себе дорогу среди уникальных, неповторимых исторических явлений, в условиях необратимости и нестабильности общественных процессов, если она будет сформулирована, вряд сможет претендовать на статус закона.

Поиски исторических законов продолжались при помощи объединения достижений общественных и гуманитарных наук путем проведения междисциплинарного исследования. И плодотворный научный синтез в конце концов привел к положительным результатам.

Наибольшее влияние на историю, начиная со второй половины XIX в. и на протяжении всего XX в., оказали общественно-политические дисциплины и, в первую очередь, экономическая наука,

которая была наиболее развитой областью общественно-научного знания. В качестве иллюстрации плодотворного воздействия экономической теории на историю следует предложить марксистскую теорию исторического детерминизма, политэкономия К. Маркса, технологические концепции исторического процесса У. Ростоу, Д. Белла, З. Бжезинского, Г. Кана, Ж. Фурастье, Дж. Гэлбрейта, Р. Тиболда. Новое поколение исследователей второй половины XX — начала XXI в., специалистов по социальной структуре и культурной антропологии (Дж. Голдстоун, У. Харди Мак-Нил, Дж.П. Мердок), сформулировали структурно-демографическую теорию циклов исторического развития и концепцию диффузионных волн как законов движения общества. Например, Дж. Голдстоун, будучи сторонником неомальтузианской теории структурно-демографических циклов, исследуя элементы системы и причины революций, полагал, что главным фактором социальных потрясений является демографический процесс — кризис перенаселения. Рост населения вызывает нарушение равновесия в структуре, так как уменьшается количество рабочих мест, не хватает земли, а цены и налоги в то же время растут. Кроме указанных структурных причин революции, существуют, по его мнению, и другие: неудачная тяжелая война или поражение в ней, технологические или экономические инновации, дифференцирующие структуру общества, нарушающие экономическое равновесие, приводящие к разорению определенных слоев населения [7].

Изучая драматическую роль западноевропейской цивилизации в историческом процессе, ученые акцентировали внимание на феномене взаимодействия культур, результатах воздействия одной культуры на другую. Последнее направление в изучении закономерностей исторического процесса опиралось на серьезную традицию в европейской науке, прежде всего, на геополитические идеи Ф. Ратцеля, теорию культурных кругов Л. Фробениуса и Ф. Гребнера, концепции французской исторической школы «Анналов» Ф. Броделя и И. Валлерстайна. Диффузионисты полагали, что важнейшие элементы человеческой культуры появляются лишь один раз и лишь в одном месте в результате фундаментальных открытий в технике и технологии [4, 18]. Процесс становления мирового рынка, по их мнению, приводит к неравномерности экономического развития. «Страны “мирового центра”, — пишет И. Валлерстайн, — где появ-

ляются новые технологии и откуда исходит диффузионная волна распространения инноваций, благодаря своему технологическому преимуществу. эксплуатируют страны “мировой периферии”» [4, 20].

Если два указанных исторических закона проявляются и действуют на протяжении всей истории человечества, то закон информационного воздействия не является универсальным — он начинает действовать и описывать сложные изменения, происходящие в общественном сознании, лишь в условиях современной информационной цивилизации. Информационные технологии создаются тогда, когда возникает противоречие между резко возросшим объемом знаний и неумением использования их в широких масштабах. После того как появились технические возможности, социально-значимая информация стала распространяться с использованием современных информационных технологий и пробуждать разные формы социальной активности, иногда опасные для общества.

Информационное влияние на человеческие действия трудно переоценить, поскольку сознание людей программирует их поведение, и от информационного наполнения содержания сознания зависят их поступки. Однако сознание обладает достаточной автономией от внешних информационных воздействий, может не поддаваться им, так как люди имеют свою систему норм, ценностей, мнений о том, что такое хорошо и что такое плохо. Тесно связанные с ценностями, установки сознания с трудом поддаются изменению, особенно в вопросах родного языка, национальной и личной идентичности, культуры, образа жизни, поскольку установки и знания хранятся в нашей памяти независимо друг от друга, а установки без соответствующих знаний, справедливо отмечает М. Барбашин, могут рассматриваться как стереотипы, поскольку «их отличает стандартность, повышенная устойчивость и необязательность логически рациональной обоснованности» [8].

Закон информационного воздействия кроме объективного содержания имеет еще и субъективную сторону: в сфере его действия нередко на первый план выдвигается человеческий фактор — воля, желание, заинтересованность субъектов, распространяющих информацию, в достижении поставленных целей.

При помощи информационных технологий происходит преобразование знания в информационный ресурс общества, а его использование может вызвать в дальнейшем социальные изменения.

Взаимодействия между информацией и развитием общества нельзя назвать однозначными по последствиям, характеризовать их только положительно. Связи между ними гораздо сложнее, так как «информационные методы воздействия не являются всемогущим средством — они не гарантируют предотвращения конфликтных ситуаций, не исправляют бездарной политики, не устраняют слабостей управления, а скорее выявляют скрытые недостатки...» [8].

Интенсивное использование информационных технологий положительно влияет на развитие человеческого потенциала, повышает уровень образованности и информированности индивидов, расширяет возможности влияния общества на все сферы жизни людей. Однако в этой сфере остается много нерешенных проблем и, в первую очередь, вопросы влияния массовых коммуникаций, социальных технологий, информационно-психологических конфликтов на ход истории. Информационное воздействие, как известно, способно вызывать и неоднократно вызывало деструктивные массовые движения, острые конфликты, протесты и другие народные действия.

Итак, все три закона, включая информационный закон, действуют неравномерно и непоследовательно в обществе, формируют *циклическую* форму развития, поскольку их содержание обеспечивают демографические, научно-технические, культурные, информационные *волны* и революции в истории. Механизмы их реализации как раз и придают общественному прогрессу нелинейную, спиралевидную форму с присущими ей зигзагами, колебаниями и откатами в истории.

Констатируя достижения современной науки в создании представлений о детерминантах исторического процесса, следует дополнить их синергетическими установками о развитии и функционировании сложных систем. Будучи самоорганизующейся, неравновесной структурой, общество находится в состоянии нелинейной динамики, т. е. развивается «посредством смены форм организации, каждая из которых не является следствием разворачивания предшествующих форм организации системы» [3, 41]. Но если общество является несбалансированной, неустойчивой системой, в которой наряду с динамическими причинно-следственными связями действуют принципы нелинейной динамики, то нелинейность и вероятностный характер исторического процесса порождают ситуации, когда малые

по своим масштабам события могут породить серьезные последствия. В свете нелинейной концепции исторического процесса и причинно-следственных связей фактор случайности, «мыслимый в рамках линейного детерминизма в качестве внешней по отношению к рассматриваемому процессу помехой... осмысливается и обретает статус фундаментального в механизме осуществления детерминации нелинейного типа...» [3, 51].

С точки зрения синергетики с ее понятиями и дефинициями «осуществление нелинейного развития общества предполагает имманентизацию внешней среды в качестве фундаментального механизма самоорганизации, что наглядно проявлялось на протяжении истории» [3, 50]. Аргументируем эти идеи при помощи обращения к новейшему периоду развития украинского общества, с его политическими колебаниями в противоположные стороны, поворотами и откатами назад.

Украина как социальный организм сегодня представляет собой несбалансированную систему, развитие которой нельзя описывать в терминах преемственности и последовательности, скорее наоборот — переход от одной исторической стадии к другой напоминает непредсказуемую смену общественных, политических, культурных состояний, каждое из которых часто «не является ни следствием, ни причиной по отношению к последующему состоянию...» [3, 50]. Нелинейный процесс имеет свои особенности, иные схемы, которые позволяют констатировать неопределенность в отношении будущего состояния страны и свидетельствовать о вариативности ее дальнейшего развития.

Говоря об имманентизации внешнего влияния, необходимо напомнить непоследовательность в формировании международного курса политической правящей верхушкой Украины после достижения страной суверенитета. Если в первое десятилетие независимости при всей массе проблем в российско-украинских отношениях руководство страны проводило относительно взвешенную и сбалансированную политику нейтралитета, придерживалось внеблокового статуса, то в последующий период ситуация изменилась. «Оранжевая» революция и революция «достоинства» осуществились не только благодаря смене поколений, социальным манипуляциям, демагогии, но и из-за многолетнего информационного воздействия на сознание общества. Главными условиями победы националистических сил на

двух майданах стали систематическая дезинформация общества и силовые методы достижения поставленных задач. Общественная психология украинцев трансформировалась и оказалась в состоянии неустойчивости, противоречивости в условиях радикального пересмотра прошлого и дефицита государственного менталитета. Дуализм, двойственность сознания культурной элиты проявляются в том, что оно, с одной стороны, позиционируется как европейское, с другой стороны, остается архаичным, ориентируясь исключительно на прошлое, на традиционализм, консерватизм и теперь уже и русофобию.

Новое представление о месте и роли Украины в прошлом и настоящем, созданное Институтом национальной памяти и рядом историков-фальсификаторов при помощи различного рода измышлений и искажения истории, стало эффективным внутренним инструментом формирования национальной идентичности. Выдуманный и включенный в общественное сознание части украинцев образ России как враждебного украинскому народу государства сыграл свою роль в деструктивных политических процессах. Информационные провокации продажных пропагандистов и глашатаев хорошо оплачивались в основном из-за рубежа. США, по собственному признанию, через негосударственные фонды, некоммерческие и грантовые организации потратили на идеологическую обработку населения не менее 5,5 млрд дол. только до 2014 г., регулярно выплачивая гонорары редакторам, журналистам, тележурналистам, блогерам и прочим агентам влияния приличные гонорары.

Так покупалось наше сознание! Формировалась нужная редакторская политика в печатных и электронных СМИ, пропагандировались националистическая идеология, историческая мифология, создавались соответствующие настроения в обществе. Верхушки государственных чиновников после обоих майданов формировались либо из представителей местных олигархов, либо из ставленников транснациональных корпораций, посольств США, Великобритании, МВФ, западных финансовых центров. Эти люди не несли никакой ответственности перед народом Украины, они несли ее перед указанными организациями, выполняя поставленные ими задачи. Большинство серьезных кадровых, административных, внешнеполитических, военных, управленческих решений принималось в центрах внешнего

управления, прежде всего в США, которые только лишь согласовывались с украинским руководством. Сопrotивляясь проведению антикоррупционных реформ и принципам верховенства права, украинская коррумпированная власть в других показушных действиях стремится быть похожей на своих учителей. Чиновники копировали на Украине американские названия государственных организаций, их символы и даже ритуалы («национальное бюро расследований», «национальная гвардия», американская полицейская форма, пение национального гимна, держась за сердце, и др.). Политическая верхушка последовательно придерживалась единственного западного вектора развития, не понимая, что в случае ослабления США или их самоустранения вследствие уменьшения интереса к Украине, страну ожидает жесточайший кризис.

Украина с 2014 г., будучи нестабильной политической и экономической системой, находится в ситуации перманентного кризиса, приближающего ее к состоянию бифуркации, которая, однако, создает альтернативы и возможности выбора вариантов будущего развития. Имея важнейшее геополитическое значение в связи с уникальным положением между Европой и Евразией, Украина, в прошлом не имевшая государства и легко получившая его, оказалась, как это уже бывало в ее истории, в неустойчивой ситуации, которая не дала ей возможность стать самостоятельным политическим субъектом. Страна после достижения суверенитета никогда не рассматривалась объединенным Западом в качестве самостоятельного игрока, имеющего собственные потребности, интересы и приоритеты. Она, как правило, использовалась им в роли объекта для манипуляций и решения своих собственных задач. Указанное обстоятельство во многом определило украинский путь, который представлял собой зигзагообразное, непоследовательное, прерывистое движение, создающее неопределенность и малую предсказуемость будущего страны, которое необязательно будет следовать из настоящего.

Украина, уже включенная в глобальную социально-экономическую систему, непонятно куда движется, как и зачем это делает и какой ожидает результат. Она никогда не находилась в такой недостойной и унижительной зависимости от США, МВФ, ТНК и других кредиторов, как сейчас. Государственная верхушка, которая всегда боялась утратить независимость и суверенитет страны, с легкостью передала их США и МВФ. Запад, в свою очередь, вместе с частью

украинского правящего класса заинтересован в консервации нынешней экономической модели на Украине, поскольку она позволяет через кредиты и коррупцию эксплуатировать и грабить страну. Трансформация Украины безусловно связана с действием закона информационного воздействия; она демонстрирует серьезные последствия и политический эффект, вызванный широким распространением определенных установок и идей в обществе,

Обратимся к процессу «имманентизации» внешней среды на Украине и проследим, как осуществлялась ее трансформация во внутренние детерминанты развития страны. Внешняя по отношению к украинской культуре, менталитету, народному самосознанию и традициям социокультурная среда с ее содержанием, смыслами и значениями, проникая в «тело» народной жизни, принимает здесь совсем другой вид. В этом легко убедиться, посмотрев на результаты создания США и ЕС новой институциональной структуры, «антикоррупционных» организаций, политических и правовых регуляторов, заимствования названий, символов, форсирования процессов европеизации и вестернизации в стране в последнее время.

Обратимся по этому поводу к мнению и оценкам западных социологов и экспертов. Например, Вашингтонский центр StratagEast еще в 2018 г. представил в Брюсселе свое новое исследование — «Индекс вестернизации», который отражал степень внедрения постсоветскими странами западных стандартов и ценностей после распада СССР. В Индексе, представленном на прошедшем в Брюсселе форуме German Marshall Fund, рассмотрены 14 стран бывшего СССР (кроме России), а степень вестернизации определена по пяти категориям: политическая, экономическая, законодательная, языково-культурная и вестернизация стиля жизни. Согласно исследованию, в постсоветских странах отмечаются значительные различия в уровне вестернизации — от Эстонии, получившей по 100-балльной шкале оценку 93, до Туркменистана, уровень вестернизации которого составил только 17,5 из 100. «Подлинно прозападными» были названы: Эстония, Литва, Латвия; «декларативно прозападными» — Украина, Грузия, Молдова. Эти страны, по мнению составителей рейтинга, хотя и декларируют свою приверженность западным ценностям, но, на самом деле, далеки до их реализации на практике [9].

Польский исследователь Матеуш Пискорский в статье «Вестернизация Украины» пишет, что «географически Украина — европейская страна», но о «европеизации как таковой в отношении Украины говорить не стоит». Более того, продолжает он, «еще больше вопросов возникает, когда мы называем европеизацией процесс модернизации государств, географически находящихся в Европе, но имеющих мало общего с Европой с политической и цивилизационной точек зрения» [10]. Несмотря на то, что европейские чиновники часто называют Украину европейской страной, имеющей с ЕС общую историю и общие ценности, никто из них не занимается изучением общей истории и сравнительным анализом ценностей. Давайте же проведем такое исследование, сопоставим эти ценности с реальной ситуацией в стране сегодня.

Фундаментальным принципом европейской цивилизации является верховенство права, равенство всех граждан перед законом. На Украине после «реформ» правоохранительных органов продолжают функционировать прогнившая и продажная судебная система, коррумпированная прокуратура и ангажированные исполнительной властью следственные органы. Европейские идеи социального равенства и справедливости обернулись здесь тотальным неравенством и несправедливостью, крайней бедностью большей части населения и богатством немногих. Народ, который еще недавно положительно реагировал на сказки и жил в предложенном властью мифе о будущем благосостоянии и европейском счастье, теперь находится на грани терпения, ждет реальных изменений и готов бунтовать. Страна занимает последнее место в Европе по уровню экономической свободы и свободы предпринимательства.

Важнейшей ценностью и принципами западной цивилизации является свобода слова и СМИ, включая ТВ, интернет-издания, сайты блогеров и др. Вместо реализации этих ценностей для борьбы с инакомыслящими журналистами и независимыми СМИ властью создан цензурный орган — «Национальный совет по теле- и радиовещанию», подобного которому нет ни в одной европейской стране.

Правовой и политической ценностью ЕС являются права и свободы гражданина, которые, согласно их конституциям, объявляются выше прав государства. Украинская власть ущемляет эти права во всех сферах жизнедеятельности, а особенно в культурно-гуманитарной сфере — в области публичного использования родного языка,

получения образования на языках национальных меньшинств. Эти запреты касаются в первую очередь русского языка, его официального использования, доступа населения к русскоязычным школам, книгам, кинофильмам и телеканалам. Причем для венгерского, румынского и некоторых других языков народов ЕС сделаны некоторые послабления. Такая дискриминация граждан была замечена и осуждена Венецианской комиссией и другими европейскими институтами. Но власть упорно держится за дискриминационные законы об образовании и функционировании украинского языка и др. Реализация норм и принципов, вытекающих из этих законов, предполагает блокаду русского языка и означает тотальную украинизацию страны. Все это происходит тогда, когда цивилизованный мир постепенно переходит от многополярности к полицентричности и мультикультурализму, толерантности и языковому плюрализму.

Грубым нарушением прав граждан явилась «слепая» люстрация чиновников и должностных лиц, запрет на госслужбу только за то, что они работали там до госпереворота 2014 г., что также неоднократно осуждалось институтами ЕС, требовавшими индивидуального подхода к каждой персоне.

Но если европейские принципы и стандарты были искажены и дискредитированы на Украине, то традиции и ценности евразийского исторического пространства сохранили свое место и влияние в обществе. Благодаря долгому совместному пребыванию наших народов в составе единого государства этнически близкое население изрядно перемешалось, сохранились хорошее понимание русского разговорного языка и письменности, общее культурное наследие, православная вера, огромное количество родственников и друзей в РФ. Запреты на русский язык и русскоязычную продукцию, российские телевизионные передачи и электронные сайты частью населения успешно преодолеваются при помощи спутниковых антенн и широкого распространения интернета.

Некоторые из радикальных националистов, пребывающих в дремучих дебрях русофобии, в своих выводах идут дальше, полагают даже, что в стране осуществляется политический реванш, рост про-российских настроений, происходит откат от выбранного на майдане прозападного курса. Интересны их оценки и аннотации, когда они описывают нынешнюю ситуацию на Украине и характеризуют своих вечных политических противников.

Львовский журналист и публицист О. Дроздов с сожалением утверждает, что в своем большинстве страна осталась антимайданной с надежной «постсоветской электоральной базой», она наполнена внутренними коллаборантами и пророссийским населением. Он уверяет, что усиливается идеология неприятия всего украинского, говорит о желании 13 млн украинцев жить в пророссийской Украине. «Вечная драма нашей страны, — пишет он, — заключается в борьбе на два фронта. Причем внутренний фронт видится мне № 1. Антимайдан — это не Янукович. Это условное название для стабильно крупной части общества, которое обществом-то и зваться не может, поскольку является просто населением, открыто или скрыто пророссийским населением. Украинское дело (назовем это так) обречено на постоянный дуализм с внутренним антимайданом, который давно перерос в четкую идеологию неприятия всего украинского» [11], — сетует Дроздов.

Неожиданное и откровенное признание украинского русофоба свидетельствуют о некотором изменении массовых настроений в обществе, разочарование в результатах евроинтеграции и осознании необходимости пересмотра курса, которым идет страна. Общество ищет альтернативные пути для развития Украины, желает возвращения ситуации, когда она была мостом между Европой и Евразией, имела выгодное транзитное положение и хорошие отношения не только с Западом, но и с СНГ, получая от своего геоэкономического положения только выгоды, а не убытки.

Как известно, критериями политического интеллекта правящего класса являются его способность своевременно реагировать на новые явления и тенденции в мировом процессе, а также умение прагматично и разумно отвечать на новые вызовы. К сожалению, нынешняя украинская власть такими свойствами явно не обладает.

Информационная война в условиях кризисного развития Украины продолжается с использованием самых современных информационных технологий. Политический процесс здесь всегда был наполнен всевозможными участниками и игроками, группами влияния, финансовыми и экономическими элитами с различными взглядами, установками и интересами. Но в последние годы посредством обмана, пропаганды, социальных манипуляций и дезинформации устранялись стратегически мыслящие субъекты, обладающие рациональным сознанием и здравым смыслом. Оставшихся политиков

независимо от возраста объединяет нечто общее — это инерционность мышления, отсутствие современного видения политической реальности. Они продолжают мыслить в рамках старой картины мира, ушедшими в прошлое представлениями о международной политике и политике ЕС, когда брюссельская бюрократия исповедовала либеральную идеологию и политические установки, когда у Европы было много денег, и она их охотно раздавала новым клиентам.

Мы живем в быстро меняющемся мире, где не только появляются все новые, непредсказуемые ранее технические, технологические открытия, культурные инновации, но и возникают угрозы экономическому росту, здоровью и прогрессу. Этим и объясняется вечный интерес к поиску общественных законов, детерминант развития, раскрытию смысла исторического процесса.

Литература

1. *Брежнев Л.И.* Ленинским курсом. Речи и статьи: В 9 т. Т. 1. М.: Изд-во политической литературы, 1970. 320 с.
2. *Гобозов И.А.* Философия истории Р. Арона // *Философские науки*. 1984. № 6. С. 87 — 96.
3. *Можейко М.* Идея нелинейности и феномен неопределенности: методологический поворот в современной науке // *Социология*. 2012. № 2. С. 39 — 53.
4. *Нефедов С.А.* Постигание истории // *Эксперт*. 2011. № 1. С. 16 — 20.
5. *Поппер К.* Нищета историцизма. М.: Изд. группа «Прогресс»-VIA, 1993. 187 с.
6. *Халансис А.В.* Концепт исторического закона в контексте трансформации идеи истории // *Філософія, культура, життя*. 2003. Вип. 20. С. 198—210.
7. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iep.ru/ru/dzhek-goldstoun-revoliutcii-ochen-kratkoe-vvedenie>. Html.
8. [Электронный ресурс]. URL: <https://psyfactor.org/lib-propaganda18.htm>.
9. [Электронный ресурс]. URL: <https://strana.ua/news/129880-ukrainu-priznali-deklarativno-prozapadnoj-v-rejtinhe-vesternizatsii-postsovetskikh-stran.html>.

10. [Электронный ресурс]. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Vesternizaciya-Ukrainy>.

11. [Электронный ресурс]. URL: <https://strana.ua/news/251497-ostap-drozdov-nazval-13-mln-ukraintsev-kollaborantami.html>.

References

1. Brezhnev L.I. Leninskim kursom. Rechi i stat'i. V 9 t. T. 1. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1970. 320 s.

2. Gobozov I.A. Filosofiya istorii R. Arona // Filosofskie nauki. 1984. № 6.

3. Mozhejko M. Ideya nelinejnosti i fenomen neodeterminizma: metodologicheskij povorot v sovremennoj nauke // Sociologiya. 2012. № 2. S. 39 — 53.

5. Nefedov S.A. Postizhenie istorii // Ekspert. 2011. № 1. S. 16 — 20.

6. Popper K. Nishcheta istoricizma. M.: Progress, 1993. 193 s.

7. Halapsis A.V. Koncept istoricheskogo zakona v kontekste transformacii idei istorii // Filosofiya, kul'tura, zhittya. 2003. Vip. 20. S. 198—210.

А.И. ЖЕЛНИН

Социальное управление биологией человека: субъекты, механизмы, ограничения*

Аннотация. Управление является одним из феноменов, наиболее емко характеризующих социальную жизнь. Биология человека способна стать объектом для него. Социальное управление ввиду онтологической и антропологической специфики объекта не может пониматься как прямой контроль, а скорее тяготеет к прогнозированию траекторий функционирования человеческой биологии в социуме,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Желнин А.И. Социальное управление биологией человека: субъекты, механизмы, ограничения // Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 269—284.

планированию повышения качества ее существования и мониторингу соответствующих параметров. Главный субъект данного управления — априори сам человек, индивид, ввиду своего автономного единства со своей телесной организацией, неотчуждаемости последней от него. Вместе с тем это не исключает коллективных и институциональных акторов, реализующих сетевое, распределенное управление по сценарию «мягкой» биополитики. Разумность такого социального управления должна обеспечиваться широкой научной базой и стратегической обоснованностью, а необходимость соответствия интересам индивида потребует развития сильных биоэтических и биоправовых регуляторов.

Ключевые слова: управление, социальное управление, биополитика, биоэкономика, биоменеджмент, прогнозирование, планирование.

Abstract. Management is one of the phenomena that capaciously characterizes social life. Human biology is capable of becoming an object for it. This management, in view of the ontological and anthropological specifics of the object, cannot be understood as direct control, but rather will gravitate toward predicting the paths of functioning of human biology in society, planning to improve the quality of its existence and monitoring the relevant parameters. The main subject of this management is a priori man himself, the individual, in view of his autonomous unity with his corporeal organization, its inalienability from him. Nevertheless, it doesn't exclude collective and institutional actors implementing networked, «distributed» management under scenario of «soft» biopolitics. The rationality of such social management should be ensured by a broad scientific base and strategic justification, and the need to meet the interests of the individual will require the development of strong bioethical and biolegal regulators.

Keywords: management, social management, biopolitics, bioeconomy, biomanagement, forecast, planning.

УДК 008.2

ББК 87.60

Введение

Управление является фундаментальным феноменом, залогом успешного функционирования и развития человека и общества, который имеет целый спектр конкретных проявлений в различных сферах жизни. В.С. Диев приводит следующие два определения управления, подчеркивающие его вездесущность: «1. Управление – процесс воздействия субъекта на объект, направленный на упорядочение, сохранение, разрушение или изменение системы объекта в соответствии с поставленной целью. 2. Управление — процесс планирования, организации, мотивации и контроля, необходимый для того, чтобы сформулировать и достичь целей организации» [6, 60]. Вместе с тем управление имеет отчетливое социоантропологическое наполнение, так как его субъектом всегда выступает человек (группа людей), а объектом — другие люди (или сами управляющие, тогда речь идет о самоуправлении), общественные явления и процессы. Стоит признать, что управление в экономической сфере обладает приоритетом: недаром менеджмент, претендующий на общую теорию организации и управления, генеалогически связан именно с ней. Вместе с тем обнаруживается тенденция к расширению управленческого поля, его экспансии на новые области реальности. Все более широкие масштабы природопользования, с одной стороны, и необходимость активного решения экологических проблем — с другой, приводят к тому, что взаимодействие человека с окружающей средой также все чаще характеризуется с использованием терминов «управление» и «менеджмент», что позволяет некоторым теоретикам рассуждать об особой «экономике природы» [29]. Более радикальные авторы пишут о возможном переходе человечества к регулированию эволюционных процессов живого на Земле, реализации «управляемой эволюции» биосферы [20]. Однако речь может идти не только о внешней, но и о внутренней «ипостаси» природы. Еще Гегель отмечал, что человек не может стать господином природы до тех пор, пока он не стал господином самого себя. Диалектика данного афоризма состоит в том, что часть природы заключена в самом человеке. *Человек является целостным существом, социальные и природные (прежде всего*

биологические) аспекты жизни которого тесно переплетены. Последнее открывает перспективы перед человеком и обществом для управления уже своей собственной биологией.

Актуальность и предпосылки социального управления биологией человека

Однако закономерно возникает вопрос: существует ли настоящая потребность в управлении подобного рода? Имеются веские основания ответить утвердительно. Во-первых, это было бы логическим продолжением роста рационального компонента в человеческой деятельности, ее перехода от стихийного к все более сознательному формату. Стремление к рациональному управлению в каком-то смысле заложено в самой природе человека как существа разумного, *homo sapiens*. Несмотря на определенные предпосылки, человеческая деятельность еще далека от самореализации в качестве поистине разумной и рефлексивной. Более того, многие теоретики критически настроены по отношению к идее рационального управления в принципе, настаивая, напротив, на оптимальном характере и «естественности» спонтанных процессов самоорганизации: «Убежденность, что сознательно управляемые процессы непременно обладают превосходством над процессами спонтанными, есть ни на чем не основанное суеверие... Если верно, что спонтанное взаимодействие социальных сил иногда решает такие проблемы, которых индивидуальный ум не в состоянии не только разрешить, но порой и заметить, и если благодаря такому взаимодействию возникают упорядоченные структуры, способствующие расширению индивидуальных возможностей, хотя никто эти структуры специально не создавал, то превосходство не на стороне сознательных действий» [16, 115]. Вместе с тем наличие глобальных проблем и кризисных, даже катастрофических явлений в различных аспектах современного нелиберального социума говорит скорее против ставки на стихийность. Более того, дефицит управленческой рациональности человека может быть обусловлен не только современной социально-экономической моделью, но и антропологически более глубоким «вектором» направленности человеческой деятельности как таковой. Указывается на то, что, начиная уже с неолитической революции, установился и устойчиво воспроизводится паттерн покорения человеком внешней природы

[8, 21]. С. Лем также указывал на «пропасть между двумя главными сферами нашей деятельности — регулированием природы и регулированием человечества» [10, 60]. Ввиду данной асимметрии закономерным является сценарий разворота управленческой активности человека «на себя».

Во-вторых, идея управления именно биологической плоскостью актуальна, потому что и конкретно данная сторона жизни человека демонстрирует многочисленные кризисные явления. Отмечается, что его биология находится в состоянии системной дезадаптации, прежде всего ввиду быстро ухудшающейся экологической ситуации: «Биологическая часть нашей сущности находится в напряженном состоянии из-за высокого уровня загрязнения среды обитания. Есть основания предполагать, что резервы человеческого организма переносить антропогенное (во многом эволюционно “незнакомое” для биологических существ) загрязнение исчерпаны» [21, 250]. К другим опасным для биологии человека феноменам можно отнести демографический кризис, заключающийся в существенном рассогласовании процессов рождаемости и смертности, постепенном глобальном старении населения; распространяющуюся эпидемию так называемых «болезней цивилизации» и периодические масштабные вспышки инфекционных заболеваний; общее повышение уровня стресса, появление его новых видов, и, как следствие, распространение психических и психосоматических патологий. Данные тенденции сопровождаются ростом внимания человека к витальным аспектам своей жизни. Теоретики указывают на то, что в ситуации «позднего» капитализма основной фокус внимания парадоксальным образом «переключается» на биологическое: «Единственной сколько-нибудь серьезной задачей остается забота о биологической жизни и “интегральное” управление ею... человечество вроде бы “берет на себя” собственную физиологию как последний и неполитический мандат на конец истории» [2, 93]. Интерес к управлению биологией актуализирован не только попыткой ее рыночной коммерциализации, превращения витальных параметров существования в новый источник для извлечения прибыли (все чаще говорится о биокапитале и биокапитализме), но и настоящей потребностью в решении ряда перечисленных проблем. Экономика в целом раньше или позже должна пережить фундаментальный сдвиг, когда она перевоплотится

в систему разумного хозяйствования, которая будет ориентирована не на рост прибыли или на чрезмерное потребление, а прежде всего на достижения общего блага [14]. Не зря указывается, что целью так называемой биоэкономики должно стать восстановление баланса, гармонизация отношений человека с биологическим как вне, так и внутри себя: «Под биоэкономикой следует понимать не столько особые технологии и производства, сколько особую совокупность общественных отношений в сфере производства, обмена и распределения продукции, особую направленность развития этих отношений, исходящую из необходимости гармонизации взаимодействия биологических и социальных условий и принципов жизни человека» [18, 175]. В конечном счете потребность в биоуправлении для человека и общества сложно переоценить.

Механизмы и ограничения социального управления биологией человека

В то же самое время тренд к управлению биологией человека существенно проблематизирован. Основным препятствием оказывается неясность его характера и механизмов. Последние натываются на онтологический факт, что биология человека является частью природы и уже по сути контролируется ее законами. Отмечается, что общество подвергает себя опасности, когда способы его управления начинают расходиться с естественными законами: «Ибо законы Природы не могут предъявлять требований... они не предполагают ни произвольного долженствования, ни умышленного нарушения, но так или иначе реализуются в зависимости от складывающейся структуры отношений. Задача человека — выстраивать такие структуры, которые гарантировали бы комфортное существование цивилизации. Превышая оптимальный для данного исторического этапа уровень управленческого воздействия или, наоборот, принижая его, человек в результате подрывает естественные основы существования социума» [12, 154—155]. Вместе с тем закономерным является вопрос о степени оптимальности для человека стихийных процессов его биологии: законы природы «управляют» ею только в кавычках, так как делают это бессознательно. Важно подчеркнуть случайный, «слепой» характер биологической эволюции, отсутствие в ней какого-

либо целеполагания: «Эволюция не может производить таких изменений, которые служили бы лишь подготовкой для других... о том, что будет через миллион лет, биоэволюция “ничего не знает”, поскольку она является “слепым” конструктором, действующим методом “проб и ошибок”» [10, 54]. «Слепота» эволюционного процесса вполне объясняет наличие недочетов и несовершенств в его созданиях, коим является и человеческий организм, желание как-то их исправить.

Идея управления биологией человека, однако, во многом создает превратное представление о прямом контроле, вмешательстве в нее, что закономерно порождает реакцию алармизма, настаивающего на защите телесной неприкосновенности. Опросы показывают, что большинство населения настороженно воспринимает новые биомедицинские технологии именно из-за их инвазивного характера, предполагающего определенные манипуляции с телом; последнее же продолжает рассматриваться как неприкосновенная «крепость» человеческого Я [4]. Наибольшую тревогу ожидаемо вызывают геномные технологии, которые позволят вмешиваться в наиболее фундаментальный уровень живого; вместе с тем в последнее время бурную реакцию вызывает идея нейроулучшения, заключающаяся в фармакологическом «апгрейде» когнитивных способностей [26]. Говоря обобщающе, существуют серьезные опасения, что новые технологии могут быть использованы в корыстных целях и в итоге приведут к «инструментализации» человека. Вместе с тем управление далеко не всегда означает прямое искусственное вмешательство и тем более насильственные действия по трансформации своего объекта. Сегодняшние властные механизмы интеллектуализируются, переходя к более косвенным и ненавязчивым механизмам своей реализации, что нашло отражение в таких понятиях как «мягкая власть» («soft power») и «умная власть» («smart power») [15]. Исследуемое управление не будет обязательно означать вторжение, насильственную «инвазию» в биологическую жизнь человека, оно может в итоге предстать различными формами «мягкого» регулирования, прогнозирования и планирования условий и параметров ее функционирования без прямого контроля и принуждения. Вновь можно упомянуть менеджмент, тем более в контексте его перехода к системной и одновременно гуманистической парадигме [9]. Достижение подлинной

гуманности же невозможно без учета целостной биосоциальности человека, так что в скором времени вполне можно будет говорить об особом *биоменеджменте* (так, уже есть прецедент экомеджмента, направленного на попытки сохранения устойчивой коэволюции общества и природной среды [28]). Очевидно, что в своих стратегиях биоменеджмент будет опираться на широкую научную базу, используя эмпирически, теоретически и статистически обоснованные данные. *Если конкретизировать его потенциальное содержание, то речь идет о целенаправленном масштабном предупреждении и профилактике заболеваний, их превентивном лечении, корректировке процессов старения (особенно преждевременного) и оптимизации демографических процессов, контроле за уровнями различных стрессоров, установлении и реализации сбалансированных нагрузок на человеческий организм и повышении его адаптационных способностей, системном мониторинге и улучшении глобальной экологической обстановки.*

Субъекты социального управления биологией человека

Отдельно возникает вопрос о том, кто станет (и способен стать в принципе) субъектом социального управления биологическим уровнем. Стоит отметить, что и относительно тех или иных общественных сфер выделение субъектов и установление их вклада в управленческую «равнодействующую» являются дискуссионными. На данном этапе это проблематизировано прежде всего процессами глобализации, сопровождающимися глубоким кризисом государства как основного управляющего агента и появлением мощных надгосударственных и транснациональных акторов. Имеют место перестройки и в самой архитектонике власти и управления, когда «вертикальные», иерархические способы дополняются, а где-то даже замещаются «горизонтальными», коммуникативно-сетевыми [24]. Последние же предполагают широкую децентрализацию, в том числе в аспекте управления. А.В. Олескин показывает, что сетевой принцип организации — это то, что во многом связывает социальный и биологический уровни, и разрабатывает на основе данной ассоциации концепцию децентрализованной биополитики [13]. На наш взгляд, термин «биополитика» крайне удачен для дефиниции возможного управления человека собственной биологией, так как освобожден от

манипулятивных коннотаций. В данном контексте он может быть противопоставлен биовласти, которая часто рассматривается как простое продолжение реализации эксплуататорских механизмов. Так, отмечается, что биовласть «может служить интересам накопления капитала и рыночных сил путем выявления и оптимизации жизненных сил населения, максимизируя их потенциал в качестве людских ресурсов и их полезность для рыночной капитализации» [25, 3]. *Очевидно, что для избегания управленческого произвола отправной точкой отсчета должны стать сами люди, человеческие индивиды, каждый из которых обладает своим уникальным организмом. Тело в принципе не является простым физическим объектом, которым можно «обладать» в полном смысле этого слова: в биологической системе координат человек и есть свое тело.* Недаром в современной юриспруденции интенсивно разрабатывается теория соматических («телесных») прав как составляющей базовых прав личности [1]. Непосредственное управление человека процессами своего организма ввиду неприкосновенности последнего должно в первую очередь выступать как *суверенное самоуправление*, а сторонние вмешательства в него возможны только как следствия добровольного волеизъявления. *Возможность человека осмысленно управлять все большим количеством своих биологических свойств и параметров антропологически означала бы позитивный рост его свободы в данном аспекте своего бытия.* Однако это свобода никогда не сможет превратиться в абсолют, обернуться «свободой-от», т. е. полным освобождением человека от своего телесного субстрата и действия на него природных законов. Однако радикальный и в то же время утопичный проект полного отказа человека от телесной оболочки поддерживается, например, многими сторонниками трансгуманизма. Некоторыми из них полагается, что нельзя ставить знак равенства между дебиологизацией человека и его деантропологизацией: «Вопреки тому, что утверждают критики трансгуманизма, позиционирующие себя как сторонники сохранения “человеческой идентичности”, дебиологизация человеческого существа не означает с необходимостью его деантропологизации, то есть превращения человека в какое-то иное (нечеловеческое) существо, в существо с иной (нечеловеческой) сущностью» [5, 71]. Дебиологизация конечно формально-логически не тождественна деантропологизации, но де-

факто имплицировала бы ее как свое следствие. В.А. Долин отмечает, что одной из концептуальных основ трансгуманистических воззрений остается старый платонический взгляд, всецело приравнивающий человека к духу, разуму и считающий тело чем-то акцидентальным и поэтому потенциально отделимым от него [7]. *В реальности же идентичность человека во многом «закодирована» именно в его биологии, таком же индивидуальном, как и он сам, организме, от которого он не способен онтологически отказаться.*

Вместе с тем прогнозирование и планирование, понятия стратегически, вряд ли осуществимы на сугубо личном уровне, поэтому стоит ожидать возникновения надиндивидуальных, коллективных и в какой-то мере институционализированных субъектов. Объяснимо возникает страх перед потенциальным (прямым или косвенным) контролем биологической жизни человека со стороны подобных институтов и организаций. В частности, сильно опасение, что они могут потребовать унификации биологических различий между индивидами, стандартизации последних: «Любая культура, которая в интересах эффективности или во имя какой-то политической или религиозной догмы пытается стандартизировать человеческую индивидуальность, совершает преступное насилие над биологической природой человека» [17, 35]. Дж. Агамбен же напрямую связывал генезис биополитики с тоталитарными режимами [3]. Однако данный страх во многом исходит из экстраполяции линейных тенденций концентрации и централизации власти. Уже упомянутые сетевые структуры порождают обратные процессы децентрализации и рассредоточения, когда разнопорядковые субъекты могут сосуществовать и плодотворно, «симбиотически» взаимодействовать. Отмечается, что общий управленческий кризис в развитии цивилизации связан с разобщенностью субъектов, отстаиванием ими своих сугубо частных интересов, а также с достижением такими локальными субъектами когнитивных лимитов в своей управленческой деятельности: «Субъекты управления практически во всех сферах деятельности ориентированы на свои индивидуальные интересы, вне сферы их рассмотрения остаются интересы человечества... Главной болезнью человечества является бессубъектность развития, следствием которой может быть гибель человечества... Лица, принимающие управленческие решения, подошли к пределу своих когнитивных возможностей, в

связи с постоянно возрастающей сложностью объектов управления» [11, 5—6]. Стоит признать фундаментальную ограниченность отдельного индивида в деле управления, так как он не способен осознать всех рисков и последствий собственных действий. Полное отсутствие общественных акторов и абсолютизация роли индивида в управлении биологическим также может привести к другой крайности, а именно к массовому движению «биохакинга», когда люди под действием биотехнологического «хайпа» будут беспорядочно видоизменять свои тела по принципу «сделай это сам» («do-it-yourself») [23]. Такая свобода, очищенная от всякой ответственности, превратится в итоге в хаотический произвол. Исходя из вышесказанного, обоснованное «мягкое» вмешательство в биологию индивида со стороны социальных структур, повторимся, вполне реализуемо. Последнее оправдано и в ракурсе объекта: биологическое измерение представляется не простой суммой индивидуальных биологий, но также сложными надорганизменными, популяционными (например, теми же демографическими) процессами, нуждающимися в принятии коллективных, согласованных решений. *Только при сбалансированном паритете индивидуального и общественного, частного и публичного в данной сфере возможно становление ответственной «биологической гражданственности» человека* [27].

Заключение

Подводя итог, можно повториться, что управление биологией человека вполне возможно, если понимать под ним рациональные мониторинг, прогнозирование и планирование. Более того, есть все основания считать такое управление реальностью ближайшего цивилизационного будущего. Меж тем с усилением процессов такой биоправленческой активности вероятно и усложнение механизмов регулирования последних, прежде всего со стороны государства, общественных институтов и международных организаций (например, ВОЗ). Биоэтика, имеющая моральную природу, представляет собой систему антропологически желаемых, но строго не закрепленных, неписанных правил, и поэтому она не будет являться (и уже по сути не является) достаточной для подобной регуляции. Ожидается, что в деле отстаивания достоинства и ценности человеческой жизни, за-

щиты витальных интересов личности и общества биоэтика будет дополнена биоправом, которое закрепит ее принципы, придаст им строгую формальность и директивность [22], а также *гуманитарной экспертизой*, предполагающей на порядки более комплексные, чем просто этические или правовые, оценку и аудит деятельности, направленной на человека [19]. *Если практика данных регуляторов будет исходить из реальных потребностей человека, сбалансированной координации интересов личности и общества, то есть все основания полагать, что они смогут предотвратить возможные риски и угрозы данного биоуправления, придадут ему социально ориентированный и подлинно разумный характер.*

Литература

1. *Абашидзе А.А., Солнцев А.М.* Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал международного права. 2009. № 1. С. 69—82.
2. *Агамбен Д.* Открытое. Человек и животное. М.: РГГУ, 2012. 112 с.
3. *Агамбен Д.* Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
4. *Войнилов Ю.Л., Полякова В.В.* Мое тело — моя крепость: общественное мнение о биомедицинских технологиях // Социология власти. 2016. № 1. С. 85—207.
5. *Дёмин И.В.* «Кибернетическое бессмертие» и трансформация природы человека: дебиологизация или деантропологизация? // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 2. С. 66—71.
6. *Диев В.С.* Управление: наука, практика, искусство // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Философия. 2009. № 4. С. 60—65.
7. *Долин В.А.* Трансгуманистические представления о человеке в современном антропологическом дискурсе // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 4. С. 133—144.
8. *Дубровский Д.И.* Биологические корни антропологического кризиса. Что дальше? // Человек. 2012. №. 6. С. 51—54.
9. *Клейнер Г.Б.* Гуманистический менеджмент, социальный менеджмент, системный менеджмент — путь к менеджменту XXI

- века // Российский журнал менеджмента. 2018. Т. 16. № 2. С. 231—252.
10. *Лем С.* Сумма технологии. М.: АСТ, 2003. 668 с.
 11. *Лепский В.* Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: «Когито-Центр», 2015. 107 с.
 12. *Назаретян А.П.* Законы природы и инерция мышления // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 152—161.
 13. *Олескин А.В.* Сетевые структуры как биополитический проект // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77. № 12. С. 1084—1088.
 14. *Осинов Ю.М.* Философия хозяйства и будущее // Философия хозяйства. 2012. № 2. С. 283—286.
 15. *Русакова О.Ф., Ковалева Д.М.* «Мягкая сила» и «умная власть»: концептуальный анализ // Социум и власть. 2013. № 3. С. 15—19.
 16. *Хайек Ф.А. фон.* Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М.: ОГИ, 2003. 288 с.
 17. *Хаксли О.* Возвращение в дивный новый мир. М.: АСТ, 2018. 192 с.
 18. *Шкоп Я.* Биоэкономика и триада мировых ресурсов // Общество и экономика. 2012. № 3—4. С. 174—179.
 19. *Юдин Б.Г.* Технонаука, человек, общество: актуальность гуманитарной экспертизы // Век глобализации. 2008. № 2. С. 146—154.
 20. *Яблоков А.В., Левченко В.Ф., Керженцев А.С.* О концепции «управляемой эволюции» как альтернативе концепции «устойчивого развития» // Теоретическая и прикладная экология. 2017. № 2. С. 4—8.
 21. *Яблоков А.В., Левченко В.Ф., Керженцев А.С.* Преодолим ли трудности перехода антропосферы в ноосферу // Биосфера. 2016. Т. 8. № 3. С. 247—257.
 22. *Varilan Y.M.* Human dignity, human rights, and responsibility: The new language of global bioethics and biolaw. Cambridge: MIT Press, 2012. 367 p.
 23. *Bennett G. et al.* From synthetic biology to biohacking: are we prepared? // Nature Biotechnology. 2009. Vol. 27. No. 12. P. 1109—1111.

24. *Castells M.* Communication power. Oxford: Oxford University Press, 2013. 592 p.
25. *Nadesan M.H.* Governmentality, biopower, and everyday life. N. Y.: Routledge, 2008. 258 p.
26. *Normann C., Berger M.* Neuroenhancement: status quo and perspectives // *European archives of psychiatry and clinical neuroscience*. 2008. Vol. 258. No. 5. P. 110—114.
27. *Rose N., Novas C.* Biological citizenship // *Global assemblages: Technology, politics, and ethics as anthropological problems* / A. Ong, S. Collier (eds). Malden: John Wiley & Sons, 2005. P. 439—463.
28. *Schaltegger S., Burritt R., Petersen H.* An introduction to corporate environmental management: Striving for sustainability. N. Y.: Routledge, 2017. 384 p.
29. *Van Kooten G.C., Bulte E.H.* The economics of nature: managing biological assets. Malden: Wiley, 2000. 512 p.

References

1. *Abashidze A.A., Solntsev A.M.* Novoe pokolenie prav cheloveka: somaticheskie prava // *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2009. № 1 (73). S. 69—82.
2. *Agamben D.* Otkrytoe. Chelovek i zhitvnoe. M.: RGGU, 2012. 112 s.
3. *Agamben D.* Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'. M.: Evropa, 2011. 256 s.
4. *Voinilov Yu.L., Polyakova V.V.* Moe telo — moya krepost': obshchestvennoe mnenie o biomeditsinskikh tekhnologiyakh // *Sotsiologiya vlasti*. 2016. № 1. S. 85—207.
5. *Demin I.V.* «Kiberneticheskoe bessmertie» i transformatsiya prirody cheloveka: debiologizatsiya ili deantropologizatsiya? // *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury*. 2014. № 2. S. 66—71.
6. *Diev V.S.* Upravlenie: nauka, praktika, iskusstvo // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Filosofiya. 2009. № 4. S. 60—65.
7. *Dolin V.A.* Transgumanisticheske predstavleniya o cheloveke v sovremennom antropologicheskom diskurse // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2017. № 4. S. 133—144.

8. *Dubrovskii D.I.* Biologicheskie korni antropologicheskogo krizisa. Chto dal'she? // *Chelovek*. 2012. № 6. S. 51—54.
9. *Kleiner G.B.* Gumanisticheskii menedzhment, sotsial'nyi menedzhment, sistemnyi menedzhment — put' k menedzhmentu XXI veka // *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta*. 2018. T. 16. № 2. S. 231—252.
10. *Lem S.* Summa tekhnologii. M.: AST, 2003. 668 s.
11. *Lepskii V.* Evolyutsiya predstavlenii ob upravlenii (metodologicheskii i filosofskii analiz). M.: «Kogito— Tsentr», 2015. 107 s.
12. *Nazaretyan A.P.* Zakony prirody i inertsia myshleniya // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1998. № 4. S. 152—161.
13. *Oleskin A.V.* Setevye struktury kak biopoliticheskii proekt // *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 2007. T. 77. № 12. S. 1084—1088.
14. *Osipov Yu.M.* Filosofiya khozyaistva i budushchee // *Filosofiya khozyaistva*. 2012. № 2. S. 283—286.
15. *Rusakova O.F., Kovaleva D.M.* «Myagkaya sila» i «umnaya vlast'»: kontseptual'nyi analiz // *Sotsium i vlast'*. 2013. № 3. S. 15—19.
16. *Khaiek F.A. fon.* Kontrevolyutsiya nauki. Etyudy o zloupotrebleniyakh razumom. M.: OGI, 2003. 288 s.
17. *Khakli O.* Vozvrashchenie v divnyi novyi mir. M.: AST, 2018. 192 s.
18. *Shkop Ya.* Bioekonomika i triada mirovykh resursov // *Obshchestvo i ekonomika*. 2012. № 3— 4. S. 174—179.
19. *Yudin B.G.* Tekhnonauka, chelovek, obshchestvo: aktual'nost' gumanitarnoi ekspertizy // *Vek globalizatsii*. 2008. № 2. S. 146—154.
20. *Yablokov A.V., Levchenko V.F., Kerzhentsev A.S.* O kontseptsii «upravlyaemoi evolyutsii» kak al'ternative kontseptsii «ustoichivogo razvitiya» // *Teoreticheskaya i prikladnaya ekologiya*. 2017. № 2. S. 4—8.
21. *Yablokov A.V., Levchenko V.F., Kerzhentsev A.S.* Preodolimy li trudnosti perekhoda antroposfery v noosferu // *Biosfera*. 2016. T. 8. № 3. S. 247—257.
22. *Barilan Y.M.* Human dignity, human rights, and responsibility: The new language of global bioethics and biolaw. Cambridge: MIT Press, 2012. 367 p.
23. *Bennett G. et al.* From synthetic biology to biohacking: are we prepared? // *Nature Biotechnology*. 2009. Vol. 27. № 12. P. 1109— 1111.
24. *Castells M.* Communication power. Oxford: Oxford University Press, 2013. 592 p.

25. *Nadesan M.H.* Governmentality, biopower, and everyday life. New York: Routledge, 2008. 258 p.

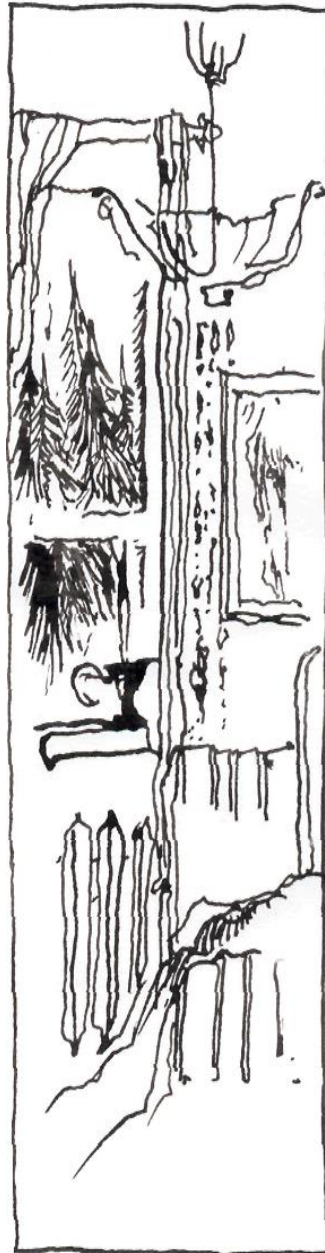
26. *Normann C., Berger M.* Neuroenhancement: status quo and perspectives // *European archives of psychiatry and clinical neuroscience*. 2008. Vol. 258. № 5. P. 110—114.

27. *Rose N., Novas C.* Biological citizenship // *Global assemblages: Technology, politics, and ethics as anthropological problems* / ed. by A. Ong, S. Collier. Malden: John Wiley & Sons, 2005. P. 439—463.

28. *Schaltegger S., Burritt R., Petersen H.* An introduction to corporate environmental management: Striving for sustainability. N. Y.: Routledge, 2017. 384 p.

29. *Van Kooten G.C., Bulte E.H.* The economics of nature: managing biological assets. Malden: Wiley, 2000. 512 p.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Т.С. СУХИНА

**20 лет журналу «Философия хозяйства»:
развитие в библиометрических измерениях***

Аннотация. В статье представлены основные библиометрические показатели журнала «Философия хозяйства» в Российском индексе научного цитирования, возникшего как периодическое междисциплинарное научное издание в 1999 г. и достигшего двадцатилетия. Приведен анализ динамики основных показателей журнала по данным РИНЦ в период 2013—2018 гг.

Ключевые слова: научное издание, журнал «Философия хозяйства», философия хозяйства, обществоведение, экономика, библиометрические показатели, импакт-фактор, РИНЦ.

Abstract. The article presents the main bibliometric indicators of the journal «Philosophy of Economy» in the Russian Science Citation Index, created as a periodic interdisciplinary scientific publication in 1999, which reached its twentieth anniversary. The analysis of the dynamics of the main indicators of the journal according to the RSCI data in the period 2013—2018 is given.

Keywords: scientific publication, journal «Philosophy of Economy», philosophy of economy, social science, economics, bibliometric measures, impact factor, RSCI.

УДК 01; 330
ББК 78.0: 65.05

Журнал «Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ» — научно-теоретический журнал, создан и зарегистрирован в 1999 г. как средство массовой информации, и с тех пор регулярно издается 6 раз в год.

Основатель и бессменный главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор, председатель Научного совета

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сухина Т.С. 20 лет журналу «Философия хозяйства»: развитие в библиометрических измерениях // Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 287—293.

«Центр общественных наук МГУ», заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, заслуженный деятель науки РФ Ю.М. Осипов, создатель и руководитель научно-образовательной школы философии хозяйства.

Содержание журнала охватывает исследования в области гуманитарных и общественных наук и нацелено на развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний.

Журнал «Философия хозяйства» является рецензируемым журналом, с 2007 г. журнал включен в «Перечень ВАК», а с 2018 г. решением Президиума ВАК рекомендован для публикации результатов диссертаций на соискание ученых степеней по трем группам научных специальностей: 08.00.00 Экономические науки (08.00.01 Экономическая теория, 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности в т. ч.), 08.00.14 Мировая экономика); 09.00.00 Философские науки (09.00.11 Социальная философия, 09.00.13 Философская антропология, философия культуры, 09.00.08 Философия науки и техники); 22.00.00 Социологические науки (22.00.03 Экономическая социология и демография, 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы, 22.00.05 Политическая социология).

С 2009 г. номера журнала размещаются в Российском индексе цитирования (РИНЦ), электронные архивы выпусков (с конца 2004 г.) находятся в свободном доступе на странице журнала на сайте экономического факультета МГУ www.econ.msu.ru/departments/lfh/ и на сайте журнала philh.ru.

С 1999 г. вышли в свет 128 выпусков журнала, среднее число статей в каждом выпуске 22, всего в РИНЦ представлены 2549 статей. В журнале опубликованы более 560 авторов. Суммарное число цитирований журнала в РИНЦ 4748, при этом более 65% публикаций (3121) процитированы больше, чем один раз, а около 46% публикаций (2214) — имеют десять и более цитирований [1]¹.

Место журнала в общем рейтинге Science index за 2018 г. — 3057, а в рейтинге Science index по экономике и экономическим наукам — 308.

¹ Научные показатели журнала «Философия хозяйства» приведены по данным РИНЦ на портале научной электронной библиотеки elibrary.ru (раздел «Анализ публикационной активности журнала» в профиле журнала) [1].

При этом место в рейтинге по результатам общественной экспертизы — 1183, что обусловлено достаточно высокой средней оценкой 2,639, проставленной в 10,1% анкет.

Журнал позиционируется как мультидисциплинарный, на страницах журнала публикуются материалы разной тематики (философия, социология, политические науки, история и другие области гуманитарного знания), но статьи по экономике и экономическим наукам преобладают, поэтому в РИНЦ издание фигурирует в тематической подборке «Экономика. Экономические науки». Это отражает распределение цитирующих публикаций по тематике — преобладающее большинство из них по экономике и экономическим наукам — 2305, по философии — 460, по социологии — 133.

Известность журнала в академической среде находит отражение и в распределении цитирующих публикаций по журналам — ссылки на статьи, опубликованные в «Философии хозяйства», были сделаны в 711 журналах России и ближнего зарубежья.

В период с 2013 по 2018 г. прослеживается положительная динамика ряда библиометрических показателей журнала. Например, показатель «число цитирований журнала в текущем году» увеличился почти вдвое со 140 до 274, а этот же показатель без учета самоцитирования увеличился со 114 до 193. Среднее число ссылок в статье возросло с 6 до 9.

В последние годы для рейтинга журнала особое значение приобрел такой неоднозначный показатель, как импакт-фактор — в зависимости от его величины журнал включается в различные рейтинговые списки, от его величины зависит наукометрическая оценка журнала и соответственно статей, в нем опубликованных, делаются выводы об уровне публикаций авторов. В РИНЦ в качестве основного показателя, указываемого в «Информации о журнале», используется пятилетний импакт-фактор журнала без самоцитирования.

Импакт-фактор показывает число ссылок в текущем году из других журналов на статьи, опубликованные в журнале за предыдущий период — два года или пять лет, поделенное на число этих статей. Эти показатели рассчитываются как с учетом самоцитирования журнала — ссылок из журнала на статьи в самом журнале, — так и без учета самоцитирования. Показателем также двухлетний импакт-фактор, рассчитанный для цитирований из всех источников, в том числе монографий, сборников статей, трудов конференций и т. д.

И двухлетний, и пятилетний импакт-факторы журнала «Философия хозяйства» демонстрируют отчетливый рост. Особенно заметен он для двухлетнего показателя, величина которого за последние 6 лет выросла на 260% (табл. 1) [1].

Таблица 1

**Двухлетний импакт-фактор журнала
«Философия хозяйства» в РИНЦ**

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
С самоцитированием	0,115	0,162	0,289	0,290	0,295	0,416
Без учета самоцитирования	0,072	0,120	0,188	0,189	0,173	0,262
С учетом цитирования из всех источников	0,141	0,197	0,378	0,476	0,418	0,594

Наряду с ростом двухлетних импакт-факторов журнала заметно увеличился и разрыв между показателем с учетом самоцитирования, величина которого достигла 0,416, и импакт-фактором без учета самоцитирования (0,262), что наглядно представлено на рис. 1.

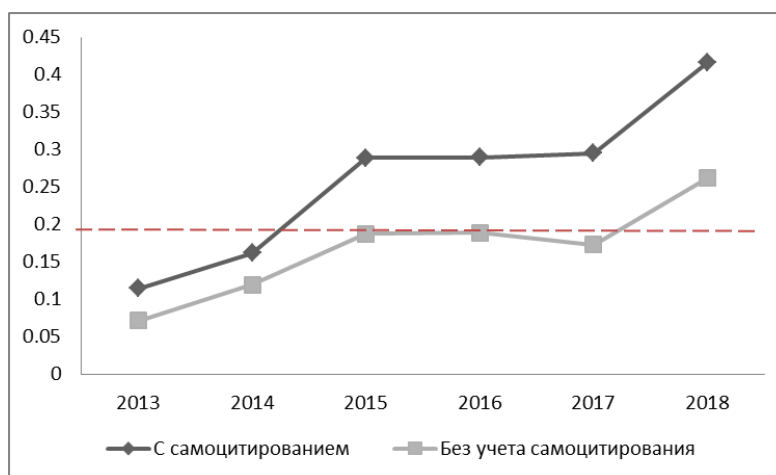

Рис. 1. Двухлетний импакт-фактор журнала «Философия хозяйства» [1]

Уверенная положительная динамика роста двухлетних импакт-факторов весьма специфична для журналов гуманитарного профиля и косвенно свидетельствует о публикации в журнале существенной доли актуальных и злободневных статей [3]. Достижение достаточно высоких цифр этих показателей в 2018 г. позволяет надеяться, что и пятилетний импакт-фактор без учета самоцитирования, являющийся в настоящее время ключевым для научных журналов, продолжит тенденцию к росту и в обозримом будущем преодолет «значимую» для рейтинга журнала границу 0,2 (табл. 2, рис. 2) [1].

Таблица 2

**Пятилетний импакт-фактор журнала
«Философия хозяйства» в РИНЦ**

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
С самоцитированием	0,087	0,141	0,198	0,174	0,209	0,219
Без учета самоцитирования	0,066	0,111	0,145	0,114	0,134	0,140

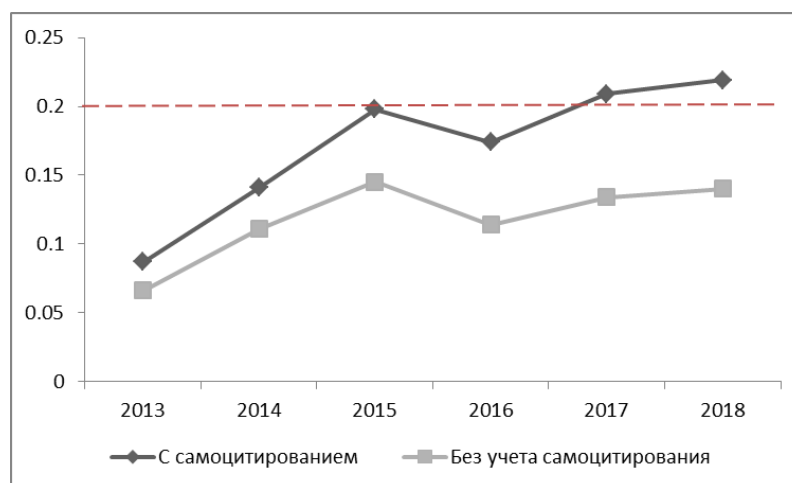

Рис. 2. Пятилетний импакт-фактор журнала
«Философия хозяйства» в РИНЦ [1]

И для пятилетнего импакт-фактора прослеживается тенденция увеличения разрыва между величиной показателя с самоцитированием и без учета самоцитирования. Для повышения пятилетнего импакт-фактора и соответственно рейтинга журнала в РИНЦ и других индексах необходимо увеличить количество цитирований статей журнала в других журналах и снизить коэффициент авторского самоцитирования, т. е. доли ссылок, сделанных авторами на свои же работы, среди всех ссылок.

Рост импакт-факторов сдерживается значительно высоким показателем самоцитирования журнала. Двухлетний коэффициент самоцитирования демонстрирует долю ссылок журнала на статьи, опубликованные в самом журнале, среди общего числа ссылок, сделанных в текущем году на выпуски этого журнала за два предыдущих года. Достаточно высокое значение этого показателя — около 35%, во многом обусловлено мировоззренческой, концептуальной и методологической спецификой журнала, которая привлекает авторов к публикации статей именно на страницах журнала, а также цитированию ранее опубликованных в нем статей [2].

Другой количественной характеристикой цитирования статей является индекс Хирша журнала — его значение равно n , если n статей из журнала были процитированы не менее n раз. Этот показатель тоже демонстрирует рост: с 2013 по 2018 г. средний десятилетний индекс Хирша журнала «Философия хозяйства» вырос с 9 до 13, при этом средний индекс Хирша авторов вырос с 5,3 до 8,5 за то же время.

Для получения более объективной характеристики журнала используются индексы Херфиндаля, позволяющие оценить распределение цитирований по цитирующим журналам и распределение авторов статей в журнале по организациям. Эти показатели изменяются от 1 до 10000, и чем больше количество цитирующих журналов и чем равномернее распределены по ним ссылки на данный журнал, тем они ниже. И здесь тенденции изменения этих показателей разнонаправленны: за исследуемый период времени пятилетний индекс Херфиндаля по цитирующим журналам вырос с 741 до 1388, но индекс Херфиндаля по организациям авторов уменьшился с 1471 до 1091. Динамика этих индексов указывает на некоторую тенденцию к сужению круга журналов, в которых цитируются статьи из «Философии хозяйства», и параллельно расширению географии авторов опубликованных в журнале статей. Важно отметить, что в обоих случаях показатели журнала говорят о его достаточно широкой известности

в научных кругах, о том, что статьи, публикуемые в журнале, реально значимы для научного сообщества.

В заключение необходимо отметить, что за 20 лет своего существования научный журнал «Философия хозяйства» прошел большой путь, обрел широкую известность среди научной общественности и занял свою нишу среди журналов экономической и обществоведческой направленности. Журнал стал площадкой для большого философско-хозяйственного и мировоззренческого дискурса, что в конечном итоге выливается в оригинальное течение отечественной и мировой мысли. Благодаря большой сплоченной работе редакционного совета и редакции журнала над каждой статьей и каждым выпуском, журнал неуклонно развивается, поддерживая высокий уровень научных публикаций.

Литература

1. Научная электронная библиотека eLibrary.ru: [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/title_profile.asp?id=9225 (дата обращения: 22.05.2020).

2. *Осипов Ю.М.* На пульсе ускользящего времени // Философия хозяйства. 2020. № 1. С.11—14.

3. *Третьякова О.В.* К вопросу об импакт-факторе научного журнала и методиках его формирования // Вопросы территориального развития. 2014. № 5 (15): [Электронный ресурс]. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1412>.

References

1. Nauchnaya ehlektronnaya biblioteka eLibrary.ru: [EHlektronnyj resurs]. URL: https://elibrary.ru/title_profile.asp?id=9225 (data obrasheniya: 22.05.2020).

2. *Osipov YU.M.* Na pul'se uskol'zayushhego vremeni // Filo-sofiya khozyajstva. 2020. № 1. S.11—14.

3. *Tret'yakova O.V.* K voprosu ob impakt-faktore nauchnogo zhurnala i metodikakh ego formirovaniya // Voprosy territorial'nogo razvitiya. 2014. № 5 (15): [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1412>.

АНОНСЫ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

«Иной мир как всю бытующая реальность (человек — хаос — постчеловек)»

Это только кажется, что иной — не наш, стало быть — мир где-то там, вне земли, вне человечества, стало быть, и вне нас, а он — такой-сякой — прямо... здесь, на земле, в человечестве, стало быть, и в нас, мало того — он всю действует и, кажется, делает свое дело похлеще мира этого, как бы и нашего, земного, да так такой-сякой делает, что впору заговорить о превращении человека зёмного в постчеловека незёмного, а мира человеческого в мир постчеловеческий, тоже неземный, иначе как тогда все это — ультрасовременное — понимать?

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2020

Секция лаборатории философии хозяйства

«Интригующая будущность: экономика с цифрой или цифра без экономики»

Пока вокруг не слишком еще интригующая и не очень-то задевающая воображение экономистов обыденная настоящность, когда экономика, полная до краев вездесущих экономических (стоимостных) цифр, весьма успешно (хоть и таинственно) ведущая свое сложное цифирное дело (деньги, цены, капиталы, инвестиции, кредиты, доходы и все подобное цифирно-экономическое). Но вот активно и безапелляционно наступает некая странная будущность, когда цифра хоть и продолжает обслуживать ненасытное экономическое чрево, но уже заявляет о себе — вполне и интригующе! — как о самой-себе-цифре, способной не только подчинить себе экономику, а и сделать из нее кое-что другое — ту же цифронику, то бишь учредить на месте экономики свое собственное, уже цифирно-технотропное, искусственное чрево. Что — разве не так?

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

**«Техногенез как генератор перемен:
цивилизация, управление, экономика»**

Вот и пришла пора благодарно вспомнить о марксо-марксистском тезисе о непреходящей роли производительных сил, их развития, в переформатировании способов хозяйства, цивилизаций, культур, самого человека, его сознания! Во всяком случае что-то подобное явно происходит сейчас, в данный исторический момент, когда взрывоподобный техногенез, претендующий на статус искусственного разума, радикально меняет все вокруг — но вот как, в каком направлении и с каким возможным итогом?

(Польша, Варшава,
Факультет управления Варшавского университета)

* * *

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

из цикла

«Россия: земля и люди»

на тему:

**«Рассеянные будни пореформенной России:
ожидания, миражи, реалии»**

Разве будни российские ныне не рассеянные, а, наоборот, всюю определенные, стройные, проектные, надежные, понятные, наконец? То, что ожидания людские (хоть физических лиц, хоть юридических) неопределенны, а просматриваемые ими горизонты вполне себе миражны, то бишь то и другое и впрямь рассеянное — это более или менее попятно, но вот объективные, так сказать, реалии, еще и каждодневные, они-то что — разве не задеты необъятным, весьма уже и институциональным хаосом? Новые времена — новый мир — новая реальность, ну и новая ее рассеянность, прямо-таки сетевая, в сети и сквозь сети, вполне себе тоже рассеянные. Надолго ли все это, а может, и навсегда?

Совместно с администрацией Мучкапского района и Тамбовским
государственным университетом имени Г.Р. Державина
(Тамбов, ТГУ имени Г.Р. Державина)

* * *

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2020
Всероссийский научный симпозиум

«Что за времена, что за мир, что за хомос?»

Что есть вокруг, что происходит, что творится? Что? Интересно, не правда ли?

(Краснодарский край, пос. Новомихайловский, ВДЦ «Орленок»)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Россия в переделье: цивилизация, техногенез, экономика»

Именно в переделье, а не просто в переменах, ибо перемены в России не только и не столько «самоходные», сколько — пусть и без единой, целостной и внятной программы — авторитарно, если не диктатно, переделочные, даже и не перестроечные, и уж тем более не перестроенческие. Что, зачем, в каких координатах и по каким векторам, с какими результатами? По всему бытийному — историческому — фронту, включая и его глубокие тылы.

Секции:

1. Россия как цивилизация и цивилизация как Россия: суть и ход перемен.
2. Техногенез как главный мотор тотального переделья.
3. Российская экономика: состояние, тенденции, превращения.

2—4 декабря 2020 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

РУМЯНЦЕВ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ,

доктор экономических наук, доцент, профессор, кафедра экономической теории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (*churila@yandex.ru*).

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра теории культуры, этики и эстетики, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия (*vkorolev@sfnu.ru*).

ЕВГРАФОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра экономической теории и международных экономических отношений, Российская таможенная академия (Ростовский филиал), Ростов-на-Дону, Россия (*dia7@bk.ru*).

РУМЯНЦЕВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (*s.pumyantseva@spbu.ru*).

АЛЬПИДОВСКАЯ МАРИНА ЛЕОНИДОВНА,

доктор экономических наук, профессор, департамент экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*morskaya67@bk.ru*).

АСЛАНОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор химических наук, профессор, химический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*aslanov@struct.chem.msu.ru*).

РЯЗАНОВ ВИКТОР ТИМОФЕЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (*v.rjazanov@mail.ru*).

НИЖЕГОРОДЦЕВ РОБЕРТ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, заведующий лабораторией экономической динамики и управления инновациями, Институт проблем управления имени В.А. Трапезникова РАН, Москва, Россия (*bell44@rambler.ru*).

ЛИПОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕНТИНОВИЧ,

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и прогнозирования НАН Украины, Киев, Украина; профессор, Харьковский национальный экономический университет имени С. Кузнецца, Харьков, Украина (*Lipovvl7@gmail.com, Lypov_vl@ukr.net*).

СЛЮСАРЕВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ,

младший научный сотрудник, кафедра философии, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*slyusarevvladimir@gmail.com*).

ХУСЯИНОВ ТИМУР МАРАТОВИЧ,

старший преподаватель, департамент социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия (*timur@husyainov.ru*).

АЛЕКСАШИНА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики труда и управления человеческими ресурсами, Институт экономики и финансов, Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия (*altavip@yandex.ru*).

СМАГИНА ВИКТОРИЯ ИГОРЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики труда и управления человеческими ресурсами, Институт экономики и финансов, Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия (*vismaguina@gmail.com*).

СМАГИН ИГОРЬ ИВАНОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра финансов и банковского дела, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия (*smigor55@mail.ru*).

ТАРАСОВ АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра философии, социологии и психологии управления, Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС, Нижний Новгород, Россия (*alexey.an.tarasov@gmail.com*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет; ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*girenok@list.ru*).

БАТАЛОВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ,

аспирант, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*mysorcery@yandex.ru*).

ШИРОКАЛОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА,

доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Приволжский филиал), Нижний Новгород, Россия (*shirokalova@list.ru*).

СИНЯКОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Национальный транспортный университет, Киев, Украина (*sinjakovsv@gmail.com*).

ЖЕЛНИН АНТОН ИГОРЕВИЧ,

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия (*antonzhelnin@gmail.com*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tsmsu@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

RUMYANTSEV MIKHAIL ALEKSEEVICH,

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economic Theory, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (*churila@yandex.ru*).

KOROLEV VLADIMIR KONSTANTINOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of the Theory Culture, Ethic and Aesthetic, Institute of Philosophy and Social-Political Science, South Federal University, Rostov-on-Don, Russia (*vkorolev@sfedu.ru*).

EVGRAPHOVA OLGA VLADIMIROVNA,

Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor, Department of the Economic Theory and International Economic Relations, Russian Customs Academy, Rostov Branch, Rostov-on-Don, Russia (*dia7@bk.ru*).

RUMYANTSEVA SVETLANA YURIEVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Economic Theory Department, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (*s.pumyantseva@spbu.ru*).

ALPIDOVSKAYA MARINA LEONIDOVNA,

Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*morskaya67@bk.ru*).

ASLANOV LEONID ALEKSANDROVICH,

Doctor of Chemical Sciences, Professor, Faculty of Chemistry, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*aslanov@struct.chem.msu.ru*).

RYAZANOV VIKTOR TIMOFEEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Department of Economic Theory, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (*v.rjanzanov@mail.ru*).

NIZHEGORODTSEV ROBERT MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Chief of the Laboratory in V.A. Trapeznikov Institute of Control Science RAS, Moscow, Russia (*bell44@rambler.ru*).

LIPOV VLADIMIR VALENTINOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher, Institute for Economics and Forecasting NAS of Ukraine, Kyiv, Ukraine; Semen Kuznets Kharkiv National Economic University, Kharkiv, Ukraine (*Lipovvl7@gmail.com*, *Lypov_vl@ukr.net*).

SLIUSAREV VLADIMIR VLADIMIROVICH,
Junior Researcher, Department of Philosophy, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Nivgorod, Russia (*slyusarevvladimir@gmail.com*).

KHUSYAINOV TIMUR MARATOVICH,
Senior Lecturer, Department of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Nizhni Nivgorod, Russia (*timur@husyainov.ru*).

ALEKSASHINA TATIANA VIKTOROVNA,
Candidate of Economics, Associate Professor, Russian University of Transport, Moscow, Russia (*altavip@yandex.ru*).

SMAGINA VICTORIA IGOREVNA,
Candidate of Economics, Associate Professor, Russian University of Transport, Moscow, Russia (*vismaguina@gmail.com*).

SMAGIN IGOR IVANOVICH,
Doctor of Economics, Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia (*smigor55@mail.ru*).

TARASOV ALEKSEY ANATOLYEVICH,
Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Department of Philosophy, Sociology and Psychology of Management, Nizhny Novgorod Institute of Management — branch of RANEPa, Nizhny Novgorod, Russia (*alexey.an.tarasov@gmail.com*).

GIRENOK FEDOR IVANOVICH,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*girenok@list.ru*).

BATALOV VLADIMIR VLADIMIROVICH,
Postgraduate Student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*mysorcery@yandex.ru*).

SHIROKALOVA GALINA SERGEEVNA,
Doctor of Sociology, Professor, Senior Researcher, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (branch), Nizhny Novgorod, Russia (*shirokalova@list.ru*).

SINIAKOV SERGEY VASILIEVICH,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, National Transport University, Kyiv, Ukraine (*sinjakovsv@gmail.com*).

ZHELNIN ANTON IGOREVICH,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Perm State National Research University, Perm, Russia (*antonzhelnin@gmail.com*).

SUKHINA TATIANA SERGEEVNA,
Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 40000 знаков (без пробелов).

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы); адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК**, **ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком *References* должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Таблицы выполняются табличными ячейками Word. **Математические символы и формулы** должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул. Графики

строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Рисунки и схемы, выполненные в Word, сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** по ширине не должен превышать 11 см. **Цвет рисунков — черно-белый**. Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.